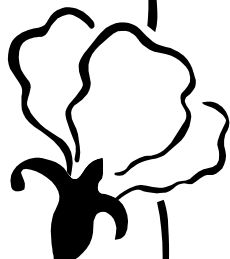

№ 10-11`

Октябрь 1999 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

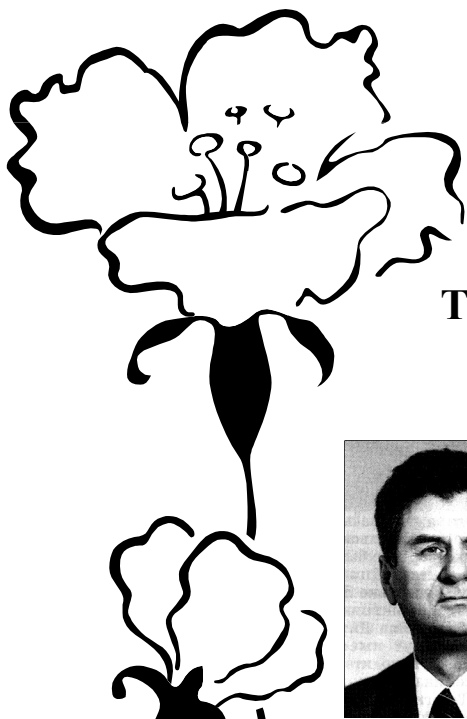

Алексей МИЛЬКОВ

ПРАЗДНИК В ТУШИНО

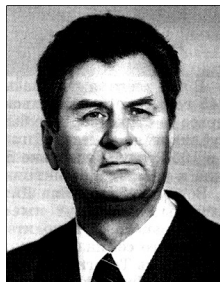
Черная страница в истории России

(научно-фантастический роман)

ТАРБАЕВУ БОРИСУ ИГНАТЬЕВИЧУ

70 ЛЕТ!

В значительной степени в его творчестве нашли отражение жизненные наблюдения и материалы, связанные с профессией геолога, романтикой освоения Севера и активного общения с природой.

Начиная с конца 60-х годов вышло несколько сборников рассказов “Старый Кру видит далеко”, “Добрый океан”, “Глаз сокола”, написанные в Ухте. Причем все они изданы в Москве.

“Ухта литературная” желает Борису Игнатъевичу здоровья, долгих лет жизни и творческих успехов во всех областях его деятельности! И еще, вернуться из Сыктывкара в Ухту!

ПАМЯТИ ПОЭТА

85 лет НИКОЛАЮ АБРАМОВИЧУ ВОЛОДАРСКОМУ (1914 – 1992 гг.)

Никто из нас вместе взятых столько не наездил в “черном воронке”, сколько Николай Володарский.

Его поколение было чисто, беспрекословно выполняло все, что приказывалось, до фанатизма любило Родину, владело грандиозными идеями, но вместе с тем по-детски было наивно и доверчиво.

Он смог своими прекрасными стихами донести дух непростого времени, в котором ему пришлось стать случайным свидетелем эпохи.

“Ухта литературная”

Алексей МИЛЬКОВ

НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА

“Ночь, улица, фонарь, аптека”! Мы помним эти блоковские слова. Первое впечатление — так может сказать каждый. Ничего в них особенного нет. Второе впечатление — почему они лезут нам в душу, почему гипнотизируют, почему ими желают при случае блеснуть и цитируют совершенно разноплановые люди?

Уважаемый читатель!

Любой юбилей красен достижениями. 10-й номер журнала “Ухта литературная” — это уже достижение. А еще в чем? С какими достижениями может выйти писатель к читателю? Книгами, тиражами, но, самое главное, словесностью. Писатель — специалист слова. Завораживать словами — вот одна из его задач. Во мне так запало еще с детства, что писателей можно сравнить с иллюзионистами. По сути они со словами вытворяют своеобразные фокусы. Умная фраза заставляет бешено заработать мысль читателя, и тогда в его глазах писатель возносится до уровня философа. “Все смешалось в доме Облонских”. Лев Толстой даже не предполагал, насколько это выражение станет ходячим. Сказала первая поэтесса республики Надежда Мирошниченко “Провинция любит потом”. И вот теперь эта фраза гуляет по свету и, конечно, должна войти в словарь “Крылатые слова и выражения”. Люди творили со словом чудеса. Это и в стихотворной форме, например: “Наверху летали птички, / Небо чиркая как спички”. (Антон Сурнин), в палиндромах: “А роза упала на лапу Азора”, в скороговорках и еще многих других формах и элементах.

Помню, в школьные годы я не мечтал стать уж тем более писателем, но любил хорошо сказанную, крепко сколоченную мысль. Тогда я и встретился с первыми софистами, способными “белое” превратить в “черное” и наоборот. Я выписывал для себя в красную толстую тетрадь из книг интересные афоризмы. Их выписывают, чтобы разобраться с

ними не сразу, а потом, в тиши, не спеша, на досуге, вкушать их неоднократно, пока они представляют пищу для ума. Афоризмы большей массе, учитывая мой возраст, были сначала о любви, например Сервантес де Сааведра: “Не всякий род красоты внушает любовь. Иногда она радуется взору, но не покоряет сердца”. Или Стефан Цвейг: “Расставание — это всегда лишь вечерняя заря, последняя вспышка света перед наступлением темноты”. Однажды, в 9 классе я к своему сочинению ниспослал эпитафию из Маяковского: “Эй, небо! Снимите шляпу!”, над которой смеялись одноклассники, когда учительница зачитала всему классу. Эпитафия с темой не стыкующийся. Исключительно ворвался в меня, только из-за того, что мне он понравился, как дань красоты. У меня была книга афоризмов Эмиля Кроткого, от которой я “тащился”. Пока не пропала. Далее, по мере роста сознания пошли афоризмы уже на разные темы. Вот, например, “Война не школа морали” смотрится попаданием в точку применительно к нашему времени югославской и чеченской бомбардировки.

И уже можно подвести итог. Одни строчки давали пищу для ума вчера, не дают сегодня, и есть такие, которые будут давать всегда, не подверженные времени.

Итак, нравственный поиск ведет к философии. И ее лучше всего выражать мыслями, а пределом человеческой мысли всегда был афоризм. Раньше афоризмы были простыми. Вот, например, образцы древнегреческих философов:

Сократ: “Я ем, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть”.

Солон: “В великих делах всем нравится нелзя”.

Фалес: “Начало всего есть вода”.

И

В

Хилон: “Познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную”.

Эзоп: “Огонь, женщина и море — три бедствия”.

Эмпедокл: “Наука увеличивает разум”.

Эпикур: “Лучше с разумом быть несчастным, чем без разума — счастливым”.

Эпимерид: “Прорицателям известно уже только совершившееся”.

Эпихарм: “Ничего не стоит тот, кому не завидуют”.

Цицерон: “Друзья познаются в беде”.

Потом пошли сложные и длинные, которые стали называться максимами и, далее, характеристиками. Это Монтень, Паскаль, Шамфор, Ларошфуко, Лабрюйер.

Интересен сам процесс превращения слов в уникальность, когда обычный текст вдруг обнаруживает в себе признаки пристального внимания к нему. Это означает, что он из тривиального превратился в несущего нагрузку, как золушка в принцессу. И вот здесь невольно сделаешь вывод: как ни говори, а гения определяет афористичность, и мы приходим к главной мысли, что писатель должен писать на уровне афоризма, чтобы его цитировали и цитировали. Хотя кто-нибудь может обрубить, сказав, что не обязательно, так как задачи литературы шире рамок афористики. Но желательно.

В этой связи, интересно воспринимаются стихи И.Терновского в одну строчку. Их можно

назвать максимами или характеристиками, не в честь ему будет сказано. Поистине философские размышления гуру, Далай-ламы, Конфуция, Христа, Будды, Монтеня. А строчкой “Мы подохнем на родной конюшне, морды погрузив в родной навоз”, он дополнил Нострадамуса.

Спектр нижеприведенных фраз широк. Некоторые вырваны из контекста, и благодаря этому заиграли по-новому. Или вот, например, что в строчке “Марафон доступен всем”? Парадокс. Это как “Космос доступен всем”. Вроде бы и доступен, и как бы недоступен. Или вот, когда-то Ильф и Петров сказали “гинекологический амфир” и это словосочетание было долго в ходу у сатириков и первых лиц страны, а сейчас подзабыли. В этом смысле интересен А.Максимов со своими: “хандрический слог”, “разъядрический ямб”.

Претендует ли что-нибудь из творчества, представленного журналом “Ухта литературная” на некий вклад в копилку российской словесности? Это судить читателю и еще раз задуматься писателю над тем, что и как он должен писать для него, о ценности слова и фразы.

Итак, перед вами мысли, фразы, афоризмы, крылатые выражения, и просто изящная словесность ухтинских писателей по следам десяти номеров журнала. И очень приятно будет, если что-нибудь из предложенного попадет в ваши записные книжки.

МЫСЛИ, ФРАЗЫ, АФОРИЗМЫ, КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, И ПРОСТО ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ — ВКЛАД УХТИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

Не тебя ли ждут назад с поля брани чьи-то
грустные глаза сквозь герани? 2.8¹

Торможусь в твоей красе в изумленьи. 2.8

Прошедший день считать наградою. 2.9

Летописи все – вранье. 2.11

Бесстрастно время: фигурки сбросило с
доски. 2.11

Лейтенанты незаметны, побеждают генера-
лы. Генералы нас мудрее, генералы делом пра-
вят. Лейтенанты не стареют: молодыми умира-
ют. 2.14

Иной талант подобен катастрофе. 2.15

Так чем же ты жива, литература? Сто тысяч
чашек крови — вот цена. 2.15

Только слово бьется в плаче. 2.16

Как хорошо вдали от мятежа смотреть в
глуши забытого селенья, как льется воздух на
мороз, дрожа, и саламандра пляшет на полень-
ях. 2.17

Хорошо быть молодым, как в одной поется
песне. Если и напьешься в дым, все равно к ут-
ру воскреснешь. 2.17

Суций крест – он в напрасном. 2.18

Немилосердна ночь, страшна усталость.
Быть преданным невмочь, предать осталось.
2.18

Человечество, ты греховно, опоганившее
свой дом, и когда-нибудь перед Верховным, ты,
наверно, предстанешь судом. 2.19

Нет выше удовольствия, кроме полового.
5.1

Мы постимся в мясоеды, а скоромимся в
посты. 9.7

Хоть и кривы наши рожи, мы душою не
кривим. 9.7

Что истина? Она слуга того, кто пребывает
в силе. 9.8

Невтерпеж обнаженность души — словно
прутьями исстегали. 9.9

Так пусть же знает недруг наш: легко Рос-
сия не сдастся. 9.9

Устрашает тонкость льда над глубинами
воды. Еще хуже чем беда ожидание беды. 9.9

Мы подохнем на родной конюшне, морды
погрузив в родной навоз. 9.11

Живущий есть тебе в упрек. 9.13

Но даже трезвый он кликуша, и даже пья-
ный — ты пророк. 9.13

Все неизменно с давних пор и без поправок
на эпоху: невольник истин — на костер, не-
вольник чести — на голгофу. 9.13

Лишь то на Земле не конечно, что живо при
всех виражах. 9.20

Понял я: не в этом зло, что во лбу немного
пядей. Знаю я, мне повезло: я смиренно зауря-
ден. Заявляю: блажен муж, иже выпьет после
бани. И не нужно тыщи душ насыщать пятью
хлебами. И не нужно новизной раздражать нау-
кознатцев, и не нужно в шар земной лбом вы-
соким упираться... Не разыщет славы перст
растворенного в народе, кто для бронзы и на
крест одинаково не годен. Не возвысят времена
тихо жившего и пресно, и не будет течь слюна
по мощам его безвестным. И не будет ничего:
анекдотов, лжи, плакатов. Душу скромную его
не растащат на цитаты. Не мудрец и не святой,
сгинет он, в забвеньи сверзаясь. Его именем ни-
кто не прикроет чушь и мерзость. И тянуть не
будут жил и юродствовать у храмов... Даже ес-
ли гнусно жил, мертвый, он не знает срама. 2.15

¹ Первая цифра – номер журнала. Вторая цифра – номер страницы.

Береженого Бог бережет... От ненастья, от пуль, от забот, от греха, от проклятых вопросов, от инфарктов, бессонниц, неврозов, от врагов и от новых идей, от любви, от друзей, от детей, от конфликтов, от гнева начальства, от любого на свете несчастья. Постоянно Господь начеку: подзащитного вирус не скосит, и уж яблоко ветка не сбросит береженому вдруг на башку. Хорошо береженный живет под щитом благосклонности Божьей. Береженого Бог бережет... Только б знать хорошо: для чего же? 2.16

Непутевому с рождения беда, все равно ему — огонь или вода, все равно ему — четверг или среда, непутевым остается он всегда. Непутевому авансы пропивать, в целине пути да трасы пробивать, землю рыть, леса валить и трелевать, и с начальством без конца конфликтовать. Непутевый... И куда его влечет? Дождь лицо его открытое сечет. Не боясь, напропалую ломит, черт! И покой его минует и почет. Непутевому мотаться без жены, сдуру лезть на пулеметы и рожны... Ну, а может, все-таки, нужны непутевые ребята для страны? 2.16

Не сотвори вреда больному, не сотвори вреда иному, непризнанному, невозможному, на принятое непохожему. Служителя нелегких истин не осуждай: он не корыстен. И не делами бесполезными — твоими занят он болезнями. Своими бедами тревожась, прости его за непохожесть. Он, над тобою не смеявшийся, быть может, ты — несостоявшийся. Когда его ты презираешь, ты не его — себя караешь за то, что был ленив, несмел, за то, что сделать не сумел. Пойми ж прекрасное уродство, прости чужое превосходство, живущее себя губя, и будет благо для тебя. 2.17

Плешивую дату, не каюсь, примите без грусти. Принес ли вас аист, а может, нашли вас в капусте. Грозит ли вам шизис, начальство, конфликты до гроба. А может, скончаться придется от пошлого тромба. Забудьте, что было, что были, что жили не сильно. А просто за то, что вы были, скажите спасибо. 2.17

Что-то властвует над нами: подсознание — царь царей, чье-то имя, чье-то знамя или попросту хорей. Но свершивши святотатство, что-нибудь из скверных дел, есть возможность оправдаться: я не сам — так бог велел. Бог имеет много данных, чтоб заставить и увлечь. Бог — он выдумал Майданек, а других заставил жечь. Взоры к небу устремивши с выражением тоски, по велениям всевышних обжигаем мы горшки.

И за послушанье это в обращении с огнем обещается победа в этом мире или ином. Не смущайтесь как там будет, как в анналах помянут — победителей не судят... Победителей клянут. 2.18

Гордость бесполезна, гордым слыть не лестно, будьте так любезны: уступайте место. Не стремясь возвыситься, уступайте в споре, в транспорте, на виселице и на минном поле. Не бросайтесь в месиво злобою взведенных, уступайте весело и непринужденно. Не тряситесь в стрессе: сердце ведь не камень. Что вам этот крейсер? Не утюг же мамин! Надо жить по совести, уступив медали. Уступите даме место в бронепоезде, микрофон — оратору, видик — оператору, литфонд — литератору, а земфонд — оратаю. Жизнь пойдет на лад еще, будет все прелестно, и на лучшем кладбище вам уступят место. 2.21

Не живем мы, а проживаем, мерзко мусоря и вредя. Остается не заживаем след от трактора и вождя. Мы разбрасываем камни с целью что-нибудь размозжить, потерявши давно умение не во имя, а просто жить. Надо б как-нибудь успокоить изверженья командных высот, надо б, камни собрав, построить дом, которого брань не трясет. И друг друга любить ненавязчиво, обходясь без великих идей. Жить совместно долго и счастливо и умереть в один день. 2.23

Стихи — вибрация души, которая бессмертна вроде. И могут быть нехороши, но неизменны по природе. Когда ж исходит что из нас волною радости или плача, определяет резонанс размер достигнутой удачи. А именит — не именит, напрасно сотрясаешь слово, когда ответно не звенит душа бессмертная другого. 9.9

Когда вы умны и красивы и счастливы женщин насчет, в избытке таланты и силы, здоровье... Чего ж вам еще? Но если умом вы не вышли, и профиль ваш — предкам укор, и нет дарований в излишке, то это — другой коленкор. Стерпеть не легко и смириться, что ты проживешь, захудал, в то время как многие лица как будто явились на бал. Им радость, их любят, их славят, а вы захлебнулись слюной. И хочется балом поправить пусть даже вдвоем с сатаной. Чтоб выйти в сословие первых, готовы на всякую гнусь. Так держится серых и серных всеильный и смрадный союз. 9.16

Любить — два слова не связать, но убедить — чего же проще. Убить — еще не доказать, заставить, наказать — не больше. Чуть слышно истину в пальбе, но загрузившему в сомненьях, будь счастлив, — говорят тебе: а если нет, то ты — изменник! Челу не одолеть числа, не избежав приемов грубых. Величина добра и зла измерена быть может в трупах. Вот диалектика идей, и преходящих и нетленных: стоят и светоч и злодей на пирамидах убиенных. 9.19

Может быть, с сотворения голый действует фатум, оттого и прозрение наступает постфактум. И в стремлении к доброму нам того не хватило поголовья, которому счет вела гильотина. Бесконечные опыты, вековые качели... Не с того ли мы прокляты, что не поняли цели? Были жертвенны, искренни, проявляли отвагу. Но стремились не к истине, а стремились ко благу. 9.19

Алексей МИЛЬКОВ

Наш “ухтинский Шаламов” Николай Володарский. 1.1

Ушли во вчера певцы утопического завтра. 1.1

Человечество, в общем-то, не предназначено для счастливой жизни и счастливого конца. Не хэппи-энд удел человека. Предназначение человечества в другом. Надо просто жить. В борьбе. В развитии. В стремлении. 1.2

Литературный процесс двигают не только гранды, но и поденщики халтуры. 1.2

Смеются все. В жизни примат смеха невыблем и подавляющий. Это абсолютная философская истина 1.7

Психиатрам нужен в цепкие руки не факт, а человек с его чувствительной, внутренней, нервной организацией, воздействуя на которую психотропными методами, они считают, что добиваются положительного эффекта. 1.9

Когда речь идет о поэзии, лучше спор, даже мордобитие, чем эпитафия. 1.24

Чем цивилизованней, а значит, гуманней человек, тем меньше у него в сознании тигров и больше коал. 1.26

Если есть зеркало, искажающее фигуру, следовательно, существует зеркало, которое ненормальную фигуру может представить в точном соответствии со всеми правильными эстетическими канонами на нее. 5.17

Добивайтесь высокой обращаемости контрацептивов! 3.21

Съедение себе подобных дает более широкое представление о неограниченных возможностях желудков. 3.14

Умение пользоваться контрацептивами отличает любую высокоразвитую урбанистическую культуру мира. 3.23

Марафон доступен всем. 5.2

Романтика дает эстетическое наслаждение удовольствию, и сперматозоид, как слаломист, целеустремленно пробивается в маточном пространстве через препятствия и врагов к одной единственной цели — оплодотворить желанную яйцеклетку. Многие сперматозоиды не дойдут до цели, большинство погибнут, но их смелость и решительность оставят память в наших сердцах... 5.5

Есть некоторые биороботы, которые любят только преувеличивать и нет таких, способных преуменьшать. Это относится к некоторой категории женщин, а также мужчин, которые, наоборот, любят преувеличивать и не любят преуменьшать. Тем не менее, мужчина должен уметь преувеличивать, а женщина преуменьшать. Это аксиома. 5.5

Не все женщины выдерживают испытание принципиальной линией жесткости по отношению к мужчинам. 5.6

Да, еда... что может быть приятнее слова? Мы не дураки вкусно поесть, нас приводит в восторг булькающие в кипящем масле кусочки мяса с луком и перчиком. И это прекрасно! 5.18

Хрипящая Дездемона в предсмертной агонии — это ли не сильнейший довод в пользу посещения театра. 5.22

Человеку нельзя идти против предчувствия наперекор судьбе. Никогда не пренебрегайте

тайными посулами судьбы в образе предчувствия, предостерегающего вас об опасности, даже в тех редких случаях, когда совсем кажется, что нет никакого основания доверять ему. 5.23

Каждый человек, или группа людей имеют право на демократическое волеизъявление. Всякий закон, не успев родиться, уже стареет и превращается в догму, если ему до конца тупо следовать, вовремя не переработать его и не заменить новым, который обязан дополнить старый, или отменить, если выясняется, что тот был ошибочным. А догматизм — это всегда тормоз. Общество развивается быстрее, чем новый закон поспекает родиться. Жизнь вносит постоянные коррективы, создает чрезвычайные ситуации и надо решать все оперативно. А нормативные суды в теперешнем их усеченном виде из-за своей косности в трактовке законов, из-за неповоротливости и запаздывания правильно их воспринимать после выработки в парламенте, не успевают вести дела. 7.14

Снизойти до чешуи, до жабер, до самого последнего червяка, до самой последней пиявки, до эмбрионального состояния — такая форма жизни нас не устраивает, поэтому не имеет права на существование. 7.15

Люди настолько уверовали в закон, что по глупости действуют вне закона. 7.16

Женитьба — это, значит, произвести какое-то физическое, химическое, биологическое или иное другое действие по отношению к субъекту. 8.26

Ослы не пишут стихи. Они не переносят аплодисменты и брызги шампанского. 8.32

Поэты делят женщин на чувствительных девушек и бесчувственных старух. С годами у них пристрастия меняются, и бесчувственные старухи превращаются в чувствительных девушек. 8.32

Присутствовал при родах. Подал стакан воды. Ребенок оказался не мой. 8.33

Историю можно рассматривать — она, в принципе, так и делается чистыми и нечистыми руками — через кривое стекло и через прямое. 9.1

От императива всегда переходят к энтропии патриотизма. 9.1

ВОПРОСЫ ДЛЯ УСВОЕНИЯ МАТЕРИАЛА ПО СКАЗКЕ “РЕПКА”:

1. Как матерился дедка?
2. Отчего сорвала пуп бабка?
3. Почему преждевременно родила внучка?
4. За какую провинность попала на живодерню Жучка?
5. Почему с тех пор кошки берегут сердце и репке предпочитают валерьянку?
6. Какой сильнодействующий допинг применила мышка? 8.33

СТРАШНЫЕ БЕДСТВИЯ НА БУДУЩЕГО КЛЯТВООТСТУПНИКА ПРИ БРАТАНИИ 3.8

— Да будет проклят тот, кто нарушит данную клятву!

— Да будет проклят тот, кто питает затаенную вражду!

— Да будет проклят тот, кто повернется спиной к своему другу!

— Да будет проклят тот, кто в день борьбы отступится от своего побратима!

— Да будет проклят тот, кто нанесет вред другу, кровь которого стала его кровью!

— Пусть чесотка обезобразит его тело и сделает его ненавистным!

— Пусть лишаи истребят на его голове все волосы!

— Пусть змея притаится на его тропинке!

— Пусть его жена никогда не родит!

— Пусть силы покинут его на брачном ложе!

— Пусть болезни подтачивают его силы, и дни его сократятся недугом!

— Пусть его члены откажутся служить ему, ноги и руки его сведет судорогой!

— Да пусть изменится статус-кво клятвотступника в сторону ухудшения его жизненного уровня!

— Пусть на него свалится информационная глухота!

— Пусть он ощутит на себе все тяготы полной изоляции от цивилизованного мира!

— Пусть СПИД нарушит его иммунную систему!

— Пусть! Пусть! Пусть!

Павел КОРЮГИН

Деньги, вложенные в культуру, не пропадают. 3.28

...Пусть мороз и пусть разруха жизнь всемерно омрачают, пусть большое государство оплатить труды не в силах, пусть вокруг со злобой ропщут обездоленные люди, прямо в воздухе витает призрак новых революций. 4.11

Если вечны Пирамиды, значит, Дух стремится в Небо, значит, есть еще надежда! 4.12

Но если не имею я Любви, То я — ничто! 4.16

Отвергая деньги, славу, относясь к поступкам строго, человек имеет право развивать себя до Бога. 4.15

Я помню всегда: у Бога нет на Земле рук, кроме моих. 4.22

Александр МАКСИМОВ

Я не кенар, но бодрый и звонкий, как горластый петух на заре. От-вер-гааююю стальные гребенки! Боронившие вольности мне. 6.3

Вы в зеркало гляньте в свое, у вас не лицо — мумие! 6.4

Слова — это мышцы стиха, а замысел — это скелет, а рифмы — поэта душа, бывают стройны как атлет. 6.5

О, Март Июнев! Твоя теплынь! Снега разнюнив воссолнит синь! 6.6

Не садитесь на поезд идей — их вагоны идут не туда. У идей шаловливость детей, они любят менять без труда направления рельс и затей. 6.6

Ваше, Сиятельство, граф Алкоголь, Вермут фон Ром недопитый! 6.6

Хандрический слог. 6.7

Разъядрический ямб. 6.7

Я с феном иду, феноменен. 6.8

Мюзик-холленный поэт. 6.13

По утрам мое тело кровательно, и башка на подушке высочится. А судьба, как пузырь, — надувательна, и удача сквозь пальцы просочится. 6.14

Девушек с негою снов, дам со страстью молитв влечет к визажисту строф, поэту сердечных битв. 6.15

Милосердный карий взгляд не оцените вы сами. Он — божественный наряд, он — поэзия в бальзаме. 6.16

Мелодичность как женщина кружит голову, волнует. С ней забываешь о времени и смысле. Красивая мелодия отвлекает от размышлений и погружает в приятное звуковосприятие. 9.21

Игорь ТЕРНОВСКИЙ***СЕАНС ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ***

По существу роман “Праздник в Тушино” является типичной антиутопией, которых немало в мировой фантастике. Взаимодействие человечества с возможными разумными жителями космоса является до сих пор излюбленной темой, хотя прямых доказательств их существования не имеется. Тем не менее, фантастика переполнена существами самых разнообразных форм, размеров и интеллекта, которые вступают с землянами в самые различные контакты. И при этом в процессе исследований и освоения новых миров встречаются непонимание, неприятие или прямое сопротивление аборигенов. С другой стороны и гораздо чаще неземные существа ведут себя враждебно по отношению к людям и откровенно агрессивны. Природа агрессивности непростая. Выступает принцип “кошки с собакой”. Мирное повиливание хвоста собаки кошка воспринимает как агрессию. В какой-то степени это отражение нашего расколотого мира. Недаром в Америке уж который год идет многосериальный боевик “Звездные войны”. Да и немало других литературных произведений и фильмов, в которых действуют злые космические монстры и человекоподобные твари. Все, конечно, помнят уэллсовскую “Войну миров”, где Земля подвергается агрессии со стороны марсиан. Приемы овладения нашей планетой применяются самые разнообразные. Вот и автор данного произведения раскрывает довольно экстравагантный способ захвата нашей родной планеты посредством по-

степенного генетического замещения землян существами из системы звезды Проксима. Делается это довольно просто: земные мужчины получают полностью идентичные дубликаты своих жен, которых принимают за истинных супругов (вот бы радоваться мужчинам!). А дальше все предоставляется природе.

Человечество в своем развитии идет “по лезвию бритвы”². Неверный шаг в ту или иную сторону – и катастрофа неизбежна. По сюжету задача не из легких не единственно для науки, но и для всех служб безопасности. К сожалению, их “сильнодействующее средство” ничем не отличается от приснопамятных времен, создав при этом несладкую жизнь не только проксимианкам, но под горячую руку ударив геноцидом и по нашим женщинам.

“Сеансом шоковой терапии” можно назвать предлагаемый читателям роман. Стране не привыкать, она пережила не один такой сеанс, и они еще будут впредь, вот почему в финале произведения затея проксимианцев провалилась – очередной хеппи-энд по-русски после ушата холодной воды. Отчего погибли марсиане у Уэллса? Они пали жертвой болезнетворных микробов, от которых у них не было защиты. Почему совершили просчет проксимианцы? Потому что сделали ставку на полную мимирию женщин с местным населением, а женщины в этом плане наибольшие носительницы способности растворяться в чужом народе.

² Термин Ивана Ефремова.

Алексей МИЛЬКОВ

ПРАЗДНИК

В ТУШИНО

черная страница в истории России

(научно-фантастический роман)

ГЛАВА 1. Сукойро

Капитан Сукойро с орлиным носом и глазами цвета невыразительной морской волны занимался проблемами амнистии, получив полный карт-бланш на любой непредвиденный форс-мажор. Ситуация требовала срочного разрешения. Он пробежал глазами список, обязательный для исполнения. Одна строка оставалась без подписи, а, соответственно, без галочки. Это означало не просто казус, а нонсенс: что вызвавший переполох заключенный отказался выйти на свободу. Отказался – как животное, не желающее покинуть клетку, словно почуявшее неладное, что там, на воле, с ним произойдет нечто ужасное.

“Не подпавшие под амнистию могут спать спокойно, – думал капитан, – на них действие Постановления не распространяется, но это же самое Постановление заставляет администрацию срочно очистить тюрьму от лишних элементов”.

“Зачем освобождать тюрьму, – еще думал он, – если завтра привезут этапом другую партию оголтелых или отпетых, что по существу, одно и то же”.

Но приказы не обсуждаются.

“А Поровко... прямо анекдот какой-то ходячий!”

Сергей Поровко был человеком в тюрьме не новым, с чьей-то легкой руки отнесенный к особо опасным рецидивистам, в камере ничего не делал, никому не мешал, и надоедать не надоедал – сидел смирно, цивилизованно и неподвижно, потупившись взглядом в одну точку. Это тюрьма делала с ним все, что вздумается, чтобы отнять независимость, сломать собственное достоинство и покуситься на неотъемлемые права человека, определенные международной конвенцией.

Капитан был предупредителен и безукоризненно вежлив. Он вошел в камеру легкой воздушной походкой, еще от дверей помахивая папкой.

– Распишись, каналья, и прощай, тебе амнистия, УДО³!

Заключенный даже не повернул головы.

– Амнистия – говорю!

Заключенный опять не удостоил вниманием слова.

– К срочному исполнению, дурья твоя голова!

От окрика Поровко даже не повело.

Сукойро почти кричал в ухо:

– Не понял... Как ты относишься к немедленному освобождению?

– Однозначно.

– Так живо выметывайся!

Поведение заключенного странным образом не изменилось. Простой радости, тем более ликования по этому поводу не было написано на его лице.

– А что, дорогой друг Поровко, все стоишь на своем и решение Государственной Думы тебе сам черт не брат?

– А что, и стою! – твердо и спокойно ответил на это Поровко без злобы.

– Мозги компостируешь! – в сердцах выругался Сукойро. – Перепутал функции тюрьмы. Это тебе не пансион для благородных девиц. Тюрьма служит для удержания людей в сырых, холодных казематах, совсем не для отдыха на курорте Сочи. Другие на твоём месте сразу ноги в руки и уже по своим малинам пьют водку, кто-то за старое принял, кто в рэкет подался. Будешь упорствовать или как?

– Буду! – тверже скалы предстал в своей решимости Поровко.

– Итак, тебя преследует навязчивая мысль остаться в тюрьме? Манья сидения на одном месте, синдром боязни воли. Признайся, клаустрофобия или клаустрофилия у тебя? – капитан выглянул за дверь. – Боря, разбери, определи почтеннейшего в карцер, пока не образумится. И построже держи – пусть гниет себе заживо.

Капитан знал срок, когда Поровко выйдет из карцера, и специально подошел в этот момент. Зек похудел и, пожалуй, постарел на десять лет.

– Тебе плохо, мужик?

С виду Поровко не был даже обозлен – поэтому не ответил.

– Свобода – осознанная необходимость! – на этот раз назидательно вразумлял капитан. Он демонстративно смахнул со стола столетний сухарь, вальяжно разлил водку в пластмассовые стаканы, оба были наполнены до краёв, рассыпал по столу яблок и развернул колбасу. Она щекотала у заключенного в носу резким чесночным за-

³ УДО – условно досрочное освобождение.

пахом, вносила разброд в мыслях, разнобой в желудке и притупляла бдительность.

– Ешь, пей, Поровко, от пуза! Гуляй – пока позволено!

Это было похоже на отсутствие паритета между начальником и подчинённым, запанибратство, братание на линии фронта прежних врагов.

Рот наполнился слюной, но Поровко сглотнул ее и демонстративно отвернулся.

– Истуканы с острова Пасхи разве что ни на что не реагируют.

Вдобавок к молчанию Поровко захохотал так, что Сукойро увидел, как оттопыренные уши того стали походить на взмахи крыльев.

– Прямо анекдот... Настоящее кино... Жуткий триллер... Крутой блок-бастер... Так... всё по-старому... Ну-ну, продолжай упорствовать, ты у меня все равно сломаешься, обещаю тебе! – капитан плеснул водку в лицо Поровко и резанул слух хлопанием ухнувшей железной двери, унеся колбасу и яблоки с собой, оставив как напоминание вкусный дух да заплесневелый сухарь с водой.

– Ой! Дошел до ручки или не дошел? – как-то испуганно вдруг вздрогнул Сукойро от принятых мер воздействия, вспомнив в текучке бесконечного множества дел ниспадающего вала амнистии о вконец забытом Поровко.

“Конечно, дошел, куда деваться, хоть и преступник, но живой человек, не бревно с сучками”. – Испытывая угрызения совести, капитан заторопился в камеру.

– Как живет-может уважаемый Поровко, сдвиги есть? – вкрадчиво спросил он.

Обтянутый кожей и фосфоресцирующий мягким желтым светом, но не сломленный, тот ответил:

– Здесь не дует и вообще не имеете права давить на психику, не то напишу в Европу... в Страсбургский суд.

– Вот те на, еще и жаловаться... и угрожать? – процедил капитан. – Значит, не поумнел? Ну ты у меня запоешь, мерзавец!

На кону стояла честь мундира, постоять за него было делом профессионального долга следователя. Когда-то давно, когда он только пришёл на службу в органы, подобные фокусы от заключенных ещё заставляли его нервно отскакивать от дверей камер и, чего скрывать, надолго выводили из себя. Теперь – ничего, привык. И даже то, что паясничал перед ним подлый и омерзительный зверь, не заставляло пульс капитана биться чаще.

Работа есть работа.

За восемь лет после института он повидал всякого. Помнил он и хладнокровных убийц, на счету которых были десятки трупов, и педофилов-насильников, тоскливо завывающих среди бездушных серых стен, но этот кривляющийся кровопивец вызывал самую настоящую ненависть.

Через полчаса в камеру с матрасом вселился матерый уголовник с квадратными кулачищами.

– Ша! – вилка из двух жирных пальцев остановилась у самых глаз Поровко.

– Пора! – Когда капитан посчитал нужным заявиться к заключенному, по всем признакам прикинув, что тот сломался окончательно и бесповоротно, вполне готов ползать перед ним на коленях, Поровко сидел с рассеянным взглядом, содранной кожей на правой щеке, пятака-

ми под глазами чёрно-фиолетового высокого достоинства и откусанным ухом все в той же задумчивой позе.

– Нехорошо испытывать чужое терпение. Так и будем жвачку тянуть? – еле сдерживаясь, чтобы не ударить, спросил капитан. – На дворе буйствует лето, свобода манит, птички щебечут, женщины обнажаются до неприличия и рассыпаются прелестями перед мужчинами, в магазины водку выбросили, приятели, чай, не дождутся, все прочие радости...

– Не купите, гражданин начальник! – не поддался на уговоры Поровко.

– А-а-а, надоел, жилы из меня волочишь! – истерично закричал Сукойро. – Издеваться вздумал? Вон отсюда, чтобы духа твоего здесь не было! – Он схватил невестомое тело заключенного и выбросил за ворота тюрьмы... и вслед постановление об амнистии, затем заперся в пустой камере, чтобы немного отдышаться, остыть и снизить поднявшееся давление.

– Сложный контингент! – отвечал он через дверь.

На следующий день после посещения психиатра Сукойро слезно выпрашивал у начальства очередной отпуск на поправку пошатнувшегося здоровья.

ГЛАВА 2. Парэин и Фаркнеин

Когда “Вонзар” вышел из гиперпространства, его скорость была погашена до много раз меньше световой. Впереди и чуть ниже приближалась очередная звезда “Солнце”, желтый конгломерат света пятой величины. Она сияла все ярче и зримее и, наконец, заслонила все остальные за нею звезды. Было взято отклонение влево и “Вонзар” нацелился на точку, которая сверкала вдали, как огромный драгоценный камень сапфир. Пробегали минуты и планета увеличивалась, заполняя собой весь обзорный экран. Наконец, сквозь опаловую дымку уже можно было с трудом различить массивы суши и большие водные пространства.

“Вонзар” начал новое торможение, чтобы поменять траекторию на круговую. Еще на дальних подступах начался облет Земли.

– Стоп! Мы не можем позволить себе садиться на эту, надо отметить, высокоразвитую планету, – сказал адмирал Фаркнеин.

– Правильнее сказать – на эту высокомерную, высокопарную планету! – возмутился Первый Координатор.

– Пока не закончится сбор технико-экономического материала.

Вперед порывисто вышла девушка. Под лучами света белая кожа на висках пульсировала ажурным рисунком кровяных сосудов. Глаза девушки казались иссиня-фиолетовыми стеклянными бусинами крупного размера. Её голос срывался до возмущения.

– Мы просили вашего разрешения на немедленную посадку и хотели бы знать, почему в просьбе отказано?

– Потому... видите ли... – адмирал не в силах был оторвать взгляд от решительной девушки.. – Это неизвестно чем обернется для нас.

Девушка настаивала на своем.

– На корабле перенаселенность, наши запасы на исходе, необходимо почувствовать земную твердь под ногами и глотнуть свежего воздуха! Иначе...

Она дышала неровно, лицо покраснелось; на лоб упала прядь медно-золотых волос.

– Знаю! План экспедиции срывается, у нас мало времени, которое к тому же потеряется на бесперспективные попытки завязать контакт. Мы вяжемся и тут же погрязнем в пустой болтовне. Нам достучаться до землян, как до медного котелка. Они такие же непробиваемые аборигены, как и многие нам известные архаические цивилизации. Опыт подсказывает, что на какой-нибудь стадии откажут от любых каких-либо переговоров с нами. Свод законов Земли говорит, что она имеет право “любой объект, персону или другую форму жизни внеземного происхождения взять под временный или постоянный охраняемый контроль, не вступая в это время в никакой личный контакт”. Мы задержались в этой части галактики. Придется выбирать между... – На лице адмирала “Вонзара” выразилось сожаление, переходящее в презрение.

Первый Координатор добавил:

– Достаточно того, что они ещё нас не обнаружили, но в любую минуту могут!

– Если нет никакой надежды, у нас нет и выбора, не так ли? – снова сурово спросила девушка.

Фаркнеин ощутил у нее некое капризное раздражение. Черт побери, эта дамочка много себе позволяет, много на себя берет.

– Как тебя зовут?

– Парэин.

– Так вот, Парэин, земляне ничем не лучше прочих туземцев с других планет. Тоже ставят во главу угла опасение, что планета превратится в бесплодную пустыню. Потребуют гарантий, а мы не можем или не знаем в какой их форме дать. Поэтому наши усилия окажутся тщетны.

Она глядела на адмирала пристально, сурово, недоверчиво и недружелюбно.

– Не поворачивать же назад! Я взываю к вам, как разумное существо к разумному, гуманоид к гуманоиду. Мы в отчаянном положении, нам необходимо спуститься на Землю, на борту очень много женщин и у них в любую минуту могут начаться необратимые депрессивные тенденции. А это ужасно!

Парэин говорила очень серьезно, и Фаркнеину пришло в голову, что она придерживается такой особой профессионально-дидактической манеры разговора, и как бы в голосе не прорвались женские истеричные нотки.

Парэин поддержал врач:

– Если женщины не попадут на несколько дней на твердую почву и не искупаются в земной юдоли, они сдвинутся с ума и надолго останутся помраченными. Моя прямая обязанность – предупреждение любых ментальных расстройств.

Адмирал выслушал еще какие-то резкие слова обвинения в свой адрес и ответил:

– Мы делаем все возможное. Наши приборы нащупывают малейшее окно проникновения, чтобы воспользоваться им легко и непринужденно, так же, как свободно через озоновую дыру прорывается ультрафиолет. Но пока придется ждать – у них кроме завышенной ментальной мнительности сильнейшая ПВО...

– Если только случай не поможет нам, – добавил Второй Координатор.

Парэин расправила плечи, и лицо ее стало почти неправдоподобно гордым и заносчивым.

– У нас великие планы, грандиозная цель, прекрасные женщины! Надо только привести в движение все наши резервные силы.

Раздались голоса поддержки:

– Разве могут повредить целой планете какие-нибудь несколько тысяч женщин?

– Даже несколько миллионов...

– Одержимых одной высокой целью... обуреваемых манией выполнения приказа! – высоко высказался Второй Координатор.

– Нарожать детей для землян! Да, наших, а не их детей! Что здесь постыдного, если это вписывается в глубокую концепцию и воля наша верна? – девушка увидела поддержку в глазах адмирала и убийственно посмотрела на обидчика.

Тот снова ухмыльнулся, как бы проверяя Парэин на прочность:

– Это точно не мелко и не низко?

– Это ещё называется стратегией! – гордо вскинула голову девушка.

– Ты правильно понимаешь историчность момента, – похвалил её адмирал.

– В таком случае, как побороть психологию землян?

– Вопрос отпадет сам собою после первого же контакта.

– А все же, чтобы их понять, на чем она основывается?

Серые глаза адмирала всё больше пронизывали Парэин.

– Сплошная перестраховка, голый практицизм – кабы чего не вышло! Боятся столкновения разумов, а еще больше, что мы носители смертельно опасной звездной инфекции. По этим причинам нас отнесли к высшей группе риска – никаких контактов в ближайшие двадцать пять лет. У них в моде так называемый нейтралитет – делают вид, что им ничего не нужно и свое демонстрировать не намерены.

– Остается насильственное приземление?

Первый Координатор переключил экран.

– Внимание, в любую минуту операция может начаться.

На адмирала посыпались вопросы.

– Мы разнимся от землян?

– Больше похожи, чем отличаемся.

– Телом?

– Фигурально выражаясь, и да и нет.

– Умом?

– И да и нет.

– Мы совершенно другие?

– И да и нет.

– Еще в чем?

– В нас уникальная высокоорганизованная мимикрия.

Торможение продолжалось. Все напряженно вглядывались в центральный экран и переводили взгляды на параллельные.

– Парэин, тебе эта красавица ничего не напоминает? – спросил Фаркнеин.

Появилось изображение земной женщины. Парэин всмотрелась.

– Нет.

– А эта?

– С чего бы?

– А теперь попытайся внимательно взглядеться в неё.

Парэин одной только мыслью включила невидимый механизм совмещения и удивилась:

– Поразительно, мы похожи друг на друга... Мне кажется, я живу в ней.

– Вопреки ей или вопреки себе? – скептически спросил Первый Координатор.

– Вопреки малоразвитому земному разуму, – с пафосом сказал Второй Координатор. – Они закаменели в своем отсталом язычестве.

Адмирал скептически осматривал фигуру Парэин как на аукционе маститых лошадей.

– Чутьочку мимикрии в одежде, и ты – она, – сказал он.

– Таких женщин, похожих на Парэин или она на них, сколько угодно можно найти на Земле, – не удивился Первый Координатор.

– Живёт в Москве.

– Москвичка! Значит, Россия.

Очень забавные типажи возникали на экране с каждым переключением. Белые, жёлтые, черные женщины. Парэин всматривалась в земных женщин разных рас, чистила ногти, подкрашивала веки и крутила пряди как они, принимала точные позы и упражнения её были зеркальным отражением и продолжением движения их тел. Давалось ей легко и естественно, словно она разучивала танец, а невидимые визажисты просто набрасывали одежды, и мебель сама копировалась на заднике автоматически до нужной реконструкции.

Копна золотистых волос, приятное лицо, ласковые голубые глаза. Фаркнеин обшарил Парэин с ног до головы.

– Мило! Изящно! Приятно! Кто из вас прелестней! Фигура как у звезды балета или стриптиза!

– Можете вы меня пригласите выпить элькильлейльма⁴? – пошутил Второй Координатор, обратившись к Парэин.

– Ресторанчик с хорошей кухней и зажигательной музыкой! – её захватил смех.

А Парэин продолжала демонстрировать свои возможности, у неё была слабость тянуться к высшему обществу, изображая великосветскую манерность.

На экране появилась девушка в шёлковом тюрбане и мгновенно волосы Парэин спрятались в подобном.

Фаркнеин захопал в ладоши.

– Если что, простите мне плохие манеры, – извинилась Парэин – Я никогда не имела дело с Землёй. Мне кажется, я слишком многого ожидаю от этой планеты.

– Манеры неплохие, но ты можешь запутаться в них окончательно.

– Извините, но мне совсем незнакома современная одежда землян.

– Какая именно?

– Эти хламиды, сандалии, шорты, пончо.

– Не нравится, что ли?

– Мне безразлично.

– Я помню из детства, носил что-то вроде коротких штанишек.

– Они в ходу и сейчас, гравитационные.

– Разве что раньше это были штаны, как штаны, и не требовали ещё какого-то дополнения к себе.

– Есть также и другие одежды, которые всем в новинку, – сказал Фаркнеин. – Но это дома... На Проксиме Центавра.

Парэин призналась:

– Одежда чуть было не свела меня с ума, у меня сейчас гора с плеч свалилась, набравшись столько информации.

– Да, наша способность к мимикрии творит чудеса, – прокомментировал Третий Координатор.

Фаркнеин стал задумчив.

– Хватит, поиграли в землян!

– Вот смотрите! – обратил внимание адмирала Второй Координатор. – У нас полная готовность!

Молчаливо, стройными рядами, как терракотовые изваяния, стояли женщины в найколовых красочных костюмах, обтягивающих фигуры, в шлемах и очках, на спинах рюкзачки. У задних лица из-за удаленности уже не просматривались.

– Каждая из них носительница великой проксиманской цивилизации! – гордо сказал Первый Координатор. Голос его звенел. – Все как на подбор, есть в них в наличии все физическое и эстетическое, чем можно завлечь земных мужчин, каждая выполнит свою сверхнадежную миссию!

Экран переключился на приближение изображения. Оно заморгало, и затем возник новый мир. Далекий, дерзкий, непривычный, сильно увеличенный, обработанный бортовым компьютером до мельчайшей цветовой гаммы, до трёхмерности с преобладанием шарообразной выпуклости, но такой прекрасный и желанный. Континенты превратились в сплошное живое пятно, изрезанное сменяющимися складками. Потом эти складки превратились в набегающие цепи гор, в реки, озера, дороги, города. Мир совсем не похожий на проксиманский с блеклыми красками из-за огромных размытых размеров.

С неба кучковато падали парашютистки.

На экране появилась синеватая лента реки.

– Река Москва, – посмотрел в географическую справку Второй Координатор.

На экране увеличилась картинка обширной посадочной площадки, она располагалась на достаточно ровной местности в окружении населенных пунктов. Это был огромный с желтыми сигнальными кругами бирюзовый луг с белой поляной в центре, на которую совершалось приземление.

– Это тот самый удобный случай! – почти крикнул адмирал.

– ...Который работает на нас! – живо отреагировал Третий Координатор.

– Небо контролирует ПВО, а это не только приборы, но и люди, а как всякие люди, ничто человеческое им не чуждо! – воодушевился Второй Координатор.

– Слушай мою команду! – адмирал включил сирену и женщины пришли в движение.

– Пошли! – Открылся люк и они стали кеглями вываливаться наружу.

⁴ Бодрящий напиток.

ГЛАВА 3. Лола

День начался как обычно.

Как уже начинался ранее несколькими днями подряд.

Было яркое утро. Солнечный свет непрерывным потоком вливался в окно и стелился бликами по стенкам. Лола вытянула ноги под теплым одеялом, чувствуя себя беззаботной и никому необязанной, пытаясь ни о чем не думать, чтобы продлить утреннюю негу в кровати. Но уже овладели заботы наступившего дня, и она сбросила одеяло. Натянула колготы, надела длинную кофту и выглянула в окно.

Дети бегали по двору, коровы мычали, овцы блеяли, куры квохтали, собаки виляли хвостами. Родители Лолы подстригали лужайки и собирали огурцы.

Лола еще пила парное молоко с только что испеченными хлебами и шаньгами на выбор, как какой-то внутренний голос сказал ей: “Вернись к мужу!”, и снова настойчиво повторил: “Вернись, вернись к мужу!”

Голос был вежлив, навязчив и бил молоточком во внутреннем ухе.

“У Виктора другая женщина?! – вдруг пронеслось в голове, и кровь прилила к вискам. – Зачем только я его оставила одного дома?”

Дурное предчувствие портило впечатление от отпуска. В желудке похолодело. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто происходит что-то такое, чему не обязательно следует быть.

Голос рассудка настаивал, и Лола не стала смотреть за курами и не вывела корову на пастбище, она на скорую руку собрала вещи, уместившиеся в одну сумку, написала записку: “Я уехала к мужу. Всё – потом!”, и выскочила во двор. За березовой полосой начинался зеленый луг, пестрый от лютиков и ромашек. Там гудели пчелы, и легкий ветерок доносил шелест соседнего леса. Вдали тянулись возделанные поля. Заросший лесом склон холма сбегал вниз к большой реке, голубая лента которой вилась, исчезая в утренней туманной дали.

Солнце отразилось от водяной глади и Лола поняла, что не в том направлении бежит, она повернула влево к шоссе. Третья машина подобрала девушку с разметавшимися волосами, в красном платье и на высоких каблуках туфлях.

ГЛАВА 4. Виктор

День России вылился в грандиозное шоу во всех городах и всех странах. Заранее была объявлена программа праздника. Основное представление развернулось в Тушино: демонстрация растущей мощи отечественной авиации, а также побитие рекорда Гиннеса в групповом прыжке женщин-парашютисток.

Виктор, непривыкший по выходным дням отрывать свою ленивую задницу от дивана, сидел перед телевизором и слушал, как спортивный комментатор выжимал из легких все свои возможности и с частотой пулемета тоже бил собственный рекорд по скоропалительности произнесенных слов.

– Волна за волной прятят в воздухе и приземляются наши смелые и героические амазонки. Из комментаторской кабины просматривается все небо, набухшее рас-

цветенными красочными тюльпанами от полотнищ парашютов. Зрелище поразительно впечатляющее! Их настолько много, что они загородили солнце и пора давать дополнительное освещение. Точную цифру участниц определить фактически невозможно, ее называют только специалисты...

Прошел час. Два. У комментатора появились усталые истерические нотки в голосе, словно он уже всё сказал, а новых слов не изыскивалось. Слышно было, как он с кем-то перешептывался. Наконец, снова раздался его бодрый голос:

– Спуск парашютисток по времени затянулся. Вот это размах! Супер-шоу! Первый канал через пять минут должен завершить свой репортаж, но похоже мы продолжим его на неопределенный срок... пока последняя парашютистка не коснется земли...

“Неужели собрали всех женщин в стране и нахлобучили на них парашюты? Или позаимствовали прекрасный пол в других дружественных государствах?” – промелькнула ассоциация у Виктора.

А десант все сыпался и сыпался непрекращающимся конфетти – широко и величаво.

Десант за десантом.

ГЛАВА 5. Парэин и Фаркнеин

Земля, словно качаясь на невидимых нитях, стремительно надвигалась на Парэин. Радужный “Вонзар”, единственный близкий дом, последнее родное пристанище, которое она до сих пор знала, превращался в обыкновенную серебряную точку. Дети Проксимы покинули корабль и их расшвыряло в разные стороны. Чем дальше они проникали в плотные слои атмосферы, тем парящее становился полет, а скольжение по воздушной подушке постепенно снижало скорость и меняло направление.

Черные точки из ниоткуда вливались в сплошное море из парашютов. Если бы кто-то на Земле увидел их стремительный спуск, решил бы, наверное, что это сюрприз праздника – прыжки из космоса.

Парэин глубоко вздохнула, а адмирал через биосвязь решил обмолвиться несколькими словами.

– Приземление на Землю окажется утомительным, но полностью спланированным и, как я наблюдаю, идет без всяких осложнений. И погода не предвещает ничего плохого.

– Я прекрасно себя чувствую, – заверила Парэин. – Нет, я восхищена. Только подумать, на пороге каких грандиозных событий мы сейчас находимся. Я стану первой проксимианкой, ступившей в новый мир, никогда раньше не видевшего нас и мы его. Это замечательно!

– Почему? Разве холмы, реки, озера не на всех планетах одинаковы?

– Нет, – воодушевленно ответила Парэин и ее глаза устремились на приближающуюся землю, как на новую реальность, имеющую свой непревзойденный привкус. – Я обязана полюбить эту новую землю!

– У нас все меньше времени на разговоры.

– Да, вперед! – торжественно и мечтательно произнесла Парэин. – Не беспокойтесь, все будет прекрасно.

– Я это знаю, – Фаркнеин с сожалением тряхнул головой. – Было бы намного лучше и безопасней, если бы планета не была заселена.

– Или, если бы она была хоть сколько-нибудь цивилизована! – добавила Парэин.

– Дочка, ты не по-женски мыслишь! – восхитился адмирал.

– Она будет цивилизована нами, даю слово! – сказала она. Несмотря на защитный комбинезон, ветер прорывался к коже, и она ощущала холод.

“С такими женщинами можно планеты с курса уводить”, – подумал Фаркнеин, и на душе у него стало легко-легко, даже обрадовался, что Парэин чутко отозвалась на его настроение.

Церемония прощания была короткой и трогательной. Адмирал помахал рукой.

– Связь кратковременная. За дело! Выходить на связь только в экстремальных ситуациях, поскольку нет полной уверенности в том, имеют ли аборигены на Земле устройства биоперехватывающие мысли. Все разговоры откладываем на потом, после адаптации, когда времени для бесед будет достаточно.

– Слушаюсь!

Парэин стало жаль адмирала. Ведь там наверху он не сможет увидеть то, что видно отсюда с высоты птичьего полета.

Она набралась смелости и уже стала обмениваться взглядами с земными девушками. В их глазах было полное доверие и они не обращали внимания на парашютистку в чужой экипировке. Парэин радовалась, что девушки с одного десанта думали о ней, что она с другого.

Сейчас Парэин обзревала поверхность, и Земля как огромный монстр уже стремительно заглатывала ее в свою пасть и никто из земных аборигенов не подозревал о приближении чужаков.

Внезапно Парэин почувствовала, как от напряжения заныло все тело. Она так яростно следила за полетом, что заболели мускулы. Она сделала расслабляющие упражнения в воздухе, и вся сосредоточилась на точном и уверенном скольжении.

Чужаки стремительно мчались вниз, навстречу голубым кляксам озер и огромному зеленому массиву. Сердце Парэин прыгало от радости. Настоящие деревья!

С могучими стволами!

С широкими кронами!

Она старалась схватить все детали открывающегося вида и вдруг ощутила напряжение, резкую тяжесть в плечах от рывка. Разница была несущественной, но, тем не менее, почувствовалась.

Это раскрылся парашют.

ГЛАВА 6. Виктор

Сверху появились юркие МИГи числом поболее обычного представления о норме. Закладывая фигуры высшего пилотажа, они заворозжили параллельными курсами, взбороздив небо цветными лентами. Красавцы СУ останавливались в позе кобры перед самым живым потоком и замирали в восхищении, словно загипнотизированные уникальной картиной.

На земле вдруг беспокойно забегали люди. Это могло означать только одно: от чего-то засуетились спецслужбы и причина у них была веская. Виктор узнал их по некоторым ему известным со службы в армии отличительным признакам в одежде и продуманным действиям организованно еще в зародыше пресекать нештатные ситуации.

Ожидание беды повисло в воздухе, и это чувство принимало форму чего-то конкретного. “Случилось непредвиденное, весьма серьезное, так просто этих крутых парней не заставишь бегать”, – отметил про себя Виктор и еще внимательнее всмотрелся в экран. Но ничего особенного больше не заметил.

Телевизионная передача прервалась, когда серебряные фюзеляжи самолетов еще купались в солнечном небе. Экран превратился в белый мерцающий прямоугольник, затем подернулся рябью, звук утонул в шуме помех, возникла заставка. Виктор еще две минуты не сводил взгляд с экрана, наконец, появился диктор и принес извинения за потерю прямого изображения с праздника по независящим от телестудии причинам.

ГЛАВА 7. Парэин и Фаркнеин

Парэин выбрала себе для ориентира холм, видневшийся внизу. Горизонт показался ей несколько суженным, а радиус Земли несколько уступающим планете Проксимии. “Однако массы почти одинаковы, – подумала она. – А вот и сплошное зеленое поле луга, окаймленное сплошной высокой зарослью”.

Это были деревья, даже издали выглядевшие высокими, ровными и почти одного вида. Но на этом их сходство с деревьями Проксимии кончалось. Вместо пуха вроде зеленого меха на этих деревьях дрожали листья, а на других топорщились иголки.

Парэин отклонилась от курса, куда был направлен основной поток парашютисток, перелетела над водоемом, некоторое время довольствовалась осмотром ландшафта. На дальнем берегу озера была ровная открытая площадка, окруженная со всех сторон большими деревьями. Ноги зацепились за землю и Парэин сделала кувырок для смягчения приземления.

Самым трудным сейчас было для нее сдержать свои эмоции от соприкосновения с чужой планетой. Воздух был чист и теплый, полон незнакомых запахов, резких, но бодрящих, предлагающих себя для употребления. Парэин вдохнула его как можно шире. Повсюду слышались негромкие стрекочущие звуки, непохожие на шумы Проксимии. Эти звуки были намного музыкальнее. Ей не понадобилось много времени, чтобы узнать источник неясного стрекотания. Звуки издавали маленькие крылатые зелёные животные, прыгающие в траве на достаточном длинном расстоянии для таких маленьких существ.

Деревья, пусть чужие, ласкали взор, успокаивали, говорили о щедрости земной природы. Они были очень стройные, непохожие ни на одно дерево на Проксимии, с узкими или широкозахватными листьями и неровной шершавой корой. И все же, как они похожи на родные деревья, какими бы странными они не казались!

Парашют удалось спрятать в корневище под одним из огромных деревьев, Парэин пересекла вспаханное по-

ле, пролезла под проволочным ограждением, не задевая его, где небольшой водный поток размыл в одном месте почву. Протоптанная тропинка привела к большому просвету в зелени, идущему с северо-запада на юго-восток. Это была широкая автострада, по которой двигались несметным потоком автомобили.

Она жаждала встречи с новым разумом. Неудивительно, что на такой чудесной планете он есть, только как поведет себя, не придется ли прийти с ним в противоречие, в конфликт или во что-то еще гораздо серьезное и углубленное? Это, как поведет себя народ Земли. И как она. Размышления успокоили Парэин ровно настолько, чтобы суметь трезво оценить ситуацию. Желание у нее было одно – как можно скорее оказаться в Москве.

Фаркнеин словно следил за каждым ее шагом и появился неожиданно.

– Есть пять минут для биосвязи. При посадке не было приключений?

Взглянув на него, она вдруг испугалась мысли, что ее натренированность и компетентность теперь могут оказаться ненужными и вызвать кривотолки у адмирала.

– Никаких.

– Тогда готовься к трудностям.

– Я готова.

– Мы можем не только передвигать гранит и металл, но и воздействовать на умы и чувства земных людей.

– Я знаю. Только мы носители абсолютного разума, а не они.

– И в то же время слишком неразумно недооценивать их и рисковать собой. На Земле произвол правящих чиновников, ошеломляющее множество языков, а агрессивность землян, их отличительная склонность к междоусобным войнам не говорит в их пользу, а способности к разумному сочетанию положительных признаков оставляют желать лучшего. Они скучны, неэстетичны, воинственны. Если и можно быть в чем-то уверенным, говоря о людях, так только в непредсказуемости их поведения и многочисленных пороках. Они слишком часто действуют вопреки логике и нерационально – не так, как мы.

– Они давно бы уже истребили друг друга, не будь логики в их действиях, – высказала сомнение Парэин.

– Здесь больше срабатывает их природный инстинкт самосохранения.

– Я поняла свою логическую ошибку.

– Иногда приходится принимать молниеносные решения, не имея возможности проанализировать до конца осложнения.

– Да. Я с честью выйду из любой ситуации, даже мелкой неприятности, и не попаду в глупое положение.

– Не всегда можно действовать по велению сердца.

– Трудности меня не страшат.

– На Земле много соблазнов.

– Осторожность сделает меня сильной и отвлеченной.

– Продолжай настойчиво осуществлять план, вживаться не покладая рук. Даже если решишь, что наконец-то поняла дух землян. Потому что может случиться нечто неожиданное, непредвиденное, что опрокинет все наши прогнозы и концепции. Ориентируйся на сложности и делай поправку на протекающие процессы мышления землян, совершенно отличные от наших.

– Я все понимаю.

– Ищи даже там, где все ясно. Иногда в подоплеке самого простого на фоне губительного неожиданно вскрывается самое убедительное.

Парэин согласно кивнула.

– Не надейся на слепую удачу, а только на тщательно организованные действия.

– Да, конечно.

– И взвешенные тоже.

Фаркнеин занудливо продолжал:

– Для нас путешествия сквозь разнообразно-сообразную реальность привычны, а для туземцев пространственно-временные прыжки остаются за пределами их возможностей.

– Я полностью отдаю себе отчет вашим словам.

– Нашему народу нужны новые краски, звуки, запахи, впечатления для вдохновения. Без новых жизненно-пространственных приобретений мы обречены на творческую гибель, а, следовательно, на медленное физическое вымирание.

– Согласна, если мы вовремя не выйдем из своей колыбели.

– Адаптация занимает особое место в объеме всей нашей стратегии. Она в основании огромной опрокинутой пирамиды. А самое острое, на которой она стоит и держится, – ассимиляция.

– Знаю, что это такое. Во всяком случае отличу от элементарной мимики.

– Люди работают пилами, топорами, зубилами, а мы используем в нашем деле высокоорганизованные организмы, самооплодотворяющие и живородящие идеи. По-настоящему тебе?

Фаркнеин откинулся назад вместе с креслом, и его грузное тело покачивалось в нем. А плавный голос журчал не переставая, и в нем слышались нотки наставления и гордости за себя и за свою работу.

– Мы пойдем в атаку на самую консервативную планету во вселенной и слошим ее, – сказала Парэин.

– Однако, – он сделал предостерегающий жест, – только не в лобовую. Для меня важно одно – результаты. Буду только рад, если ты меня в чем-то не послушаешь и, как женщина, сделаешь наоборот, но с успехом, лишь бы ты оказалась права и не проиграла наша великая миссия. От тебя я требую одного – найти новые принципы жизни, и да будем поторапливаться.

– Все прозвучавшее прекрасно сказано, но я не имею ни малейшего представления, с чего начинать.

– Это совершенно безразлично. По ситуации. Начиная с чего угодно. Если у тебя функционирующая голова, какая нам нужна, то рано или поздно ты все равно, как по спирали, придешь к главной проблеме.

– Допустим, что пройдет год-два, не лучше ли сэкономить время и сразу сказать мне, в чем дело?

– Я и сам не знаю. Здесь невозможно объять необъятное, пока не войдешь в ритм работы.

– Это моя новая жизнь?

– Повторяю, мне все равно, с чего ты начнешь, только не будь ирреальной и время от времени спускайся с небес на землю. То есть не забывай про свою родину Проксиму Центавра. – Фаркнеин дал понять, что разговор окончен.

Парэин находилась уже в городе, и у нее было совсем другое лицо, просветленное и улыбающееся. Ей

сегодня нравился адмирал, и безумно располагала к себе их совместная работа.

Она шла по огромному и прекрасному городу, где остроконечные высотные здания стремительно возносились к самому небу и были подобны могучим деревьям, что остались на родине, а улицы оплетали их со всех сторон бесконечными лентами не с севера на юг, не с запада на восток, а как придётся. Тяжело, но на то она Парэин, что она проксимианка. Невозможно, чтобы такой удивительный город был другим, отталкивающим и хищным. Она знала, что сохранит в памяти эту волнующую картину первого пребывания проксимианцев на планете Земля.

Когда Парэин позвонила в дверь, и она открылась незнакомым мужчиной в майке и трусах, ею овладело чувство враждебности, но она позволила ему поцеловать себя, и враждебность исчезла, уступая место расслабленности. Дом был полон разных вещей и предметов, цель и назначение которых она понимала, и были просто очевидны. Ковер покрывал пол для того, чтобы было по нему мягко двигаться. Еще был ряд предметов специально для сидения, и Парэин забралась в кресло и от усталости забылась в неудобной позе.

ГЛАВА 8. Виктор и Парэин

Только через три дня должна была приехать Лола, и Виктор, позвонив на телебашню Останкино с вопросом “Что случилось?”, и услышав оттуда растерянное “Не знаем”, насвистывая, принялся наводить в квартире марафет.

Вот так неожиданность!

Лола нарисовалась из деревни внезапно, как красное солнышко, не пробыв там и недели. Видимо магия мужа была велика и она не могла без него и дня просуществовать. На худом, вытянутом с дороги лице большие умные глаза отдавали испуганным и каким-то неожиданно фосфоресцирующим светом, выделяющемся из глубины, словно из инкрустированных перламутром белков. Одежда Лолы состояла из походной блузки, джинсов из эрзац брезента и тяжелых армейских ботинок, вымазанных, как ему показалось, настоящей грязью. Блестящие волосы были зачесаны назад и со лба перехвачены красной лентой. “Интересно, – подумал Виктор, – что бы это значило?”

“А, гражданская оборона!” – догадался он. – Вот, оказывается, почему в Тушино бегали люди из МЧС⁵, следовательно, и во всём городе.

Виктор сопровождал встречу глубоким протяжным поцелуем, а взамен получил какой-то слабый, импульсивный, неполный, и Лола, он заметил, вдруг смутилась. “Холодна, как весь лед Антарктиды. Немного отвыкла от семейной жизни”, – подумал он.

– Милый, я люблю тебя! – усталая, она буркнула эти слова и, не дойдя до кровати, завалилась в кресло спать.

Щедрое солнце сквозь незакрытое шторой окно заливало спальню белым светом. Лола лежала с улыбкой на пурпурных полуоткрытых губках. Виктор снова стал целовать глаза, волосы, шею, губы, вслушиваясь в легкое потрескивание статического электричества в одежде, которую стягивал с Лолы. На ходу разметывая Лолины

запыленные вещи по полу, отнес ее в постель. Все также страстно, неистово целуя, оставляя порозовевшие следы на коже, долго смотрел на милое родное лицо красивой женщины, на стройную фигурку и светлые волнистые волосы, завивающиеся на концах. Чувства переполняли его – неужели это он обладатель такой изумительной прелестной куколочки. Потом и сам подключился к ее сладкому сну, тем более, что мечтал за выходные выспаться. Лола должно быть почувствовала его взгляд, желание, вожделение, обняла в полусне и прошептала:

– Милый, ты любишь меня? – Лицо ее разгорелось и сияло от счастья.

Никогда еще Парэин не наслаждалась такой близостью с земным мужчиной, как сейчас, чтобы не ударить лицом в грязь перед всевидящим оком Фаркнеина.

Детей у Виктора с Лолой еще не было, как и времени было отпущено мало на ответственное решение для их появления на свет, да и дух отшумевшей свадьбы еще не успел выветриться. Одно он знал твердо: он пребывал в той стадии очарования в отношениях, когда был безнадежно, суматошно, сумасшедше влюблен.

Как и она, надо думать.

ГЛАВА 9. Парэин и Фаркнеин

Парэин открыла глаза и положила руку на спящего незнакомца мужчину.

Фаркнеин словно подглядывал в дверную щелочку.

– Поздравляю тебя с первым на Земле контактом! – торжественно произнес он. – О котором мечтал каждый житель Проксимии, но совершила его ты. Сегодня это исторический факт. Своей успешностью, исполнительностью ты повергла в смятение всех тех непримиримых, непробиваемых ястребов, которые доказывали о невозможности его, о, якобы, несовместимости, а также это укор некоторым трусливым координаторам, заявлявших, что контакт между Проксимией и Землей вряд ли когда-нибудь станет реальностью. Ты легко и непринуждённо это мнение опровергла. Это еще раз доказывает, что проксимианские женщины универсальны во всем!

Брови девушки в изумлении изогнулись дугой.

– А земные мужчины, что же они, сбоку припеку?

– Гм... – Фаркнеин растерялся и не знал, что ответить. – Дело в том, что у наших женщин это получилось целенаправленно и сознательно, и даже непосредственно и естественно без всякой фальши, а мужчины слепо попались в их ловушку и сами кинулись в водоворот спонтанного втягивания себя в наш замысел. У них не хватит никакой фантазии противостоять ему. Можно многое знать, многое уметь, о многом судить, как нужно делать что-либо правильно, труднее заставить двигаться заскоружное тело и неповоротливые мысли, не всегда готовые к столкновению в принципиальном споре.

– Вы считаете, что все идет как нельзя лучше?

– Да, но на этом нельзя останавливаться.

– Ничего, я буду продолжать и днём и ночью! – Парэин глубоко вздохнула, улыбнулась адмиралу, показав ямочки на щеках, и повторила: – Ничего, как-нибудь справлюсь.

Фаркнеин вдруг пронизательно посмотрел на Парэин.

⁵ МЧС – Министерство по чрезвычайным ситуациям.

– Ты можешь рассказать, что с тобой произошло?
 – Я помню всё до мельчайших подробностей и до определённого момента, сначала яркое знакомство, затем – провал в чувствах, и, наконец, я опять начинаю сознавать, кто я и где нахожусь.

– Провал – это что?
 – Вероятно, вмешательство фактора времени.
 – Время было московское?
 – Хотите знать, что его, как бы, не существовало?
 – Да, скажи.

– Не могу судить, потому что...

– Говори, не молчи!

– Я его потеряла...

– Провал произошел, когда вы спали? – переспросил Фаркнеин.

– Я не помню, что происходило во время провала, хотя есть доказательство того, что случилось всё на квартире Виктора.

– Ещё раз спрашиваю, провал – это как понимать?

Парэин залилась краской.

– Встреча с Виктором.

– Видишь, как всё просто? Молодец! Так держать, так продолжать! – Адмирал потирал руки.

Парэин тоже была перегружена удовлетворенностью, была настолько преисполнена своей новой заботой, что все ее поступки, мысли и чувства пронизывала радость, которая, словно искристая жидкость, заполнила собою оба полушария ее мозга.

ГЛАВА 10. Виктор и Лола

Проснулся Виктор от резкого звонка. Парэин пошевелилась и с тревогой спросила:

– Кто это? Ты не оставишь меня, Виктор? Мы всегда будем вместе, правда, что бы ни случилось?

– Я не оставлю тебя, Лола, – ответил он, как никогда уверенный за свои слова, поцеловал ее в кончик носа и пошел открывать дверь.

И отшатнулся – на пороге стояла еще одна Лола...

Точь-в-точь, Лола!

– Лола, ты почему не предупредила, что у тебя есть сестра-близнец? – с обидой крикнул из прихожей Виктор.

Парэин накинула из шкафа первое, попавшее на глаза, домашнее платье и нашла туфли.

Вместе с гостьей в дверь ворвался многоголосый женский истерический визг со двора и громыханье внизу многочисленных тяжелых каблуков по лестницам. Через мгновение в квартиру ввалились несколько омоновцев.

– Женщины есть?

Виктор удивился, что сестры стояли нос к носу и странно в упор, изучающе разглядывали друг друга, ничего не понимая.

– Пройдемте, гражданочки, до выяснения паспортного и миграционного режима и прохождения некоторых гражданских формальностей, – сказал старший и обратился к Виктору. – Так надо, нам нужна информация. А вы не беспокойтесь, через час-другой они будут дома.

– Если надо – значит, надо, – ответил Виктор и спросил: – А что, есть нарушения?

– Сколько угодно! – услышал он.

На грудь к нему бросилась только первая Лола.

– Виктор! Виктор! Я люблю тебя! Скажи, что ты меня тоже любишь! Подтверди! Докажи! Не отдавай меня!

Вторая Лола была почти раздавлена предательством Виктора, внутри её переполняла ревность, злость, ярость, но уж такая она была выдержанная, и только её отрешённый взгляд гулял по стенам.

“Почему, с какой стати, было сказано о миграционном режиме?” – Виктор с недоумением закрыл двери.

ГЛАВА 11. Виктор

В квартире стало тихо и пусто, у Виктора под ложечкой защемило чем-то смутным, ожидание беды повисло в воздухе, и это чувство принимало форму чего-то конкретного. Виктор включил телевизор, и под ложечкой у него засосало ещё больше. Он еще не знал, что этот час может превратиться в годы безвременья. На экране стояли пугающие титры:

ПРЯМОЕ ОБРАЩЕНИЕ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ К НАЦИИ

Появившийся в синем костюме свежепричесанный президент от зафиксированной на лице тревоги был сегодня блее обычного. Как напудренный.

– Свободные граждане России, Россияне, – медленно начал он грудным приглушенным голосом. – Родина в опасности и все мировое человечество. Воспользовавшись потерей бдительности отдельной группы преступных разгильдяев из ПВО, пришельцы с Проксимы Центавра начали широкомасштабную эшелонированную экспансию, ставя своей целью колонизацию всей планеты, используя для этой акции наш священный праздник День России. Они проникли из космоса вместе с десантом наших женщин. Воздушный непробиваемый оборонный щит страны дал трещину. Министр Обороны снят со своего поста, участь его безответственности разделила еще большая группа высших офицеров.

План колонизации, который разработали и стали осуществлять инопланетяне, самый коварный, подлый, беспринципный, нецивилизованный. Пришельцы доказывают, что война противна их принципам, что они только обороняются и никогда не нападают первыми. А как такое проверить, даже если это чистая правда? Где та грань допустимого риска, если мотивационная психология их неизвестна. Это не пришельцы с добрыми намерениями, это звери, материализовавшиеся в человеческий облик с человеческой плотью и статью, одержимые жаждой разрушения. Было бы легче противостоять им, если бы они явились с оружием в руках. Когда враг перед тобой – все просто и понятно. А если он смешался с населением и ничем себя не выдает, приняв обличье фантомов, чтобы быстрее и эффективнее внедриться и последовательно начать генетическую мутацию людей – вот это совсем страшно. Уже через два-три поколения, утверждаю ученые, если не принять решительные меры и не локализовать пришельцев, человеческая цивилизация как общность, как сущность, как биологический вид утратится – умрет или превратится в лупоглазых существ.

Промедление смерти подобно, пока фантомы не дали потопство, стремясь таким необычным способом захватить для себя максимум жизненного пространства.

К сожалению, за эти несколько часов, когда решается судьба человечества, многие падкие до женского тела мужчины стали жертвой обычного женского обмана, лукавства и притворства, и большинство фантомов уже беременны.

Россияне, обстановка очень сложная, если не самая критическая, но не будем поддаваться панике, мы сделаем все возможное, чтобы не позволить человечеству попасть в эту ловушку.

Приказываю президентской властью:

– Объявить по всей территории России военное положение;

– Все женщины подлежат немедленной депортации в специально отведенные места, пока не будет найден надежный механизм по выявлению и обезвреживанию фантомов;

– Во избежание стихийного процесса и поддержания контроля над ситуацией прекратить все половые связи. За выявление подобных случаев – расстрел;

– За факты преступного сокрытия женщин от депортации – расстрел;

Эти суровые меры, дорогие Россияне, крайняя необходимость...

ГЛАВА 12. Виктор

Президент внес ясность, это сквозило через всю его речь: боль, горечь, утрата, возможная потеря человеческой сущности.

Виктор бросил взгляд на часы, а затем в окно. Было около трех дня. Москва была впереди и вокруг, такая же золотоглавая, но какую-то суетливость и напряженность он почувствовал сразу, все радостное и веселое, что было еще утром праздничное, вмиг исчезло. По улице с равными промежутками проносились удручающе одинаковые урчащие фургончики, в квадратных оконцах которых через решетки глядели отрешенные женские лица без выражений.

“Неужели?.. – Странное опасение кольнулось у Виктора в груди и заухало там тяжелым молотом. – Вот вражина, вот стервозина, обвела вокруг пальца! Ну, чертовка, ну, мразь, ну, мерзопакость!” – Буря негодования пронеслась в голове. Трудно было поверить, что эта беспринципная, самодовольная проксима, это существо с моралью самки стало частью его самого.

“Что же это я?” Виктор понял, что зря паникует. Он вспомнил, что в ее поведении ничего странного, неправильного, непривычного, нелогичного не было; она делала, в общем, все то же самое, что и прочие женщины по природе своей на ее месте совершали. Как сумасшедший, он кинулся на улицу, сел в свои “Жигули”, задним ходом выбрался на наиболее просторное место, круто развернулся и рванул так, что зебры сливались в одну поперечину. Дальше движение уплотнилось, и Виктор пристроился в хвост к одному из черных воронок во множестве и вереницей двигавшихся на север-запад и подбиравших с округи женщин. Машины проезжали по многолюдным улицам, мужчины стояли на тротуарах и про-

щально махали руками. Из настезь открытых окон неслись звуки марша “Священная война”.

Ближе к Тушино это уже были колонны машин с резко упавшей скоростью, обгоняемые несущимися с ревом мотоциклами. Хриплые голоса из динамиков направляли поток, а радио постоянно передавало чрезвычайные выпуски. Через все эти диссонансы и шумы доносились крики из толпы:

– Что это? Что это значит? Не знаю. Никто не знает. Гости из межпланетного пространства. Со звезд...

– Стреляйте, почему не стреляете! Убейте их, пока они не убили нас! – визжал старичонка, тряся жиденькой бородашкой, и слюна у него летела во все стороны.

Человеческая мозаика на улицах двигалась, будто в калейдоскопе. Давка, стоны, визг. Старика поддерживали взмахами кулаков в сторону воронок.

– Они же не люди! Слышите, они не люди. Нелюди!

– Убить их всех, пока они не убили нас!

– Правильно! Есть пришелец – есть проблема. Нет пришельца – нет проблемы.

– Поздно, они перемешались с нашими женщинами.

– Неужели, чтобы найти одного фантома, придется пройти через страдания сотен невинно ошельмованных наших женщин.

– Куда денешься, надо пойти на это, других вариантов нет.

– Тогда мы стоим перед ликвидацией всех женщин!

– Это же миллионы? – изумился мужчина.

Молодой мужчина еле справлялся со своими эмоциями.

– Извините, пока преждевременно, фантомы нужны нам живыми, для науки, для изучения...

Другой мужчина простирает руки и повторял срывающимся от волнения голосом:

– Это безумие, это безумие! Надо по-другому. Мы не должны такое допустить.

На боевом посту в воздухе барражировали самолеты, по всей территории проводя поиск скоплений фантомов, чтобы не допустить дальнейшего распространения агрессии. Наземные службы слежения за воздушным и околоземным пространством несли постоянное круглосуточное дежурство. Воинские подразделения от десантников до ракетных частей ждали сигнала, готовые по первому приказу уничтожить любой неопознанный летающий объект.

Воронок долго петлял по городу и въехал на территорию Тушино. От недавних торжественных построений там ничего не осталось, словно их корова языком слизала, как будто несколько часов назад здесь не кипел праздничный водоворот народного гулянья. Все поле по периметру было обтянуто колючей проволокой в два ряда с широкой буферной зоной между ними.

“От грустного до смешного один шаг и наоборот. Ирония судьбы”, – мрачно констатировал Виктор.

Виктор с громко стучащим сердцем оставил машину. Он шел вдоль нескончаемого забора, до рези в глазах высматривая Лол, но видел только серые незнакомые лица женщин. Они воздевали руки к нему, кричали, умоляли, требовали и проклинали:

– Мужчины, неужели вы настолько глупы и слепы, что не можете отличить настоящих женщин от басурманок!

– Миленский, поверь мне, я – натуральная, можешь потрогать меня и убедиться.

– Моя фамилия Тюлина, передай моему Владимиру, что я самая, что ни на есть, взаимовыгодная, пусть не сомневается.

– Почему мы страдаем? За что такая напасть?

От этих проникающих до самого сердца возгласов было нестерпимо больно, хотелось зажать уши и Виктор в своей беспомощности стыдливо отводил глаза: это коллапс, это ступор, это смертельный пароксизм лихорадки для великой страны, это женский геноцид! Мы не выживем без женщин!

Лол в этой стонущей, бурлящей массе он так и не обнаружил и впервые за многие годы пережил кошмарную ночь. Имя “Лола” жужжало в его мозгу, как оса, какая-то сила вершила свое темное дело.

Цифры и стрелки будильника, стоявшего на ночном столике, тускло фосфоресцировали. Три часа тридцать семь минут ночи. Виктор лежал, не шевелясь, зарывшись с головой в подушку, не в силах думать ни о чем, кроме того, что он смалодушничал, легко позволил себе расстаться со своими женщинами, попросту добровольно сдал их властям. Мучила совесть, сейчас бы он дорого отдал за тот момент, вернись событие назад.

Виктор метался и ворочался в холодной постели, долго не засыпал, словно с ним рядом в кровати лежал разлагающийся труп, и только под утро провалился в беспокойное забытье.

ГЛАВА 13. Парэин и Фаркнеин

По стенкам вагона причудливо пробежали серые тени от прожекторов на северной станции. Из множества женщин луч заглянул в глаза только одной девушке. Не спавшей. Душным влажным воздухом было трудно дышать, и она вышла в тамбур.

Вся скрываемая доселе жесткость проступила на старческой маске адмиральского лица.

– Парэин, ты куда едешь на ночь глядя?

– Миграционная проверка затянулась – земляне что-то почувствовали.

– Как долго она продлится?

– Сначала сказали на час, а теперь говорят – от силы день-два.

– Натурализация идет полным ходом? – Ждал подробностей Фаркнеин.

– Да, адмирал, – Парэин покраснела до корней волос.

– Первые наблюдения?

– На уровне предполагаемых ощущений.

– А каков Виктор?

– Виктор выше похвал.

– Парэин, ты готова пренебречь всеми опасностями, даже гневом проксимианских богов? – Фаркнеина занимали совсем другие тонкости.

– Я не боюсь ничего.

– Твои основные впечатления?

– Они все удивительны.

– А люди – тоже?

– Все разные, только очень похожие.

– Ты не ошиблась? Самоуверенность – опасный враг разведчика-колониста, излишняя – грозит ему гибелью.

– Я прекрасно знаю, на что иду.

– Это очень хорошо. Парэин, твоя индивидуальность – это не только твой голос, походка, движения, но и характер той женщины, которую ты имитируешь. Насколько ты будешь походить на нее, тем дольше заставишь землян ломать голову, настолько будет выигрышно наше общее предприятие.

Парэин вздрогнула от резкого набежавшего треска встречного поезда. Фаркнеин заметил это.

– Помимо прочего, у колониста нет времени для излишней успокоенности; надежда всегда на собственные силы, когда решаться, а когда осторожничать.

– Да, только не сторониться, наступать и не обороняться! – торжественно пообещала Парэин.

ГЛАВА 14. Сукойро

Летний отпуск к морю накрылся?!

Известие о случившейся неудачной попытке колонизировать Землю свалилось точно снег на голову. Неудавшаяся, точно. Пресекавшаяся на корню. Капитан Сукойро, прослушав речь президента, сидел в задумчивости и ждал, что же последует за этим событием и перевернет ли оно его дальнейшую судьбу, карьеру, жизнь. Приказ явился в виде телефонограммы: освободить все помещения тюрьмы от мужского населения и приготовиться к приему женщин. Они появились раньше, чем их ожидали. Параллельно с размещением прибывших, из камер выгонялись на улицу уголовники, едва успевая выписывать им документы об освобождении.

Еще он вспомнил, как загружал в автозаки заключенных под завязку и выбрасывал их в чистом поле.

Вспомнил также о заключённом Поровко, о его гипертрофированном предчувствии. “Знала шельма, что сейчас лучше не высовываться!”

А вечером капитана ждала приятная и неприятная неожиданность, он получил приказ о новом назначении и срочном следовании в местечко “Лесная сказка”. Не за просто так – на погоны упала звезда майора. И низвергнулась хитрая новая должность – старший дознаватель. Опер для будущей работы не звучало, следовательно и иные не катили в современных условиях. И так, старший дознаватель. Однозначно майор понимал, что ему с этими пришельцами предстояло тягаться силами и решать немало сложных и деликатных проблем с точки зрения состояния психологии, современной науки о дознании с богатым применением технических средств. Не допотопных, а самых продвинутых, как, например, детектор лжи. Но там будут одни только женщины, и аппарат, скорее всего, не понадобится. Да, что говорить, точно не понадобится.

Собираться в ночь! Это было не впервой.

“Были сборы недолги...”

Майор вспомнил эти слова из песни и про обычный скромный потёртый чемоданчик, сопровождавший всех военных из старших поколений, популярную вещь, характерную предыдущим временам. Сейчас же он с жало-

стью смотрел на свою коллекцию чуть ли не в натуре Фаберже. Оставить её было выше сил.

Из любви к искусству! К великому искусству!

Суровому мужчине, каким был он, в пору пристало бы по-женски расплакаться.

“Моя коллекция... Мои хрустальные яйца...”

Конечно, Сукойро не собирал пасхальные яйца Карла Фаберже, сделанные из белого золота и украшенные драгоценными камнями, и аукционы Кристи ему были не по зубам. Но эти хрустальные экземпляры, соблюдали размеры и форму яиц известного мастера, а внутри содержали парные, он и она, фигурки жителей Земли. По расам негры, китайцы, европейцы – это обязательно, а дальше согласно представителям народов разных стран числом более двухсот. Фигурки были выполнены с замечательным мастерством, несли дух каждой нации, даже одеты в соответствующие одежды.

Но была одна тонкость: фигурки изображали... зеков в национальных арестантских полосатых робах в скромной обстановке камеры с минимальным набором удобств: на стенках привёрнутые на день шконки и ведра для отправления нужд. В богато обставленных для олигархов камерах стояли телевизоры.

На всю коллекцию майор не потратил ни копейки. Мастерами-изготовителями были, конечно, заключённые. Платить не приходилось, он просто гениям-мастерам отменял карцеры – и им было хорошо и ему.

Карл Фаберже тоже был не просто талантливый ювелир, он был настоящий гений. Тогда кто такие зеки?

Фигурки, которые они создавали, были как живые! Разве что не дышат!

А ведь тут искусство! Красота неопишная, и сделано потрясающе! Всё на деньги меряется, а здесь надо восхищаться, наслаждаться, упиваться. Вот что могут простые заключённые.

Последнее яйцо только вчера было приготовлено для помещения в него новой четы из благополучного княжества Люксембург. Теперь туда втиснется фигурка пришельца. Она тоже будет полосатиком. Но каким – он не знал. Сделает теперь сам – женщинам-арестанткам не доверишь резец. Копию снимет с лучшей представительницы цивилизации Проксимы Центавра.

На упаковку коллекции пошёл уже не чемодан, а ящик.

Через час, как и следовало, он отбыл на самолете немедленно.

“Лесная сказка” была мужской колонией строгого режима на N-ой территории в болотах северного края, старые обитатели нежданно-негаданно получили свалившуюся с неба вольную и по пустой территории гулял ветер, олицетворяющий грядущие перемены. Замолкнувшие были стены длинных бараков и прилежащие участки, окруженные высокими изгородями под током в три ряда с верхней полосой спиралей из колючей проволоки, стали оглашаться голосами новых жилищек. Через каждые сто метров и по углам возвышались сторожевые вышки, да, кроме того, солдаты для лучшего обзора срезали растительность еще дальше на восемьдесят метров от забора.

В коридоре первые, помятые от транспортировки женщины ждали вызова в широкую дверь кабинета.

Руководил допросами уже дознаватель майор Сукойро, привнесший в следственную практику свой стиль.

“Всё равно узнаем, всё равно посадим!” – была любимая его присказка и, когда входящая женщина опускалась перед ним на стул, он начинал с предупреждения:

– Мое дело провести дознание, прояснить картину преступления, а там вас отпустят домой. Если сознаетесь под давлением улик, это не будет иметь той весомой полноценности, как чистосердечное признание сразу. Единственным условием хорошего содержания является примерная дисциплина и желание облегчить свою душу следователю.

Женщины тупо слушали. Молчание их воспринималось как согласие. Это лучше, чем если они будут донимать криками о том, сколько у каждой детей, о некормленных малютках, о памперсах для них.

ГЛАВА 15. Виктор

Виктор встал в розовом свете раннего утра относительно свежим и отдохнувшим. Сон не компенсировал потери спокойствия, но придал сил, и его крепкое тело почти полностью забыло неудобства и лишения прошедшей ночи. Он с удивлением взирал на собственную физиономию, у глаз подернутую морщинами, на слегка посеревшие усики. Можно только поражаться стойкости его организма и более того – духа. Похудел. Правда. За одну ночь. Быстро. Но только оттого, что терзался и сомневался, потому что запутался и не помнил от какой Лолы стояли в ушах слова: “Виктор! Виктор! Я люблю тебя! Скажи, что ты меня тоже любишь! Подтверди! Докажи! Не отдавай меня!” А если сомневался, значит, и от той и другой.

Виктор вернулся к вопросу о любви, и лицо его внезапно стало пустым и отстраненным в отношении обмана. Он не знал, что и подумать. Любить? Но как можно любить женщину, имеющую неизвестно какое происхождение и склонность к фальши? И какую Лолу, если фифти-фифти любви на каждую разделилось между откровенностью и притворством, искренностью и игрой? И в то же время это не метод – наказывать десять человек, даже если только один из них есть настоящий преступник; нельзя считать виновными тех, вина которых не доказана.

Термин “презумпция невиновности” охладил его.

А холодный душ, наоборот, взбодрил, к тому же махровое полотенце до красноты растерло тело. Ощущая во рту медицинский привкус зубной пасты, Виктор побрился и обмыл лицо теплой водой.

Зазвонил телефон. Виктор взял трубку.

– Алло? Это вы, профессор? В институт? Я уже собираюсь, сейчас еду. Буду там через полчаса. Не в институт, а в Академию Наук? Хорошо.

Давно он там не был. Вероятно, съезд учёных. Виктор надел свой лучший костюм и отправился не трамваем и подземкой, как обычно, а на своём “жигуленке”. С удивлением взирал на прошедшие в городе изменения, на стены домов, испещренные надписями из свежей краски, по большей части непристойного содержания по отношению к женщинам. На одном автомобиле во всю длину бампера красовался лозунг: “Уничтожим проксим!” Как грибы после теплого дождя возникли многочисленные пункты по добровольной приемке женщин,

стекавшихся широкими потоками с железным непоколебимым спокойствием и решимостью в глазах. Чувство смертельной опасности объединило, сплотило людей независимо от пола и возраста, сделало их дисциплинированными. Всё больше мужчин с красными повязками на руках народных дружинников достойно и безропотно, даже с каким-то удовольствием, выполняли свой гражданский долг, доставляя женщин; женщины являлись сами с вещами, ведя за собой девочек. Депортация не прекращалась всю ночь и проходила быстро и организовано.

По дороге Виктор решил узнать, где находятся Лолы, но в первом же справочном бюро мужской голос ответил: “Немного терпения, сведения сводятся вместе и обрабатываются”.

Расположенное за высокой оградой архитектурное чудо было видно уже издали. Во всех окнах высотного здания, в котором помещались научные учреждения, створки были раскрыты настежь от жары. Перед входом длинной шеренгой выстроились автомобили. Виктор еле припарковал свой автомобиль. Он обогнул фонтан, из центра которого драконы сегодня не били струями.

Виктор в лифте быстро поднялся на седьмой этаж и оказался в конференц-зале, в котором разносилось старческое покашливание академиков и профессоров и гул многочисленных голосов. Слышен был шум отодвигаемых кресел, в президиуме кто-то неаккуратно уронил стул. Хорошо, что не телевизор, который был поставлен здесь на возвышении.

Из зала в несколько тысяч мест раздались редкие хлопки и тут же смолкли из-за своей неуместности. На трибуне оказался крепко сбитый в плечах мужчина с черными волосами лет пятидесяти и Виктор сразу догадался, что это и есть сам президент Академии Наук академик Лисичкин.

На некоторое время воцарилось молчание.

– Знаешь, кто это? – спросил Дима Рыжиков, подсаживаясь рядом. – Это Лисичкин. Несколько лет назад он получил Нобелевскую премию. Представляешь, Виктор, каково это – осознавать, что ты лауреат Нобелевской премии. – Он от истомы закатил глаза.

Лисичкин начал с ходу в карьер:

– Мы собрались здесь, чтобы не просто обсудить приоритеты на будущее, как обычно. Наука должна сказать свое веское, если не последнее слово, – сказал академик. – Но сначала, коллеги, давайте посмотрим видеозапись, – предложил он.

Вместе с телевизором засветился огромный экран. Изображение стало отчетливым, и все увидели обилие парашютисток. В зале стояла тишина от жуткой брезгливости, но страха не было, время от времени чуть слышно поскрипывали кресла.

Кто-то изумился:

– Это похоже на психическую атаку!

Кассету крутили минут двадцать, потом повторили.

– Вот все, что мы имеем о пришествии инопланетян.

– Нет не всё! – раздался недовольный голос. – Пока не прозвучало ничего вразумительного о последствиях. А я скажу. Человек начнёт с того, что сначала пребудет в пассивной рефлексии, затем уже начавшаяся эманация женщин приведет к фатальной эманации мужчин. В худшую, трагическую сторону, да что говорить, гибельную для всех. На этом можно поставить точку на челове-

ческой цивилизации. Начнется заключительная эпоха существенной перестройки мира, как следствие, без человека, без разума. Но торжествовать придется кому-то другому, в любом случае, будет кому!

– А нам-то что делать дальше? – раздалось из глубины зала.

Академик Лисичкин утихомирил зал, подняв руку.

– Именно этот вопрос я хотел поставить перед вами, уважаемые коллеги. Если мы хотим выжить, и сами, и страна, нужно исходить из наихудших вариантов в сложившейся ситуации. Квасной оптимизм по крайней мере изображать глупо и нелепо.

Тот же голос недовольно сказал:

– Кроме орнитологических наблюдений, ничего существенного. Ну, спустились на парашютах, и что из этого следует? Лавины научного материала пока не видны.

Кто-то, ещё не совсем потеряв веру, нашёлся спросить:

– Может поставили грандиозный иллюзион в стиле Дэвида Копперфильда, поди разберись, а военное ведомство попало на удочку?

– Мы все попали на удочку! – заволновался зал.

ГЛАВА 16. Лолы

Каждой твари по паре. Сукойро первым делом в новом кабинете на сколоченном наспех стеллаже разложил коллекцию, систематизировав её по регионам. Яйца блестящие полированными хрустальными боками, а арестанты внутри занимались своим привычным делом, то есть, совместно на пару несли заслуженное наказание отсидкой. И майор воспользовался правом первым любоваться ими.

В хорошем расположении духа он распорядился, чтобы отвели отдельный барак только для фантомов и выставили отдельную охрану.

Он был в кабинете один и потирал руки, мысленно повторяя лично придуманный аутотренинг: “Моя профессия – видеть во всех врага. Я должен знать, что враг не условный, он умен, коварен, технологичен, приступил к осуществлению своей преступной деятельности и уже помыкает нами, людьми, как хочет. Судьбу человечества должны решить взвешенные, уравновешенные, разумные, твердые, принципиальные граждане, как он, – человек из Федеральной Службы Безопасности, а не хронические недееспособные идиоты, как ученые”.

Он вспомнил службу в армии, полковника погранвойск Федоренко, дававшего напутствие молодым солдатам: “Запомните, сынки, что главное в жизни – это держать воздух на запоре”. “Почему, воздух?” – спросили его. “Потому что на земле ни одна мышь не проскочит”. – отвечал он. И еще Сукойро знал, что лучший способ идентифицировать женщин – это задать такую тональную разговора, найти и предложить им такой каверзный вопрос, которые вкуче заставят их говорить правду, которые поставят их на свое место. И с пришельцами будет покончено!

Перед ним стояла одна из Лол, нормальное двуногое однополое существо, головастое, грудастое, рукастое и при смазливой заднице. Двойное чувство бросало его из

холода в жар. Но он владел собой даже больше, чем нужно. Отвращение, которое он недавно испытал при виде первой, возможно, так и есть, гнусной твари, помогло ему одолевая естественный страх и вести спокойный разговор.

– Итак, вы знаете, по какому поводу вас вызвали?

– Ищут каких-то фантомов с Проксимы Центавра. – Ни один мускул при этом не дрогнул на лице женщины.

“Интересно! – подумал Сукойро. – Даю голову на отсечение, это точно нашенская баба!.. Или большая артистка?” – закралось сомнение.

– Ваше имя? – продолжил он вопросник.

– Лола.

– Правильно ли записан ваш адрес?

– Да, улица Героев Космоса, 21.

– Семейное положение?

– Замужем.

– Образование?

– Высшее, педагогическое.

– Были судимы?

– А это вам зачем?

– Да или нет?

– Нет.

– Мужа как звать?

– Виктор.

– Ничего, если я буду вас называть Лола номер один?

– У меня есть фамилия.

– Нам известно – Ярсинская. Но у вашей визави точно такая же. И как мне, извольте, вас различать между собой?

– По отчеству.

– Но и они одинаковы.

– Не знаю...

– И она не знает. Что делать, как поступить?

– Хорошо, пусть она будет Лола номер два, – согласилась Лола.

– Но вы понимаете всю ответственность перед своей родиной?

– Я впитала это с детства.

– Перед Россией, или Проксимой Центавра?

– Что я дура – открыто повернуться лицом к врагам!

– Так – далёкая галактика... – Сукойро уткнулся в запись. – Вы прибыли....

Лола молчала, приоткрыв рот от удивления, а когда он приподнял голову, выдавила из себя:

– Из Москвы.

– На Проксиме Центавра тоже существует населённый пункт под одноимённым названием? – удивился майор.

– Россия, – поправила его Лола.

– И Россия там есть?

– Есть-есть! – взбунтовалась она. – Если есть на Земле, почему бы не быть ей ещё где-нибудь?

– Продолжим. Вы прилетели сюда из района Проксимы Центавра или откуда-то гораздо ближе, например... – он задумался.

Лола по-прежнему хранила молчание, даже при желании она не могла ответить.

– Это самая ближайшая к нам звезда? – не поворачивая головы, спросил майор.

– Кажется, одна из тройной системы, – неуверенно произнесла Лола.

– Ты у нас проходишь по делу “Extra Terrestrial” – инопланетянка из Проксимы Центавра, нарушительница пространственно-временного континуума Земли.

– Ну и фантазия у вас разгорелась, господин дознаватель.

Он продолжал:

– Итак, пришельцы... Первые незваные гости... Не иначе приветик от долгожданного надменного соседа...

– Пришельцы? Из Проксимы Центавра? Услышала только здесь, – сказала девушка в недоумении. – С какой-то Проксимы... Откуда мне знать?

– Разве вы не встречались с пришельцами... пришелками, – поправился майор, – скажем, в бараке. По моим расчетам: каждая вторая женщина – инопланетянка.

– Помилуйте бог, чтобы жить с ними вместе бок о бок, терпеть их бессовестные глаза!

Изумление Лолы было искренним, в этом Сукойро почти не сомневался. Почти...

– Прекрасно, а как же Лола номер два?

– Возможно, это и в самом деле моя сестра.

– Точно?

– Я не знаю никакой сестры! – вспыхнула Лола. – Родители не сочли нужным открыть тайну!

– Напрасно. А резкое удвоение женского населения от этих непрощенных родственничков, вам ни о чём не говорит? С одной стороны прирост его за счёт мигрантов – хорошо, а с другой – катастрофа...

– Поймите, поймите... – какая-то новая мысль пришла в голову Лолы. – Это значит... значит, вы меня считаете инопланетянкой? Не так ли?

– Я этого ещё не сказал.

– Но оговорились!

– Да вроде бы не слетело пока с языка.

– Но подумали.

– Вы, женщины, все на подозрении на равных. – жёстко сказал Сукойро, смахивая на потревоженного в берлоге медведя: такой же короткошей, большегрузный, с округлившимися глазами серого цвета.

– Бред какой-то – я и эти гости из космоса? Это все забавно.

Первая половина дня тянулась мучительно долго, но вроде бы наметился перелом к лучшему.

– Все женщины яркие представительницы интеллектуального уклона. – Майор специально продемонстрировал комплимент, приподняв красивую, будто нарисованную бровь. – Поэтому рассчитываю на вас, Лола номер один. Если вы номер два, поправьте меня. Позвольте задать несколько технических вопросов?

– Если я чем-то помогу вам.

– Какая к нам ближайшая звезда?

– Солнце.

– Вы юмористка, Лола.

– Стараюсь в меру своих познаний.

– А к нашему Солнцу?

– Проксима Центавра.

– И как она далеко?

– Если мне не изменяет память, четыре с половиной световых лет.

– Как всё-таки правильно называть ваше созвездие: Альфа Кентавра или Альфа Центавра?

– Без понятия. Да и какая разница, хоть горшком назовите, только в печку не ставьте.

– Это правда, Проксима Центавра – холодный красный карлик? Бедные, как вам только не ознобка там жить?

– Между прочим, этот холодный карлик раскален до 7000 градусов.

– Тогда почему звезда то потухнет, то погаснет? То есть, изменяет блеск, как лампочка переменного накаливания?

– Это результат неперiodических вспышек с интервалом от одного часа.

– В самом деле, ваша звезда раскачивается как маятник?

– Преувеличиваете, она смещается за год от нормы всего на несколько секунд. Как и любая из многочисленных звёзд.

Сукойро судорожно оцепенел. Это не просто информация, это настоящие сведения и донесения от располагающего доверия агента! Откуда она взяла? Никакой учёный с Земли не может знать такое! Инопланетянка начала давать показания! Его рука потянулась к телефону доложить начальству о первых успехах.

– Не торопитесь звонить, это должен знать каждый уважающий себя школьник из курса астрономии, – сказала Лола.

Привели другую Лолу, дававшую показания впервые.

– Ваше имя? – Дознаватель встретил ее доброжелательно.

– Лола.

– Гмм, гмм.

– Как есть, Лола, – повторила она.

– И фамилия, конечно...

– Ярсинская.

– Без определённого места жительства?

– Как же, улица Героев Космоса, 21.

– Семейное положение?

– Замужем.

– Муж?

– Виктор Ярсинский.

– Образование?

– Высшее, педагогическое.

– Судимости?

– Ни одной.

– Неужели ни разу за свою жизнь не понесли наказание, хотя бы от родителей?

– Они меня любили.

– Теряетесь в показаниях – шлепки все дети получают. Вы не исключение.

– Я уже не помню.

– В каком родстве вы состоите с этой женщиной? – Сукойро показал на Лолу номер один, до этого с интересом прислушивающуюся к допросу.

Вторая Лола ответила не задумываясь:

– Ни в каком!

– Ведь вашего мужа зовут Виктор?

– Виктор.

– Фамилия...

– Ярсинский.

– Эта женщина, – он показал на Лолу номер один, – утверждает, что это она жена Виктора, а не вы. И хозяйка квартиры на Героев Космоса, 21.

– Ну и пусть считает, если бесстыжей так хочется. Только её нахальство не пройдёт! Я своего мужа никому не отдам! И на свою жилплощадь никого не пущу!

– Что не мешало вам какое-то время существовать вместе независимо друг от друга!

Лола сверкнула глазами.

– Ах, вон оно что? Банальный любовный треугольник! Значит, Виктор обманывал и её и меня!

– Вы догадывались о наличии у Виктора гарема?

– У меня было предчувствие, но я всегда верила ему.

– Вы не открыли Америку – у всех женщин есть потенциальная ревность к сопернице, даже вымышленной, – отметил майор. – А вы знали? – обратился он к первой Лоле.

– Я бы не позволила ему творить беспредел! – почти выкрикнула она.

– Ничего, если я буду вас называть Лола номер два? – он снова перешёл ко второй Лоле.

– Между прочим, у меня имеется фамилия.

– Знаю. Но как быть с вашей визави – у неё всё точно также. И как мне, извольте, вас различать между собой? Дата и место рождения совпадают, и прописка, а в свидетельствах о браке стоит одно и то же число, фигурирует один и тот же загс.

– Не знаю...

– И она, хуже того, не знает. Как соизволите понимать, что прикажете делать?

– Почему она номер один, а я номер два – несправедливо? – возмутилась вторая Лола.

– Пусть вы будете номер один. А вы, – дознаватель посмотрел на другую Лолу, – номер два. Согласны?

– Если ей так нужно – пусть подавится, – согласилась она.

– Итак, теперь уже Лола номер один, вы знаете, по какому поводу вас вызвали?

– Я прохожу по делу, как инопланетянка?

– Но с чего вы взяли, что я вас в инопланетянки записал?

– Так больше некого. Другая Лола, что стоит перед вами, – она кивнула в ее сторону, – домой собирается.

– Как, организация побега! – сразу же ухватился за мысль дознаватель.

– Да нет, она просто такая положительная, белая и пушистая, дальше некуда. Таких в тюрьмах не держат.

Сукойро уткнулся в записку.

– Вы, конечно, тоже прибыли...

Когда он приподнял голову, Лола выдавила из себя:

– Из Москвы, а откуда ещё?

Сукойро поневоле сравнивал Лол и поневоле залюбовался ими. Одного роста – чуть выше среднего, прекрасно сложенные, с мягкими женственными движениями. Сложный, но правильный овал лиц, кожа летнего загара, глаза были бездонны, загадочны и быстры. Про себя, как профессионал, он охарактеризовал их так: “Добрый, приемлемый материал, вполне поддающийся лепке, только немного надо потрудиться”.

– Давайте договоримся о терминологии, чтобы всем было ясно. Созвездие, о котором идёт речь, Альфа Центавра?

– Да, система из трёх звёзд.

– Ближайшая из системы?..

– Проксима Центавра.

– Планета?..

– Называйте, предположим, Проксимия.

– Что вы делали в чужом городе?

Её возмущение было иронично.

– Приставала к чужим мужчинам!

– Это уж позвольте мне самому определить. С вашей помощью, кстати, – сказал он.

– С моей? Не понимаю.

– Вы проходите по делу пока как свидетели, иначе мы бы применили другую меру пресечения – не лагерь, а что-нибудь посушественнее.

– И что же я должна засвидетельствовать?

– Ответить на все мои вопросы.

– Только и всего?

– Да, чистосердечное признание определяет сознание.

– Хорошо, попробую.

– Ваша настоящая родина?

– Россия.

– Расплывчато. Конкретнее можно?

– Солнечная система.

– Умишком богаты, да?

– Московская область вас устроит?

– Меня интересуют сведения в связи с последними событиями и ваша основная, решающая, не половинчатая роль в них.

– А если я скажу правду, кто ее подтвердит, кто даст оценку?

“Какой у нее дьявольский, изощренный, не женский ум!” растерялся майор. Он захрустел необычайно длинными гибкими пальцами.

– Советую вам положиться на наш профессионализм.

– Хорошо, задавайте вопросы.

– Есть краеугольные камни нашей цивилизации, например: колесо, закон Ньютона, закон Эйнштейна, они создавались веками. Ваши краеугольные камни?

– Вас интересует физика или метафизика?

Майор обрадовался.

– Метафизика.

– Даже запредельное в ней?

– Ты знаешь какого числа и в каком месте время соединится с пространством? – Сукойро не верил своим глазам и ушам.

– Если я скажу, это будет для землян переворот в их сознании.

– Земля готова к любому.

– Нет, не готова!

– Согласен эксперимент поставить на себе.

– Это будет время упущенных возможностей! – смело сказала Лола номер один.

“Издевается!” – весь кипел майор.

Сукойро теребил пальцы, не зная, какая из Лол способна на правдивые показания, а какая – на лживые, как и отличить их визуально друг от друга не мог. Уже по прибытии восхищался обилием двойняшек и с первых знакомств путал всех женщин, как и другие надзиратели. Женских двойняшек было множество. Были и тройняшки и четверняшки. Все фантомы скрывались под единой личиной настоящих носительниц имен. Предстояла грандиозная работа по выявлению, разделению, засвечиванию женщин: для начала каждой женщине полагается присвоить идентификационный код или номер, хорошо

бы разработать оценочную формулу, что позволяло хотя бы приблизительно не ошибаться. Хоть какой-то, но план, чем никакого. Приготовили бирки, но какую и на какую Лолу вешать он не решался.

Перед майором стояли две Лолы. Здравый смысл подсказывал действовать решительно, но не прямолинейно. Кто? Какую из Лол надо отсечь в сторону? Как сказать... А если они обе инопланетянки? Может быть такое? Может! Нельзя отметать и такую необычную парадоксальную мысль... Тогда где находится в данное время настоящая Лола? В руках майор передергивал, как карточную колоду, одну на другую бирки. “Казуистика”, – подумал он.

– Одна из вас должна дать подписку, что она не с Проксимы Центавра, в противном случае неподписантку ждут большие неприятности, – сказал он и пододвинул бумаги.

Лолы, с готовностью подмахнуть что угодно, поставили свои идентичные росписи.

– У, ч-черт! – выругался Сукойро, поняв, что снова дал промашку. – Можете идти.

Женщины повернулись и вместе сделали шаг к двери.

– Лола! – позвал он. Обе девушки одновременно обернулись на его обращение, показав одинаковую реакцию на имя.

Опять прокол.

– Уведите одну из них, – приказал он.

ГЛАВА 17. Виктор

Во время перерыва кулуарные споры в коридорах были в разгаре. Каждый вновь подошедший сначала вслушивался, а потом и сам на эмоциях встречал в разговор.

– Военные, что – совсем идиоты, чтобы позволить себя одурочить?

– Дэвид Копперфильд организовывал пропажу статуи Свободы.

– Да, но это не оптический обман... это пришествие или вторжение? Одно из двух. Здесь важна сама отправная точка рассуждения. Если пришествие, значит не нужно панику поднимать. Это может быть туризм, путешествие, удовлетворение своего культурного любопытства к нам, если оно у них есть. А если – вторжение, для него неприемлемы мирные пути. Вторжение ассоциируется со словом “агрессия”.

– У них нет оружия.

– Зато есть черные мысли.

– К тому же это женщины.

– И все подлые на подбор, как Мата Хари, как Мария-Анна-Шарлотта Корде, ударом ножа убившая в ванне Марата. Это бы звучало неубедительно, если бы мы были уверены, что на Землю прибыли десятки женщин. А если их сотни, тысячи, а возможно – миллионы, которые знают, кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где живем. Мы у них на крючке. О масштабах трагедии говорить рано и никакой математической матрицей их не подсчитаешь, пока всех не переловят.

– Трудность состоит в том, что мы не владем ситуацией, поскольку нет никакой информации.

– Включите телевизор, должны быть новые сообщения.

– Вероятно, военные уже довольно много знают?

– Не думаю. Не замедлили бы похвастаться.

– Так они вам и скажут?

Передавали цифры в процентном отношении, сколько женщин помещено во временные лагеря.

– Обманывают общественное мнение. Чтобы иметь в наличии такие данные, необходимо точно знать, сколько было их “до” и сколько “после”.

– Надо срочно провести перепись населения.

– Точнее, женской ее части.

– Только для этого надо...

– Да-да, ни много ни мало всего лишь поставить под ружье всё мужское население!

“Не помню, когда перепись населения была проведена в последний раз?” – попробовал привести в порядок свою память Виктор.

ГЛАВА 18. Сукойро и Вика

“Жребий! Ничего в этом мире не предопределено”. Майор был холостяк, точнее не удосуживающийся развестись субъект, и когда всмотрелся в оставшуюся Лолу, удивился, какие у нее красивые правильные черты лица, выразительные глаза, как и у...

В один миг пронеслись в уме студенческие годы, служба в армии, спецназ и майор задержался мыслью на бывшей подруге, затем супружнице Вике. Добрачные отношения были интересными, а как жена она была выше всякой критики: издерганная, неврастеничная, взбалмошная. Все, что он вспомнил о ней, умещалось в небольшой рассказ, как пример ее невыдержанности и необузданности в манере реагировать на все слезами, даже когда еще она была невестой.

Вика... Даже теперь, много лет спустя, воспоминания об этой женщине причиняли ему острую, почти физическую боль.

Майор скомкал лист бумаги и швырнул в корзину для мусора. Вот так бы и с прошлым: скомкал, швырнул, забыл.

Итак, он пронизывающе смотрел на Лолу, а видел... Вику.

“Колечки черных выющихся волос сползли на одну сторону и обнажили аккуратный пробор недлинной стрижки и погоны молодого лейтенанта. Вика Пескова и Владик Сукойро шевельнулись и отпрянули друг от друга после глубокого и продолжительного поцелуя.

– Ну, а если все же, все же, на тебя положит глаз эта мега-звезда экрана усач-мушкетер Михаил Боярский, – горячо шептал Владик, – а я встану на вашем пути, вы непременно уберете меня с дороги?

– Дурашка, не говори глупостей! – гладила его по голове счастливая Вика.

Они снова замерли в длинном поцелуе. Владика нравилась начавшаяся тема разговора.

– А если этот в черной жилетке красавец-мужчина Никита Михалков, ну который всегда неотразим для вас женщин? – утробно, словно из глубокого ущелья, пробилился голос Владика от широко раскрытого рта девушки.

– Успокойся, надо будет – уьем и даже тела твоего не найдут! – весело шуткой на шутку ответила Вика, втянувшаяся в словесную игру.

– А вот уж Арнольду Шварценеггеру ты определенно не откажешь. Неужели для тебя с ним нет ничего святого, и вы пойдете на самое гнусное преступление, чтобы избавиться от меня? – Губы Владика дрогнули и уже не так настойчиво искали влажные губы Вики.

– Перестань, надоел! – сердито набычилась она.

– Да кто тебе, дурехе, позволит любить Шварценеггера, он же женат и католик. Вот Сильвестр Сталлоне после двух разводов определенно может не отказать себе в удовольствии поувиваться за кем пожелает, даже тобой, нескладухой. А я – последнее препятствие – бастион между вами.

– Как ты мог такое подумать обо мне? – расплакалась Вика. – Прекрасно знаешь, что я люблю только тебя, ненормального.

Она тихо билась в слезах на груди Владика.

– Предположим. Предположим, что между тобой и Сталлоне ничего нет предосудительного, хочется верить в лучшее. Кто на тебя позарится такую малахольную. Были у него жены, одна Бригит Нильсен чего стоит. Рост 183, роскошные имплантированные силиконовые груди, не то, что у тебя, серость, твои естественные, – успокаивающе сказал Владик и сосредоточенно углубился в новый поцелуй.

– А ежели сапожник Мишка Кирпичников? – напряженно выдохнул Владик и вспотел от страшной мысли, конвульсивно передернувшей его всего. – Сталлоне далеко, а Мишка близко. Уж кто-кто, только чтобы не он, башмачник!

Вика уже не слушала и не контролировала себя, сорвала с головы шпильку, разогнула и с ненавистью воткнула ее в самое сердце Владика.

– Какая ты подлая, как я сразу не раскусил, а ведь догадывался! – успел крикнуть Владик, а дальше он был похож с выпученными глазами на лопнувший мячик, испускавший с хрипами последний воздух.

* * *

“Ха, женская шпилька!” Сколько себя помнил бравый спецназовец Владик Сукойро за свою интересную службу, он еще не подвергался такой яростной атаке с применением холодного, варварского, совсем негуманного оружия даже от террористов.

А Вика между тем жутко взвыла и распласталась над его трупом.

Через несколько секунд Владик притворно открыл один глаз, деланно стеклянно уставившийся на Вику своим тусклым зрачком, широко – другой, и расстегнул бронезилет.

– Ага, душегубка-супостатка, живодерка-отморозка, покушение не удалось? – ехидно спросил он ополоумевшую девушку и добавил снисходительно. – Прощаю. Твое счастье, что я не ревнивый Отелло.

* * *

Тогда по дороге домой Владик не переставал вспоминать инцидент:

– Надо же, коварная обольстительница, еще бы на вот столечко промахнулась ниже, и!..

Дома он углубился в народные приметы и к своему удивлению прочитал: “шпилька – к свадьбе”!

– Значит судьба! – вздохнул Владик, снова надел бронжилет, для проверки надежности потыкал сам себя ножичком.

– Теперь можно идти! – удовлетворенно хмыкнул он и направился к Вике... делать предложение.

ГЛАВА 19. Сукойро и Лола

Время от времени Сукойро жалел, что с тем эпизодом он по глупости передержал, вовремя не остановился, можно сказать, переиграл, испортив свою и Викину жизнь.

Бог с ней – сейчас начинался другой этап новейшей истории, и о личной жизни необходимо было забыть до лучших времён.

Лола стояла чуть ли не навтыжку, её смущала для кого-то деловая обстановка, а для нее ущемляющая ее достоинство, но, что положительно, это состояние не позволяло ей при допросе расхолаживаться. Всё произнесённое ею могло быть воспринято против неё.

Интуиция не обманывала – профессия заставляла видеть во всех подозрительных личностях врага, а в фантастической мешанине событий и фактов следовало разобратся как можно скорее. Необходимо использовать всякую, самую малую возможность напасть на след, проверить любой слух, оброненное слово, прогнать через себя и обработать все версии – это мой долг, считал Сукойро. Он уже подсчитал, что на каждую женщину может выделить ровно три минуты, и ни минутой больше. Если только в исключительных случаях, и если Лолу считать исключительным случаем...

– Итак, гражданка Лола, вам известно, по какому поводу вас вызвали? – уже с другой, но, всё одно, с почти нежной тональностью повторил майор, отряхнувшись от сонма воспоминаний.

– Я же вам сказала, ищут каких-то фантомов с Проксимы Центавра! – раздраженно произнесла Лола.

– Не кривите душой, Лола, мне не нужен никакой детектор лжи, я по голосу могу определить, врет человек или говорит правду. За вами следили еще с аэродрома.

– Я приехала с деревни.

Майор махнул рукой.

– Врать надо умеючи.

– А мне ни к чему.

– А почему на обуви оказалась аэродромная грязь, которую вы принесли домой, не как все нормальные парашютистки, прыгнувшие на траву?

– В деревне грязи на всех хватит! – попробовала отшутиться Лола.

– Я реконструирую тот день. Проксимианки высадились на землю за периметром посадочного поля, и, воспользовавшись неразберихой организаторов праздника и разгоряченным состоянием торжества наших граждан, успели проникнуть в город. На вас никто не обратил внимания, но даже если бы остановили с проверкой, у вас на руках были настоящие документы.

– Самые подлинные, – подтвердила девушка.

– Лола, я уже только что говорил, что вы отвратительная актриса!

– Вы, первоклассный дознаватель, тогда скажите мне, отвратительной актрисе, почему я не Лола, а проксимианка?

– Н-да, – повторял майор, роясь в личном деле Лолы, – вроде бы примитивное уравнение с двумя неизвестными, а так накося-выкуси.

Майор был не так прост, чтобы не позволить быть уверенным в себе, что кого надо он рано или поздно раскусит и выведет на чистую воду. Дело было одно... но в двух экземплярах, пока не отличающихся друг от друга в белизне пустых страниц за неимением разночтений в материалах допросов каждой из Лол.

– Так вы не знаете, по какому поводу вас депортировали сюда? – вновь и вновь он возвращался к одному и тому же вопросу.

– Не знаю, не слышала, – твердила Лола.

– Уведите эту и приведите другую Лолу, – приказал он.

ГЛАВА 20. Лисичкин

Президент Академии Наук Лисичкин подошел к трибуне и обернулся, ища кого-то глазами.

– А где Екатерина Денисовна? Обычно она ведет протокол. Ах, да, извините... – вспомнил он, – проходит фильтрационную проверку.

Зал ответил гулом.

– Военные говорят “зачистка”.

– Чистка, зачистка, сортировка, обработка, какая суть разница, женщинам от этого не слаще.

Лисичкин поднял руку и дождался, пока не утих мирился зал.

– Мы должны выразить свое согласие с мерами правительства в отношении фантомов и подтвердить свою лояльность тем, что подпишем сегодня обращение от всех российских служителей науки.

Лисичкин посмотрел в зал и стал его зачитывать:

“Люди планеты выражают свою крайнюю озабоченность судьбой нашей цивилизации, судьбой человечества. Фантомы подготовили завоевание Земли, и первый удар нанесли по прекрасной половине человечества – женщинам. Результат превзошел их ожидания. Чего они хотели, то мы сегодня имеем. Проблема фантомов принимает все более тревожные, невероятные очертания. Сообщения отовсюду поступают непрерывным потоком и говорят, что это не просто фантазмагория, суровая реальность перемешалась с ней в невероятных сочетаниях и складывается в новые угрожающие образы.

В этот трудный для всего человечества час мы, научные работники, даем слово, что приложим все силы и знания в борьбе с врагами...”

Пока присутствующие ставили свои подписи под обращением, академик Лисичкин скрылся за дверью.

ГЛАВА 21. Сукойро и Парзин

В который раз, Парзин объясняла, что она провинциалка, училась в таких-то и таких-то школах, кончила

педвуз тогда-то и тогда-то, стала учительницей, вышла замуж за того-то и жила и живет по такому-то адресу, как будто весь мозговой аппарат сведений перешёл от Лолы к ней. Ей надоело за сегодняшний допрос повторять это все сначала и до конца.

То ли настроение пропало, то ли Сукойро с этого момента посчитал, что наступила другая пора – более жёсткая и решительных действий, но он в обращении перешёл на “ты”.

– Ты знаешь биографию лучше самой Лолы! – воскрился он.

– А я и есть Лола.

– Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что выдавать себя за другого человека и проживание под фальшивым именем является преступлением в глазах закона?

– Моя законопослушная жизнь вполне сообразуется с моралью.

– Твои действия, голубка, квалифицируются как мошенничество.

– И кого же я намеревалась кинуть?

– Лола, выбирай выражения! – поморщился майор.

– Так, кого я намеревалась ввести в заблуждение?

– Хотя бы Виктора.

– Чем же?

– У нас преследуются все деяния, связанные с обманными манипуляциями.

– Я не совершила ничего противоправного.

– Ты женила Виктора на себе обманным способом, втершись в доверие, воспользовавшись его временной неосмотрительностью.

– Такой обман естественный. Девушка хочет женить на себе парня и строит ему глазки. Парень предпринимает все, чтобы получить согласие девушки, и делает ей подарки, точнее, покупает её этими подарками, после чего он достигает своего, как вы сказали, нечестным путём. Здесь, вы хотите доказать, что морально-нравственное поведение моё под вопросом и на юридическом языке подобное называется подкуп или дача взятки. Насколько мне известно, никого еще не обвинили за это.

– Твой случай беспрецедентный. Для этого ты изменила внешность под “а ля Лола”.

– Ещё что?

– Ты вторглась в чужое жилище.

– Это всё?

– За тобой шлейф нескончаемых преступлений.

– И каких?

– Паспорт. Паспорт, хоть и идентичный, не твой. Остальные документы, хоть и в порядке, но под большим сомнением.

– Ну и что?

– Подделка документов, Лола! Как ты не понимаешь? Это серьёзная статья!

– И у какой Лолы они не в порядке?

– В том-то и дело, что в порядке, в порядке! – почти выкрикнул дознаватель и пожалел об этом – нельзя выдавать то, что известно.

Перед ним находился гнусный, скрытный враг с вероятностью 50 на 50. Умный, дотошный, коварный. Майор нутром чувствовал, а больше интуиция подсказывала, еще немного и ему удастся изобличить его безупречную легенду.

Парэин продолжила:

– Вам тест на ситуацию. Мне и другой Лоле продали билеты на одно место – это Виктор. Кто должен остаться? Три варианта ответа...

– Я нашёл четвертый. Не ты, не она, не вместе... и не одна из вас.

– Почему так жестко?

– Называется – полная изоляция от мира.

– Но мы не преступницы, чтобы с нами так обращаться!

– Ты в курсе, что объявлено военное положение?

– Нас схватили и не удосужились объяснить.

– Вот поэтому-то и не посчитали нужным с вами волокититься.

– Да мы сами хотим ясности.

– Тогда ты скажешь, когда будет колонизирована Земля?

Парэин запнулась.

– Моих знаний не хватит, чтобы ответить на такой странный вопрос.

– Почему странный?

– Вопрос не ко мне, простой женщине.

– А кто может на него ответить?

– Понятия не имею, должно быть специалисты.

– Ваши?

– Любые.

– А не назвать ли подобных специалистов, которых ты имеешь ввиду, террористами после того, что они наварили вашими руками?

– Называйте, как хотите.

– А все же, скажи, Лола, кто-нибудь говорил о такой возможности и о том, когда это должно произойти?

Парэин вся взмокла.

– Повторяю, понятия не имею.

– Желательно, из твоего начальства...

– Президент страны всё озвучил.

– Подумай хорошенько, о каком начальстве идёт разговор.

– Не знаю.

– Посиди в коридоре, порыскай в памяти, подумай и вспомни, – майор прошелся по кабинету в ожидании следующей Лолы.

ГЛАВА 22. Сукойро и Лола

Сукойро ухватился за Лол мертвой хваткой, не давая им передышку. Он представлял себя Наполеоном на Аркольском мосту, с присущим тому быстротой движений и говорящего порывистым высоким стилем в лаконичной манере речи.

– Лола Ярсинская?

– Да, к вашим услугам.

– У тебя три минуты, – бросил он.

– Как жаль, – не смутилась она.

– Ты не находишь, что ваше присутствие на Земле несет подрывной характер? – приступил он к вопросам.

– Мы, женщины, слишком слабы и посткамерны, чтобы осуществить хоть какое подобие политического сдвига в самоидентифицирующемся континууме, – драматично сказала Лола.

Сукойро задумался: “Нахальные субретки! Эти полуграмотные выпендрёхи-дурёхи, эти глупые женщины

много позволяют себе вставать в позу. Какая из Лол могла такое сказать? В принципе, и та и другая. Обе учительницы, обе корчат из себя интеллигентш, обе не пропустят случая предстать в красивом свете, порисоваться, пожонглировать оригинальными словечками”.

Он ответил тем же самым оружием, дабы поставить Лолу на место, чтобы не задавалась.

– Континуум выше кондоминиума!

Что было почти чистой правдой, потому что Лола не могла с проверкой залезть в толковый словарь.

– Кондоминиум простирается над континуумом, как бытие определяет сознание, – уверенно сказала Лола.

Майор прикусил язык. Это был крах всех его научных познаний. Это был один ноль не в его пользу.

Вопросы продолжались задаваться с методичностью инквизитора: какие были ее обязанности, какие тайные инструкции она получила, в чем заключается суть экспедиции в такую даль, в такую галактическую глушь?

Лола отвечала, что ничего не знает, что она простая учительница и совершенно не интересуется политикой, разве что, косметикой и театром, и ещё мужчинами.

“Вот, дьявол!” – снова ругался Сукойро про себя на глупую женщину, не способную отличить политику от нашествия фантомов.

Допрос и на этот раз ничего не дал. Такое было и со второй Лолой и со всеми женщинами в колонии – все умело уводило следствие по ложному пути. Записи в делах ничего не прибавляли, не проясняли обстановку и были, как близнецы-братья похожи друг на друга.

ГЛАВА 23. Сукойро и Парэин

Рутинная работа.

Сукойро не испытывал истинную ненависть или страх перед пришельцами – просто он блестяще выполнял свой профессиональный долг.

У майора было неукротимое пристрастие к фактам, а на сегодняшний день их было недостаточно. Первая фаза выполнена: полная изоляция женщин от мужчин. Операция “Зачистка” закончилась более чем успешно. Вторая фаза: Родина ждет положительной развязки. Но это было потруднее реализовать. Нельзя рисовать на песке там, где все зыбко.

– Вы – пришельцы. Ход ваших рассуждений прост. Земля с ее идеальными природными условиями – лакомый кусочек для захватчика. Несмотря на преобладание воды, на планете много незаселенной суши, которую местные жители либо не хотят, либо попросту не могут, не умеют использовать в своих целях из-за лени, из-за своей косности в подходах и тугоумости. Жители лишены всяких признаков урбанизации. По меркам вселенной, земная цивилизация находится в первоначальной стадии развития. Ну и так далее...

Парэин внимательно слушала речь следователя. Как он прав, этот земной философ.

– Вы пришли к выводу, что по своему умственному развитию земляне далеки от вас, фактически беспомощны. Но вы одного не понимаете, даже если вы похожи на землян, это вовсе не означает, что они примут вас с распростертыми объятиями. Вы для них все равно будете чужестранцами.

Парэин почувствовала, что ее захлестывает волна возбуждения оттого, что она уже слышала подобное.

“Ваш ход мыслей еще примитивней – изолировать все население от пришельцев”, – хотела сказать она и глаза ее стали острее.

– Ну что, подавилась, Лола? – Майор внутренне ощутил, что Лола взбудоражена, заводится с пол-оборота и выдает себя с потрохами. – Ты на вершине блаженства или в пропасти отчаяния? Скорее всего, не осознание ли бесперспективности привело тебя под одеяло обреченности. Реальность приглушила все победные реляции к твоему начальству. В тебе осталась только внешняя оболочка земной Лолы, – занудливо продолжал он говорить.

От возмущения Парэин охватило желание перемешать майору все его нейроны, подвесить его за уши, гальванизировать мозги.

Сукойро перешел от общих вопросов к более конкретным.

– Ваш полет на удачу, на волю случая, навстречу судьбе? Почему вы готовы начать войну, равной которой не знало человечество?

– Почему вы думаете, что это начало космической войны, а не взаимной интеграции? – вопросом на вопрос ответила Парэин.

– На интеграционные проекты нужно много времени, а вы по пути к Земле последовательно установили контроль над несколькими другими планетными системами. Силой, естественно. Это проще, разве не так?

Парэин благоразумно молчала.

– Над какими системами? Молчишь? Насколько ваша цивилизация старше нашей? Когда вы намечаете нанести второй удар, третий, четвертый? Какое используете оружие?

Парэин пожимала плечами на дождь вопросов.

– Ты готова отвечать на наши вопросы?

– Да.

– В каком районе галактики находится ваша база?

– Я этого не знаю.

– Не знаешь? – Сукойро бухнулся в кресло и с глупокомысленным видом погрузился в изучение записей в доске. – Оказаться здесь и не останавливаться на отдых в пути? Ну, знаешь?..

– Не знаю.

– Хорошо бы, рассуждали вы, устроить привал, как говорится, стреножить коней, снять с себя доспехи, размять уставшие члены, напиться шеломом воды из родника. Разве не так?

– Отдыхать можно, не выходя из дома, у экрана телевизора за чашкой чая, – ответила Парэин.

– На каком принципе работает ваш корабль?

– Спросите чего-нибудь полегче.

– На вашей планете, видимо, существует немало кораблей и более мощных и гораздо вместительных, чем тот на котором вы прилетели, верно?

– Вы сами ответили на свой же вопрос.

– Лола, назови, хотя бы, габаритные размеры?

Парэин пожалела, что корабль увидела, когда он удалялся серебряной точкой. Расставание произошло в мгновение ока.

– Конечно, больше спичечной коробки, – ехидно ответила она.

– Не хаами! – услышала она.

Дознатель, оставшись один, еще и еще раз прокручивал в голове, что он вынес из этих допросов. Одни “нет, нет и нет”. На все вопросы. Допросы, не приводящие к результату. Дознатель не предвидел, что трудности возникнут в самом начале допросов и будут сопровождать его в процессе последующих, хотя, как ему казалось, задавая вопросы, он проявлял хитрость и проницательность.

ГЛАВА 24. Виктор и Лисичкин

Виктор выскочил из зала и помчался длинными коридорами за академиком вдогонку.

– Чего вы хотите, молодой человек? – спросил Лисичкин.

– Разрешите несколько вопросов!

– О чем?

– О ситуации в стране.

– Я уже все сказал, – сухо бросил академик на ходу.

– Ситуация находится под контролем. Женщины-фантомы, носительницы, я бы сказал, чуждой идеологии и враждебной нам генетической сущности, изолированы. А это главное. Сейчас устойчивое равновесие, и скорее, я смотрю с оптимизмом, не в их пользу.

Но Виктор не отставал от него. Так они прошли через весь институтский сад, и подошли к стоянке. Лисичкин остановился у своего автомобиля, стоявшего в тесной шеренге других машин.

– Простите, – повторил Виктор, пока академик искал ключ в кармане, – я... я не корреспондент и вообще не из прессы. Я старший научный сотрудник одного из ваших институтов.

Лисичкин взглянул на него с искоркой интереса.

– Так чего вы хотите?

– Хочу знать...

Академик пожал плечами и всунул ключ в замок.

– Мне нечего к информации дополнить.

– Но что вы, вы сами... думаете по этому поводу?

– Я?

У парня были удивительно голубые глаза: они смотрели на учёного, как бы в ожидании чуда. И Лисичкин сдался от бесконечно доверчивого взгляда.

– Что вас интересует?

– Я потерял жену, – глаза Виктора увлажнились, – не думаю, что сейчас в эти минуты с ней церемонятся наши спецслужбы.

– А я старую мать, тещу, жену, сестру, дочку и внучку. И каждый из нас кого-то лишился. Но это надо осознать как необходимую реальность. Скажу одно – кто их знает, этих солдафонов, на что они способны. Надо все сделать, чтобы выволить наших женщин из пропасти. У фантомов организмы совсем земные, тогда нужно задаться вопросом, откуда они взялись и почему похожи на наши? Просто сослаться на их космическое происхождение нельзя. В общем, предположений много, нужны факты и еще раз факты, и решать надо, чем быстрее, тем лучше. Сегодня они учудили в Москве, загипнотизировав радарный щит страны и заблокировав систему ПВО, в результате чего приборы станций слежения не сработали, а завтра предпримут локальную агрессию уже в Санкт-Петербурге или, скажем, во Владивостоке.

– Вы случайно не впадаете в скепсис?

– Вы о чем?

– Идет намеренное раздувание страхов. И вы, академики, не меньше раздуваете костер.

– А вас, молодой человек, разве не пугает, что уже сейчас мы переходим границу возможной деструкции человеческой жизни, которая неизбежно приведет к деструкции самого нашего мира, шаткого к проявлению любого неучтённого извне насильственного фактора. Деструкции как внешней, так и внутренней на большем, чем генетический, уровне.

– Пугает.

– Человеческая натура. Есть страх перед самим собой, страх перед другими, страх перед необычной формой жизни, страх перед завтрашним днем, страх перед неизведанным. Страх, страх, страх. Как говорится, у страха глаза велики, главное, как его перебарывать. Вот у вас какой страх?

– Страх, что мы ничего не можем, ни на что не способны.

– Это хороший страх, заставляющий нас разве что не паниковать, а усиленно думать и работать. Можем, да еще как!

– Это надолго?

– К гипотезам о глобальных катастрофах прибавилась еще одна катастрофа, уже реальная. Пришельцы. Они не эльфы, забавные крохотные человечки, одетые кто во что горазд в лубочные одежды и прогуливающиеся по лугу с сачками в руках. Я думаю так, что это их первая робкая попытка проникнуть в пространственно-временной континуум Земли. Они достигли первых успехов, а мы первых поражений. Мы не дотягиваем до их уровня мышления. Нам еще только предстоит научиться управлять пространством и временем, чтобы получить возможность перейти на более высокий уровень восприятия мира. Они вынашивают враждебные планы разрушения, а мы должны противопоставить им свой патриотизм и не дать себя в обиду, расстроить их замыслы и при этом максимально возможно сохранить свой генетический пласт.

– Из вашего огромного научного опыта, вы можете сказать, существуют ли у фантомов слабые места?

– Требуется знание возможностей проксим, исходя из того, что они с другой планеты. Мы не знаем, каков состав их атмосферы, и каковы природные условия среды обитания. Что для наших женщин терпимо, для них на Земле возможно смертоносно. Проверка на тестирование заберет массу времени.

– В таком случае необходимо интенсифицировать процесс.

– Только не советую дилетантам брать быка за рога. К сожалению, нетерпеливость в научной работе принесет больше вреда. Вступить в открытую борьбу с проксимами означает усугубить дело, в частности, взять под сомнение наших женщин, проходящих карантин. Причем без всякой уверенности, что произвольными мерами можно избавиться от врага.

– Но хоть что-то надо делать, не стоять же на месте! – воскликнул Виктор.

– Этим занимаются конкретные люди во временных лагерях.

– Как вы относитесь к ним?

– Нет ничего более вечного, чем временное, говорит истина.

– Вы советуете оставить проксим в покое?

– На время, в то же время не прекращая работы по идентификации.

– Здесь существуют какие-нибудь тонкости?

– Сколько угодно. Больше опасности. Пока идут выяснения, кто из близнецов первичен, а кто вторичен, выявление их корней, враг не дремлет и занимается перегруппировкой сил.

– Мы имеем дело со сложным случаем. Любую демонстрацию оружия следует рассматривать как проявление враждебности, а у них нет оружия. Так кто они: друзья или враги?

Академик Лисичкин задумался.

– У нас в истории не было прецедентов подобных случаев. Если контакт культурный – это одно, а они рвутся, к сожалению, к половому – это другое. Это уже глобальные взгляды на генетику, на половой отбор, как на новые способы ведения войн, противные от химических, бактериологических и других, известных нам.

– Половой или по-другому генетической войны у нас еще не было.

– Теперь есть.

– Тут надо звонить во все колокола.

– А вы, думаете, на собрании были одни ученые? Как бы не так. Серьезная встряска общества. Среди присутствующих были шишки из министерств и, насколько я знаю, глава секретной службы, два руководителя военной разведки, начальник контрразведки, а также их помощники, секретари, технические советники.

Виктор следил, как автомобиль скрылся за угол.

ГЛАВА 25. Сукойро и Лола

Каждый нерв – как натянутая струна у гитары, каждая мышца – как бугры у гладиатора, подрагивающие в боевой готовности, каждая артерия – как горячий источник, бьющий из-под земли, каждая вена – как полноводная река. “Я разоблачу вас, Лола”. Сукойро перестал барабанить пальцами по столу и нарушил молчание.

– Лола, у вас есть своя межзвездная стратегия?

– Военная доктрина, что ли?

– Ну да.

– Смешно говорить, я не знаю даже земную или какая она у России.

– Вы летели сюда несколько лет. Вы последовательно установили контроль над несколькими другими планетными системами на своем пути, как говорится, огнем и мечом, или у вас есть другие цивилизованные технологии подавления инакомыслящих?

– Мне это в новинку слышать. Два слова “цивилизованные” и “подавления” как-то не вяжутся между собой. Тогда первое из этих двух слов поставьте в кавычки.

Майор удивился и приподнял вместе с бровью один глаз на девушку.

– Какая ты умная вторая Лола!

– А я первая, – поправила следователя Лола.

– А где ваши мужчины? Непонятна их движущая, направляющая и консолидирующая роль, или космическими контактами только женщины занимаются? Вы как

цыгане, похожи на них своим укладом жизни: мужчины дома отсиживаются, женщины неизвестно от кого детей рожают.

– О чем вы такое спрашиваете?

– У вас матриархат или патриархат? Кто первичный, а кто вторичный: женщина или мужчина?

Лола была вне себя от пошлости, но у нее хватало терпения сдерживаться. Сукойро это заметил.

– В какой мере вы настроены против землян? Конкретно, что намерены претворить женщины, только ли найти повод для межзвездной войны, устроить провокацию? У нас есть историческая легенда о троянском коне, поэтому, наученные опытом, мы не такие наивные, как обычно пришельцы представляют себе аборигенов, мы перекрыли все ходы и выходы и вам не на что надеяться.

Необходимо было благоразумно молчать, и Лола не ввязывалась в диспут, где ее обязательно бы подмяли, переверали, обработали как им надо, использовали бы высказывания против нее же самой.

– Расскажи подробно о своей родине Проксиме Центавра?

– У меня родина Подмосковье.

Сукойро поднял палец в небо.

– А там у тебя что же – загородная дача? Там ты, в космосе, что делала? В День России ты спокойно отдыхала в деревне и почему-то решила вернуться домой не на чем-либо, а именно на парашюте, в брезентовом камуфляже, в армейских ботинках. Странная разновидность транспорта. Мы проверили, тебя в списках легальных парашютисток нет.

Благоразумие и еще раз благоразумие. Разговор из спокойного стал переходить в резкие тона. Это Лола понимала.

– Что вы планируете, что замышляете? Какого удобного момента ждут ваши мужчины?

Лола чувствовала, как вибрирует ее тело, как судорожно скручиваются в тугой узел нервы. Мысли путались, оттого что кровь от несправедливости шумела в ушах. Она не могла больше думать ни о чем, только ждала фразу, которая бы окончательно довела ее до сумасшествия. И эта фраза была произнесена:

– Проглядывается настоящий женский терроризм, вы взрываете человеческую сущность изнутри мужского основания... – это продолжал говорить в пустоту майор.

К Лоле вернулись мысли, когда возвратилась на своё койко-место, она пришла в себя, она радовалась, что ей до сумасшествия ещё далеко, пока существуют такие шуты, как Сукойро.

А он к вечеру понял, что планы нарушились, что отдельный барак только для фантомов останется пустым на неопределенное время.

Но его природный оптимизм всё ещё переполнял его.

ГЛАВА 26. Виктор

После окончания рабочего дня все сотрудники института, где работал Виктор, были приглашены в зал, и им было объявлено о прекращении предыдущих работ и начале новых исследований.

Как? Сразу? Каких?

Вопросов было много, как и расплывчатых ответов, но оставивших самое главное – нежелание трудиться в священное для страны время – за проходной института. Так было надо.

Но недоумение только возросло.

Лето было жаркое и пышное, стояли ясные солнечные дни, в саду шелестела сочная зеленая листва. Словно выцветшее от яркого света, небо дышало убийственным сухим зноем. Над Москвой иногда проходили пухлые бесформенные облака, гонимые ветром. Иногда они, в его отсутствии, кружась на месте, возвращались обратно.

Виктор вернулся в свой корпус, в свою лабораторию и, задумавшись, присел на стул. Когда поднял глаза и увидел над собой белый потолок своей погруженной в прохладную умиротворённость лаборатории, его в очередной раз пронзила единственная, вызывающая ледяную дрожь, мысль: “Он потворствовал фантомам, его подозрительность была на низком уровне, он позволил себя обмануть самым бессовестным образом”. От разочарования у Виктора похолодело в животе, и он почувствовал к себе отвращение при мысли, какие непредсказуемые ужасы должно приносить ему и всем каждое новое утро.

– О, Боже! – в который уж раз на дно содрогнулся Виктор, и кровь брезгливо отхлынула от его лица.

На улице было душно. Виктор вернулся домой и срочно позвонил отцу во Владимир. Известия были малоутешительны: мать, младшая и старшая сестры были депортированы в неизвестном направлении.

Отец достиг в науке стабильного авторитетного положения и сейчас этот неунывающий человек был убит горем.

– Отец, к вам заявлялись проксимы? – спросил Виктор.

– Говорят, что много, но мало кто их видел вживую, а если и видел, кто их считал. – Связь со стороны Владимира работала отлично.

– Тем не менее, владимирских женщин постигла та же участь, что и московских?

– Похоже вся страна на участии заложников.

Остаток дня прошел так же, как и его начало, в размышлениях и противоречиях.

ГЛАВА 27. Виктор и Дима

Что было делать, за что взяться? Старые превалирующие темы научных работ автоматически отпали. Виктор понимал это. В предыдущую пятницу под вечер Виктор обнаружил трещину в системе стеклянных компрессоров и решил сегодня залатать ее, пока она не поползла дальше. Единственным решением была пайка. Некоторое время он медленно и осторожно водил перед собою ослепительным пламенем газовой горелки.

– Поздравляю, – усмехнулся чей-то голос, и Виктор вздрогнул, а на горелке щелкнул прострел и вырвался сноп красного пламени.

– Следи за кислородом, – тот же голос дал дельный совет.

Виктор снял защитные очки. В лаборатории стоял полумрак – окна были завешены от солнца – давала знать себя привычка заниматься сваркой в темноте. Удиви-

тельный бархатный басок принадлежал Диме Рыжикову. Он был ниже Виктора, но шире в плечах и гораздо массивнее, Круглые, красные щеки, черные и блестящие волосы, холодные светло-голубые глаза придавали ему ухоженное строгое выражение. Даже в жаркие дни на нём были костюм стального цвета и голубая рубашка с галстуком, а всё прикрывал синий халат.

– Значит, на свой страх и риск?..

Виктор смутился. Захотелось загородить телом установку от любопытного взгляда.

– А как ты узнал, что у меня нет разрешения на проведение огневых работ? – спросил он с недовольством.

– Кому это сейчас нужно, если страна катится в тар-тарары! – Дима затмил своим возгласом шипение горелки.

– Работу, как бы, никто не отменял. – Виктор прибавил кислород.

– Приостанови работу – она никому не нужна. – Дима перекрыл вентиль на баллоне и, как актёр, сделал выжидательную паузу: – И жди новую. Инерция старого мышления, несогласованность, раздрай в головах – вот плоды нашего прекрасного сумбуроносного времени.

– Тебе нечем заняться? – спросил Виктор.

Дима пожал плечами.

– Я бросил рассчитывать в линейных функциях и перешел на объемные, но пока ничего существенного. Как и ты, жду указаний сверху.

Он кратко рассказал о работе, потом спросил:

– А у тебя есть что-нибудь новенькое?

– Все еще вожусь с установкой. Хочу выбросить расширитель и установить ускоритель. Это дешевле и эффективнее.

У Димы исследовательская жилка развила не только его интеллект, но и давала ему то эмоциональное удовлетворение, какое получают от сознания, что удастся чего-то добиться. Особенно, он известен был умением пробыждать в оппонентах интерес к своим рассуждениям. Поэтому что Дима любил много сыпать ассоциациями, говорить о существенном и, как доходчивый преподаватель, давал живые объяснения физических явлений с таким усердием, что получались правдивые и волнующие образы. И все ползали к нему за советами.

Дима был женат на тихой, некрасивой профессорской дочке, двумя годами старше его. Интересна история знакомства с ней, приведшая к браку. Ее отец, проректор института, вызвал в кабинет двух выпускников Диму Рыжикова и Анатолия Кириллова и сказал: “Вы мне нравитесь. Есть вариант остаться в Москве”. А подробнее предложил поговорить на своей квартире.

Вечером им открыла дверь неказистая девушка, из тех, что не бросаются в глаза. Явно не во вкусе Димы. Профессора дома не было. Пока они ждали, оставшись наедине, происходил незатейливый молодёжный разговор. Библиотека профессора была впечатляющая и между чашками чая она стала предметом восторга обоих студентов, которые меньше всего обращали внимания на комментарии своего гида, неплохо разбирающегося в ней. В какой-то момент – надо иметь огромное чувство обладания собой – Катя вдруг сказала сразу и Диме и Анатолию: “Предлагаю свою дружбу и сердце”. Шок произошел у обоих студентов от естественности, от оригинальности. Явился отец и сразу весело оценил мрачную ситуацию: “Дочка у меня целеустремлённая. Я вижу,

вы о многом успели переговорить. Жду с ответом через три дня”. Через три дня после мучительных раздумий пришел только Дима, что, в конечном счете, вполне удовлетворило профессора, а свадьба прошла пышно после какой-то недели подготовки к ней.

Первые часы после зловещего Дня России проходили у Димы в ожидании ответа о Кате. В общем-то, не особенно обязательном для него. Он ещё раньше до известных событий признался спокойно Виктору, что в последнее время у него шли прицепом длинные периоды застоя и кризиса. Он даже не хотел видеть жену, желал её выместить из глаз долой и с сердца вон. Объяснял тем, что это она, а не её отец, тогда с напористостью чёрного носорога взяла инициативу в свои руки, за то, что была настоящий аннигиляционный сгусток энергии в тихом болоте и настойчиво раскрашивала беспросветную жизнь в нежные, не в сухие, академические цвета.

За что другие любят, он ненавидел.

Доводы не удовлетворили Виктора. Возможно, Дима выдавал желаемое за действительное.

Они сидели в бане, и парилка была очень горячая.

А Дима на низком потолке, полном каплями, в доказательство своей научной теории увлеченно чертил пальцем ряд концентрических прямоугольников со стрелками принципиальной схемы. На лице у него было упрямое выражение. И еще, на удивление, спокойное, хладнокровное, рациональное.

– Дима, почему ты все о работе и о работе? Расскажи лучше о Кате, – попросил Виктор.

– Да что говорить.

– А ты не таи – легче станет.

– Она женила меня на себе – и этим всё сказано! – взволнованно произнёс он.

– Тридцать процентов женщин первыми проявляют инициативу и выходят таким способом замуж и не видят в этом ничего предосудительного.

Дима смотрел в потолок и говорил, как всегда спокойно:

– А что о ней объяснять? Резюме следующее: когда она раньше уходила из дома, я иногда надеялся, что она больше не вернется. Забавно, правда?

Дима замолк.

– Поведай еще о Кате.

– На этот раз она ушла окончательно и бесповоротно, потому что ей да и мне так было на роду написано. Вмешался указующий перст, а больше нынешняя ситуация помогла. Я был с ней как механистическая кукла. Мне никогда не нравилось принуждение. Перед женитьбой я боялся утратить свой мозг, свою индивидуальность, но даже предположить не мог, и никогда бы не поверил, что она может настолько отнять у меня свободу мысли и воли. Но это произошло. Я уже думал: скоро ли я окончательно сойду с ума? Мне в пору было стать пациентом психиатрической клиники. Глубокие регрессии, нервные срывы, суицидальные мысли...

“Нормальный, здоровый мужик без физиологических отклонений, – думал Виктор и не мог понять, почему Дима к своей жене так равнодушно относится. – Неужели он окончательно убедился, что разлюбил жену, заблудился про то захватывающее волнение, которое по первоначальности они оба когда-то испытывали?”

– Кто-то из супругов добровольно должен отступить в тень, – Виктор, как мог, успокаивал коллегу. – Отсту-

пить, а не уступить, как везде рекомендуется. В жертву идёт самый-самый, смелый и подготовленный. Все остальные признают это безоговорочно. Так и у супругов должно, а не вставать в позу, что я лучший генофонд. У нас ссоры – обычный обмен энергиями, Дима!

– А не хочешь, отъём этих энергий друг у друга! – У него была своя, безупречная позиция.

Виктор не перестал копаться в друге и спросил:

– Алмаз весь в трещинах, если рассматривать его под большим увеличением. Ты посмотри на Катю обычным глазом, чтобы не видеть ее изъяны, что ты хорошего о ней скажешь?

– Алмазной твёрдости ей не занимать. Она настроена была на меня как великолепная скрипка под смычок и сыграла на ней им точно как по нотам.

– А плохое?

– Это одновременно и дальше некуда и ни в какие ворота. Она не просто считала варианты, а была чересчур расчётливая. Использовала меня, заставляла под свою дуду плясать.

– С ней будет все в порядке, – заверил Виктор.

– Здесь я не сомневаюсь. Такие не пропадут. Она и своему фантому два очка вперёд может дать.

– Скажи, сколько у неё фантомов?

– Три, – сказал Дима и поведал свою историю.

– В День России я с Катей гулял по городу. И вдруг к нам подошли три девушки, совершенно похожие друг на друга... и на Катю! Как капли воды! Я подумал, что она меня разыгрывает, а она – что я её. Девушки между тем окружили Катю и мне стало совсем весело. Она затерялась среди них, они вились вокруг меня и на имя “Катя” девушки отзывались все разом. И тут мне стало совсем не весело, а даже жутко. Тут их и забрал патруль.

– А Катя – что?

– Они все сделали мне ручкой.

– Катя к тебе вернётся, – сказал Виктор.

– Только не это! – воскликнул Дима.

– Боишься, что те три – тоже?

– Нет, она сама по себе мне не нужна!

– Почему ты не любишь ее?

– Ну, как тебе сказать?

– А ту – вторую? Третью? Четвёртую?

– И фантомов я тоже ненавижу. И вообще, всех женщин.

– Следовательно, существует закономерность, если не любишь жену, то фантомов тем более?

– Не могу объяснить, фантомы тоже достали своими глюками, словно расстреляли меня очередью из оторопи.

– А всё же?

Дима смутился.

Лицо Виктора озарила улыбка – значит, есть интерес, значит, не все для него потеряно.

Все будет хорошо.

ГЛАВА 28. Виктор

Следующие несколько дней все происходящее было на удивление ровное и безмятежное в смысле однообразия и монотонности. Страна прошла первую ступень отрезвления и нашла в себе силы продолжать жить своим чередом, постепенно оправляясь от шока. Не останавли-

ваясь, работали учреждения, фабрики и заводы, всю нагрузку на которых несли мужчины и снова мужчины.

Улицы обезлюдели, правильнее сказать обезженнились. Странно было видеть яркие витрины в магазинах с еще не убранными женскими аксессуарами. Кому они предназначались? Но товарооборот видимо был хороший, вещи скупались. Только для кого? На перспективу, на будущее?

Погода не соответствовала тяжелой обстановке, была прекрасной. Дни стояли жаркие. Утром – прохлада, днем – жара, вечером – духота и лес людей на улицах в рубашках с короткими рукавами, а где-то и в шортах.

Прошла сумбурная неделя, а о Лолах не было ни слуху, ни духу. “Где разгуливают фантомы? Что задумали? Какую пакость еще приготовили? Ехидно посмеиваются над землянами?” Так думал Виктор и все остальные граждане.

На углу старик продавал цветы. Виктор умилился и тут же погрузился: “кому их дарить? А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты!”

ГЛАВА 29. Виктор

В мозгу кружились обрывки образов прежней стабильной жизни, окрашенные непереносимой ностальгией: улыбки Лолы, примятая их телами трава, на которой еще не высохла роса, запах еловых игл в новогоднюю ночь и мясных пирожков в рождество, друзья-книжки, товарищи-турпоходы...

Виктор часто думал о жене. Он любил ее, боготворил, холил и жалел только об одном: они не успели насладиться жизнью. Резонно было ему спросить, а кто успеет в пору влюбленности? Семейная жизнь у Виктора с Лолой началась гладко и естественно, словно они уже были женаты тысячу лет – настолько адаптированные и притертые друг к другу. Медовый месяц не прошел скучно, и за это время они не узнали о себе ничего нового, но достаточно прибавили к знаниям о себе много качественного.

В памяти те дни сохранились очень ясно и мило, потому что было необъятное ощущение счастья.

Через полчаса нужно было отправляться в институт. День намечался трудный. В лаборатории что-то не ладилось с вакуумом. Сказывалось отсутствие спектрометристки и по совместительству вакуумметристки высокой квалификации Валентины Максимовны, постигшей судьбу всех женщин. Раз за разом срывался опыт, экспериментаторы спихивали все на группу технологов, те – на теоретиков, не представивших расчеты в полном объеме, и сегодня Виктор сам решил подежурить у вакуумной установки, чтобы сунуть кого надо носом в их собственный просчет.

Проблема, которой занимался Виктор – сверхвысокий холод плазм, нигде не афишировалась и совершенно меркла в блеске иных. Он все хотел превратить золушку в принцессу в виде разорвавшейся бомбы в научном мире. То, что у других находилось в жалком воображении, у него формировалось в стройную систему. Как обычно. Оставалось совсем чуть-чуть, только не хватало времени на окончание темы, забывание того самого гвоздя, который бы поставил последнюю точку.

День действительно выдался трудный. Виктор не вылезал из лаборатории, доказывал верность расчетов, бегал к соседям по этажу, чтобы не мешали с магнитными наводками, умолял проверить или заменить приборы. Но на экранах часто раскачивалась идиотская сетка вроде рыболовной морды.

Эксперимент был важным. В лабораторию заглядывали болельщики из других отделов.

– Я вас спрашиваю: как вы относитесь к моей новой концепции температурных уровней? – Виктор желал увидеть поддержку в глазах специалистов, но те больше переспрашивали:

– Расчеты, небось, содрал у Пайквуда?

– Да, я не открываю Америку. И у Давида Бодсеялека.

– Но у Пайквуда сплошная голая идея, а у Бодсеялека больше от эклектики.

– От эклектики или не от эклектики, но что-то бредовое в них меня заинтересовало.

– Дай-то Бог, не нарваться на плагиат!

ГЛАВА 30. Лола

Барачная жизнь навевала определенные неприятные мысли. Но ярче всего, как свет в конце туннеля, вспоминался Виктор, ни родная деревня, ни сестра с племянниками, ни мать с отцом.

Виктор вошел в ее жизнь, в ее “я”, наследил так, что эти следы стали стойкими, как замурованные отпечатки листьев древнего папоротника, как колеи первого лунохода.

Его голос врывался по ночам неожиданно и звучал хрипло в полном мраке:

– Лола? Что с тобой происходит, Лола?

Затем длительное молчание, и снова руки тормозят ее плечи, цепляются за локти.

– Лола! Лола!

Лола тоже простирает к нему руки.

– Виктор!

– Лола! – крикнул Виктор, загляделся и споткнулся и чуть не полетел на пол. На его губах медленно расцвела почему-то кривая невозвратная улыбка.

Виктор любил Лолу. За робость? За запутанность? Можно ли полюбить за насмешливость? Он удивлялся, с каким удивлением она всматривалась в предмет, в дерево, в примостившуюся на карнизе кошку.

В учительской она сидела у форточки. Яркая из ярких. Уважаемая из уважаемых. И доверяли ей самые небогатополучные классы. Больше всего на свете она боялась, что у нее не получится с педагогикой и ее выгонят с работы с треском.

Виктор стал встречать ее каждый день у дверей школы. Это потрясло ее коллег – учителей, когда они просекли, что у Лолы есть парень. Парень? У кого?! У Лолы? У высокой, темноволосой и довольно привлекательной девушки, сошедшей с журнала мод? А парень невидный из себя. На нее не похоже!

Теперь Виктор проводил с Лолой все их лишнее время. Они фланировали по Москве, он показывал ей ее полностью, от Кремля до чуть ли не сто первого кило-

метра. Снова и снова они восхищались Царь-колоколом и Царь-пушкой.

Он бродил с Лолой по улицам, и они судачили обо всем на свете, забираясь в такие разговорные дебри, которые доступны только смертельно влюбленным. Они с восторгом смотрели те фильмы, которыми каждый восторгался по-своему, но не являющиеся предметом спора. Лоллин наивно ярко броский беретик и скромное пальтецо мелькали в театрах и на стадионах.

В воздухе витала любовь, цветы, птицы и гитарные серенады. И Лола подпускала Виктора все ближе и ближе к себе, и он стал заходить к ней в малосемейку. Долгое время они сидели напротив друг друга и физически не сближались, в страхе отшатывались, когда дело грозило зайти далеко и расстояние между ними уменьшалось ближе критических тридцати сантиметров. Тогда у них включался тормоз, и они превращались в одноименные магниты, отталкивающиеся друг от друга. Пока не прозрели как-то сразу, как-то революционно, что они никакие не одноименные магниты, более того – разноименные. Пока не сорвались в неконтролируемую плоскость. И магниты схлопнулись с таким усилием и усердием, что нечего было и думать об их разжатии. Лола залилась слезами там, где надо было гордиться собой как женщиной, выполнившей свою главную природную, биологическую и историческую миссию, укоряя себя за слабость, а Виктор растерялся, не зная, чем ее утешить и надо ли это делать вообще. Потом они помирились, сходили в кино и... цинично, нагло и азартно повторили то, из-за чего расстраивалась и плакала Лола, а Виктор давал слово, что не допустит такое впредь.

ГЛАВА 31. Сукойро и Парэин

Говорили, что дождливая погода удержится целую неделю, и вполне соответствовала предосеннему унылому настроению, царившему в городке за колючей проволокой.

Темп и плотность допросов по требованию начальства с каждым днем возрастали, тем не менее, дознаватель не хотел, чтобы женщины это заметили и почувствовали на себе прессинг.

Это был конец рабочего дня. Сегодня он подвёл Парэин к своей коллекции и открыл занавеску. Перед ней предстала экспозиция, которой она сразу заинтересовалась, и которую не стыдно было бы показать на родине: хрустальные яйца с позолотой на подставках из блестящего калиброванного металла, несмотря на то, что во внутренних полостях действующие лица не симпатизировали своим вызывающим отторжение менталитетом.

– Каждой твари по паре. Что вы хотите этим сказать? – безучастно спросила Парэин.

Показывая на коллекцию, майор хотел честно заявить: “Вот что ждёт каждую из вас”. Но, оправдываясь, почти залебезил:

– Жду мнения независимого и непредвзятого эксперта.

– Я вижу здесь глубокий намёк.

– Я бы скорее заметил – глубокий смысл, – произнес дознаватель.

– Это настоящее издевательство! Надругательство! – возмутилась Парэин.

– Не подумай, Лола. Это искусство, а в нём существует течение – реализм, не всем приятный. Под его влиянием прошли все века, вплоть до конца девятнадцатого века. Реализм представляет правду жизни и служит народу.

Майор снова поймал её равнодушный взгляд.

– Ощущение такое, что наша культура произвела на тебя жалкое удручающее впечатление? – сделал он итог. – Прямо свергла в дроги.

“Шедевр! – между тем думала Парэин. – Любой провинциальный, даже знаменитый музей почел бы за гордость стать обладателем его”. – А в свою защиту сказала:

– Я всегда увлекалась искусством, сама двигала культуру – с детства участвовала в самодеятельности на подмостках Москвы.

– В коллекции не хватает одного экспоната, назовёшь какого, сделаю тебе поблажку.

– Какую?

– В обозримом времени ты не узнаешь, что такое карцер.

– А я не попаду туда!

Сукойро поднял на неё внимательные глаза “ой, не зарекайся, девка!”, но опровергать сегодня её утверждение он не хотел.

– Ну и какая логическая незавершённость?

Парэин увидела пустое яйцо и ей стало понятно.

– Не хватает инопланетян!

Майор давно задумывался, с кого снять копию, и тут сама мысль кольнула: конечно, с Лолы. Её он посчитал типичным представителем веземной цивилизации.

– Тебе придётся сегодня остаться, – коротко приказал он.

– Почему? Я итак задержалась больше десяти минут.

– Будешь позировать. Часа два от силы.

Ему не надо было искусственно драпировать модель, вообще не надо было ничего, просто усадить арестантку в чём она есть на краешек стула, чтобы создавалось напряжение в её позе.

Он приступил к лепке, что-то убрать, что-то добавить, лишь бы глина была податлива. Парэин сидела смиренно, и похоже было, что ей нравился этот процесс, а, возможно, она просто отдыхала от барака, воспользовавшись шансом.

– Лола, чтобы нам не было скучно, разрешаю рассказывать о себе.

Парэин всё поняла без подсказки, поэтому заученно сказала:

– Я готова отвечать на любые вопросы.

– Прекрасно, Лола, давай без дураков, зачем вы прилетели на Землю?

– Без обиняков?

– Ну, да.

– Я не покидала Землю ни на секунду.

– И вы думаете, мы в это поверим?

– Я ничего не думаю, – с трудом произнесла Парэин. – Я уверена.

– На что вы надеетесь?

Парэин молчала.

– Так, значит, ваш собственный мир вас не устраивает?

– Какой нормальный человек ответит на такой казуистический вопрос?

– Что вам в нем не нравится?

– Ну почему – не нравится?

– Конечно, Земля – воплощение всех желаний, путь к девственным лесам и океанам под чистыми небесами.

– Это ваша пустая фантазия!

– Ваш собственный мир вы рассматриваете как мусорную свалку, которую хотите перенести на Землю для захоронения своих отходов.

– А на Земле разве такой проблемы нет?

– К сожалению, есть.

– Конечно, это верх фобии – утилизировать всё в местах своего обитания! – съязвила Парэин.

Сукойро почувствовал, что его загнали в лужу.

– Соглашусь с тобой, Лола, что в этом мы не отличаемся от вас, нас достают всё те же проблемы.

– И что же придумали ваши горячие головы?

– Отправлять отходы на Проксиму Центавра.

Парэин чуть не задохнулась от возмущения, но ни один мускул у неё не дрогнул.

– А почему не на Луну?

– Она близко.

– На Юпитер?

– Он скоро пригодится нам своими запасами твёрдого газа.

– Тогда не задавайте глупых вопросов.

– Лола, скажи правду, ты хочешь изменить мир?

– Кто этого не хочет?

– Как ты это мыслишь?

– Ответить, как прогрессивный деятель?

– Вот-вот.

– На Земле непочатый край для ее будущего процветания! – почти отрапортовала Парэин.

– Нельзя ли без пафоса.

– Первым делом я бы осуществила полномасштабное... – Парэин призадумалась.

– Лола, спустись с Проксимы на землю.

– ...наступление по всем глобальным направлениям науки...

Сукойро поморщился.

– Говори попроще.

– ...во всех сферах жизнедеятельности.

Майор был не против, но сомневался.

– Подобное или почти подобное “осчастливливание” не раз стоило человечеству миллионы жизней от своих собственных просчётов и доморощенных просветителей, – возразил он.

– Впереди нас ждет существование, достойное человека! – твердо сказала Парэин.

– Мы поймали тебя на слове. Похвально, Лола, ты настоящая земная женщина – реальная и приземленная. Патриотка. Собирайся домой и марш к Виктору!

В ногах появилась слабость и Парэин чуть не упала на пол.

Майор нахмурился и спросил:

– Ты что, удивлена? Я, кажется, ясно сказал.

– А взамен что?

– Признание, и домой шасть!

– А если я не...

– У нас есть не менее полутора часов, в течение которых нас никто не хватится.

– Зачем?

– Разве ты не хочешь выйти на волю?

– Хочу.

– Виктор, как манящая звезда...

– Подстава?

– Никаких провокаций, – улыбнулся дознаватель. – Мы в самом деле крайне заинтересованы в сотрудничестве с Проксимой Центавра, и я могу вывести любую из вас из этого заведения и скатертью дорога.

Ей очень хотелось верить этому странному человеку. Он уловил взгляд.

– Лола, ты уезжай на свою историческую родину. Я тебе помогу и попутного солнечного ветра в спину!

Парэин взглянула на него, снова ощутив вспышку надежды. Но тут же всё поняла.

– Как? – удивилась она.

– Тогда приступим к существенным вопросам в отношении дальнейшего продвижения следствия.

Обман и нечистоплотность следователя стали очевидны.

– Лола, сколько проксимианцев вовлечено в ваш план?

– В какой наш?

– Ваших идейных вдохновителей и горе-руководителей.

– Каких наших?

– Подумай хорошенько. Сто тысяч? – Сукойро назвал цифру, а сам внимательно смотрел в глаза Лолы.

– Пятьсот тысяч? – он не увидел изменения в глазах.

– Это вместе с мужчинами?

– Не выкручивайся. – Инквизитор продолжал сверлить взглядом. – Или много нулей для тебя не играют роли?

Глаза Парэин не дрогнули.

– Плюс-минус, больше-меньше. Так сколько?

“Шельма ничем не выдает себя”. Дознаватель ехидно усмехнулся:

– Не будете ли вы любезны рассказать нам, сколько ваших смелых и отчаянных головорезов готовы или уже направляются последовать вашему примеру в завоевании нашего мира?

– Я абсолютно незаинтересованное лицо?

Во взгляде Парэин было нежелание говорить.

– Неужели ваша экспедиция находится вне понимания простого человека, такого как ты, Лола?

Кровь шумела в ушах Парэин, сквозь сжатые на глазах пальцы просачивались слезы отчаяния, в душе ее поднималась жгучая неудовлетворенность собой, что она ничего не может позволить себе лишнее в свое оправдание. Она не могла мечтать ни о чем другом, кроме того момента, когда прекратится допрос.

– Голова и грудь получились превосходно на первом же сеансе. – Сукойро был доволен своей работой. – Или глина попалась хорошая, или я – мастер не промах! Нижнюю часть я закончу без тебя на досуге.

Парэин еще не вошла в свой барак, а притворные слезы у нее уже высохли моментально.

ГЛАВА 32. Лола и Парэин

“Увы! Падение в пропасть ничтожества происходит просто и легко, и завершается до обидного быстро. Женщины дробят камни, гасят известку, месят раствор, таскают бревна, гатят дороги, укладывают рельсы. И все не хуже мужчин. Хуже всего комары и мошкара – целые полчища. Лезут в глаза, в уши, в рукава, за ворот. Не комары – волки”, – думала Лола, когда женщины медленно хлюпали через болото по гати из срубленных деревьев, внимательно следя, как бы не сделать неосторожный, последний шаг в сторону.

Весь день дул ветер и сеял чуть ли не ледяным дождем. Тучи низко ползли над лесом и только после полудня дали брешь солнцу.

Резко выделяясь на фоне занимающегося заката, ярко-бардовая полоса уже на темном небе под серыми облаками, открывала путь наступающему вечеру. Когда Лола возвращалась в барак, нервная реакция от усталости давала себя знать и искала выход. Два отряда встретились у самых ворот. Она увидела другую Лолу.

Парэин тоже подняла удивленные глаза и заметила пылающие щеки Лолы. Это была их новая встреча, чистая случайность по неосмотрительности надсмотрщиков. Она узнала ее, стройную девушку, с которой увиделась впервые на пороге в квартире Виктора. У нее был усталый вид, глаза приобрели безумный блеск, в потемневших волосах неряшливо болталась лента. Парэин хотела сжать ей руку, как старой знакомой, но Лола остервенело бросилась на нее и стала таскать за волосы.

– Это все вы, вы, басурманки, довели страну до последней черты!

– До ручки!.. До апокалипсиса!.. – Другая Лола вопила не меньше то же самое, схватила соперницу за волосы и они покатались по земле, перекрикивая друг друга.

– Я Виктора любила, мне больше никого не надо было!

– Врешь!

– А ты его использовать хотела!

– А ты как вампир, из него соки сосала!

– Ты тоже сосала, только у тебя ничего не вышло!

– Посмотрим, как ты теперь будешь прыгать!

– Посмотрим! Посмотрим!

– Только не вышло у тебя с ним!

– Ты с ним – ноль!

– Мотала бы к себе на Проксиму!

– А ты как только вернешься туда, сразу получишь по заслугам за своё поражение!

Поднявшийся в лагере шум привлек внимание Сукойро и ему пришлось вмешаться. Женщины билась в руках конвойных и пронзительно визжали. Потом Сукойро всматривался в блестящие волосы на склоненных затылках разведенных по разным сторонам, как боксеров, рыдающих женщин, на тонкие длинные шеи, сжатые до боли кулаки, заглядывал в огромные, с тревожным разрезом глаза. И его удивила в них не уходящая странная болезненная привлекательность, не утраченная в условиях лагеря и в этой драке не на жизнь, а на смерть. Впервые на ринге произошла ничья. Да и какой итог мог быть другим между абсолютно одинаковыми зеркальными женщинами?

Женщин бросили в разные карцеры. Так они познали на своей шкуре, что это такое.

Там было полутемно. Яркие быстро сменяющиеся мигающие лучи проникали через маленькие оконца, процеиваясь на дальней стенке и немного раздвигая темноту. Где-то монотонно капала вода.

Лола упала на нары и не могла уже притронуться к ужину из-за упадка сил. Единственным ее желанием было убить инопланетянку на месте, чтобы избавиться от нечисти. “Убью, убью эту гадину, эту стерву, только пусть еще раз попадетя мне!” – Всю ночь ее сотрясали рыдания.

“Убью! Я знаю, что ты Лола с Проксимы. Дьявольская моя копия. С таким же успехом она может показать на меня пальцем, что я не земная”. Лола кидалась на дверь, пытаясь вырваться на свободу.

Вторая Лола затратила на борьбу сил не меньше и также отказалась от вечерней пайки.

Она думала: “Прежде, чем меня убьет Лола, я её убью!” Но сразу отбросила мысль: “Фаркнеин не одобрит”.

Проведенная ночь прошла в обоюдных слезах и редких минутах сна. Каждой снилась ее смерть. Каждая задыхалась и растворялась в мыслях о мести, терялась в пустоте и все время думала: меня не будет, я умру, меня не будет никогда, я не хочу превратиться в ничто.

Звон!

Звон! Звон!

Звон! Звон! Звон!

Взять себя в руки. Только под утро эмоции были побеждены и женщины успокоились. “Ликвидация другой Лолы – это не выход из положения, – думала каждая Лола. – Убью ее, но как докажу, что я настоящая и кто меня оправдает. Как потом аргументировать, что ты не верблюд, как обосновать, кто поверит? Гарантия моей жизни, моей выживаемости в гарантии жизни другой Лолы”. И после того инцидента с дракой они больше не стремились затеять новую.

ГЛАВА 33. Виктор и Дима

В обед они заговорили о научных исследованиях. Опять с горячностью равнодушных. Сегодня Дима Рыжиков сидел за маленьким столиком на два человека, что стояли вдоль стены миниатюрного кафе на десять персон. Лоб его покрылся озабоченными морщинами, он корпел над мыслью, пытаясь сосредоточиться. Это значило, что он хочет поговорить наедине – была проблема, в которой соприкасались две или несколько смежных наук.

– Ну, – сказал Дима, – каким ходом идет твоя новая “эврика”?

– Это была проверка.

– Что-нибудь интересное появилось на горизонте?

– Кое-что, – сказал Виктор и принялся подробно убеждать в своем методе.

– Здорово, уникально, но, увы, не ты первый, не ты последний! – Дима Рыжиков насмешливо смотрел прямо в глаза.

Эти слова Виктора убивали.

– Когда? Кто из ученых? – злился он.

– Розенблум. Тебе это имя ничего не говорит?

– Год одна тысяча семьдесят восьмой, – Виктор начал вспоминать. – Но у Розенблума другое.

– Не спорь, было это во времена оны.

Прозвучало страшное слово “было” для любого уважающего себя ученого, ставящего его в унижительное положение пораженца или адепта по отношению к кумиру.

– Надо акцентироваться на Клейнмихеле. – Дима мельком упомянул о немце, солидном физике из Майнца. Он назвал это имя в связи с его докладом о теоретическом принципе установки, ускоряющей превращение плазм, проходящих критические точки.

– Ни в коем случае! – возразил Виктор.

– Я тоже слышал, что его обошел простой кандидат наук наш соотечественник Владимир Петров.

– Мне его идея очень показалась интересной, – сказал Виктор, – но не знаю, насколько она осуществима.

– Если хочешь знать, – Дима понизил голос, заметив, что за соседними столиками начинают обращать внимание на их перепалку, – мы действительно исследуем необъяснимые явления, а ты неразумен, ты рассуждаешь так, словно тебя корежит этическая сторона проблемы. У нас нет выхода – все методы хороши, если они вписываются в общее дело. Пойми, если не остановить сегодня осуществимость проекта нашего института, все пойдет к чертям. И к этике это не имеет никакого отношения. Весь вопрос в том, или они нас, или мы их.

В первый момент Виктор подумал, что Дима шутит, но смысл сказанного, произнесенного экспрессивным голосом, был слишком очевиден.

– Они – это ученые?

– Вот те раз! Пришельцы.

– Ты говоришь так, словно предстоит большая война.

– Да, потому что так и будет – большая драчка, гарантирую. Фантомы принесли в наш мир не любовь, как задумывали, а войну. Они полагали, что мы падкие на любовь. И просчитались. Но проблема не стала менее опасной, чем думают некоторые...

– А ты, что же, полагаешь иначе?

– Есть историческая истина.

Виктор никогда не задумывался о человеческих качествах Димы и видел в нем замечательного, способного исследователя и теперь его начало интересовало, что же на самом деле представляет собою этот человек. Он чувствовал, что Дима догадывается о его терзаниях и что они его забавляют.

– Женщина не опасна сама по себе, пока не привлекает к себе пристальное внимание мужчины. Она опасна вдвойне, если бросит на него взгляд, и втройне, если включит свой воспроизводящий механизм на полную катушку, а мощность этой бомбы общеизвестна. Так?

Виктор не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Значит, значит... ты предлагаешь...

– Да, застопорить, отключить, даже вывести этот механизм из строя.

– Это исключить женщину из половой сферы?

– Да.

– Каким образом?

Дима смотрел на Виктора и удивлялся его непониманию, его близорукости.

– Поголовная стерилизация и пришельцам крыть нечем. Первый шаг осуществлен – полная депортация. Дело за малым – медицинское вмешательство. Оставить только такую часть, которую проконтролировать легко. Ну, скажем, четыреста, пятьсот женщин. Но это какие женщины? Супер-пупер! Все как одна на подбор...

– В масштабах всей страны?

– А что?

Виктор не знал, что ответить, и даже не пытался. Дима ответил сам, с увлечением шаг за шагом развивая свою мысль с той легкостью, какую придает человеку уверенность в абсолютной власти над собой и своими оппонентами.

– Стерилизация – это тот же карантин, нераспространение заразы вширь и в глубину. Вспомни, как боролись с коровьим бешенством или птичьим гриппом! Бесконтактный способ оказался самым лучшим оружием.

– А как же продолжение рода, последствия стерилизации мы ощутим на следующий день?

Дима как-то кисло усмехнулся:

– Я ненавижу всё, что символизирует собой женщина. Сказать по правде, мне стыдно за правительство, почему там до сих пор не чешутся. Гнать его надо в шею.

Виктор глядел на Диму, и его усталый взгляд заволакивала рассеянность.

– Ты пропустил какой-то важный член уравнения.

– А ты все веришь прекрасноречно, что фантомы вернут нам мир?

– А если фантомы невосприимчивы к стерилизации, то пострадают в первую очередь наши женщины. Может, проксимианцы только ждут момента, когда мы за это примемся?

– Ты в плену иллюзий. Запомни, они первыми напали на нас. И разве ковровая бомбардировка по ним не несет для нас что-то положительное?

– Тело без души, наука без морали, медицина без клятвы Гиппократова, человек без предрассудков, – бормотал Виктор. – У тебя табу на главные понятия, ты режешь по живому.

– Ты меня не слушаешь, – сказал Дима, – тебе неинтересно. Запомни, рационализм освобождает совесть от многих табу.

– Что ты, продолжай свой бзик, очень даже интересно. Во имя святости дела можно оправдать любое преступление, только после этого ты мне не друг.

– Но?..

Внезапно Виктора обуяла дикая злость.

– Побойся Бога. Ты разработал некую теорию светропоставления, поражающую всякого здравомыслящего человека своим глумлением над человечеством, ты стал циником, Дима, ты безумец, возвращающий средневековье с кострами. Тогда тоже витала идея избавиться от ведьм, если предварительно избавиться от всех женщин. И уничтожающая машина заработала во всю свою мощь. Не осознание ли бесперспективности, не вынужденный ли довод благоразумия позволил святой инквизиции, в конце концов, остановиться и перевести дух? – сказал Виктор угрожающе-спокойным голосом. – Если ты пойдешь к Лисичкину со своим сумасбродным проектом... если ты позволишь себе такую чудовищную выходку, я убью тебя! Ты знаешь, что я говорю совершенно серьезно.

У Димы наступило такое ощущение, словно его с ног до головы опутало что-то грязное, и ему хотелось хорошенько отряхнуться. И он парировал, сказав:

– Скажи, группы по идентификации женщин нужны?

– Нужны, – вяло согласился Виктор.

– А для чего нужны?

– Для обкатки методик.

– То-то же! Смотри, в первого, в кого бросят камни, будешь ты сам.

Виктор пожал сутулыми плечами и пошел к двери. Он ощущал какой-то дурман в голове.

ГЛАВА 34. Виктор

Человек настолько двойственен, что Виктор пугался одной только мысли о двух Лолах, за одну из которых его когда-нибудь не поглядят по головке. Рано или поздно он за них ответит и Виктор ждал в постоянном страхе, что за ним ночью придут – не могут не прийти.

Виктор получил повестку и не обрадовался.

Движение людского потока по Лубянской площади было широко и величаво, как в лучшие годы.

Полковник усадил гостя и предложил сигареты, подвинув через стол пепельницу.

– Курите.

– Спасибо. Не курю, – отказался Виктор. Сигарета в пальцах полковника быстро перекочевала в рот.

– Виктор Андреевич, каждая минута промедления стоит нам больше, чем свободы. Каждая минута забирает контроль над собой, скоро мы узнаем, что принадлежим кому угодно, только не самим себе. Они пришли оттуда. Они пришельцы. А пришельцам нет дела до наших земных проблем. У них свои, веские, более масштабные. И одна, но поглощающая страсть... Наша страна похожа на гигантский конденсатор: на одной обкладке собрались мужчины, на другой – женщины. Взрывоопасная ситуация. Чем такая полюсность чревата, не вам говорить – ученому.

– Если в конденсаторе, то возможен пробой, а если между женщинами и мужчинами, то совет да любовь.

– Не ёрничайте, это серьезно. Они всё больше и больше пропитываются сознанием своего могущества. Они бросают нам кость... это их вызов.

– Боюсь, я не поспеваю за ходом ваших рассуждений.

– Поймете, когда проникнитесь всей важностью момента, всей опасностью, исходящей от них.

– А вы уверены, что они настроены враждебно к нам? Пока я вижу, что для них это естественно быть самими собой.

– А если реакция замещения, как в химии, сегодня на женщин, а завтра на мужчин и детей...

– Похоже, всего лишь высокий уровень существования.

– Неизученный биологический объект до такой степени способен стать врагом, что иной раз в это просто невозможно поверить, не то чтобы предсказать.

– Вопрос ребром, пришельцемания?

– Если бы.

– Я подозреваю об истинных размерах опасности, но я бы не слишком уповал на страхи.

– Мимикрия их под нас, людей, неподражаема, а изменение своей внешности настолько убедительно, что и стоя с ними рядом заметить подделку невозможно. Отсюда вопрос вам – ученым: насколько это утверждение соответствует действительности?

– У нас пока нет комментариев. Отпечатки пальцев, строение, антропометрия черепа и скелета, анализы на ДНК – ничего существенного не дают.

– Скажите, из своих ощущений, они есть в чем-то разные ваши обе Лолы? – продолжил опрос полковник.

– В чем конкретно – не заметил, только уж очень похожие.

– В зеркальном отношении?

– Возможно, в симметричном. Как сказать, особо не присматривался, но сейчас, прокрутив плёнку назад, я был этим введён в заблуждение.

– Чем, как не похожестью?

– Да.

– Подробнее можно?

– Я точно удостоверюсь, что они идентичны во всём, – уверенно сказал Виктор.

– В сексуальном отношении тоже?

– Тоже, – немного повспоминав, признался Виктор – безмятежная картинка в День России стояла перед глазами как живая.

– Как и все, в общем-то, женщины? Подумайте. Здесь не должно быть места случайным выводам.

– Это точно.

– До сих пор мы подвергали сомнению, что в мире может существовать два и более идентичных предметов. А теперь, что же?... Как понимать такое, что фантомы находят близнецов на Земле, их инстинктивное стремление влиться в семью близнеца, к чужому мужу, к чужим детям. Отсюда нелепые ситуации, очаги напряженности. Мы не можем разобраться с собственными женами, не то, что с чужими.

– Наш мир – одно, а существует еще Вселенная. Подтвердить или опровергнуть такую массу вопросов не представляется возможным, мы встретились с фактом ограниченности нашего познания – у нас суждения основаны не дальше нашего человеческого уровня восприятия.

– Виктор Андреевич, еще раз спрашиваю, вы не ошиблись относительно их?

– Я думаю, это проявление возможных признаков параллельного мира.

– Есть подтверждающие теории? – уцепился за новое развитие разговора полковник.

– Человечество заметило тягу близнецов к симметрии, в других случаях к зеркальному отображению самих себя даже в поступках, например, когда они одновременно женились или умирали, не говоря о том, что когда-то одновременно родились, и назвало это явление – двойничество.

Полковник приподнял папку и открыл ее.

– К нам прибывают сводки и с научного фронта, которые говорят, что даже беременность у фантомов развивается такая же земная без отклонений и аномалий в соответствии с графиком предродового и родового периода.

– Ну и что из того, что у них оплодотворенное яйцо проходит все стадии внутриутробного развития. Это ничего не значит, – заметил Виктор.

– Что, ничего не значит?

– Двойникование во всем, даже в родах. Иначе будет не двойникование.

– Трудно сказать, почему природа производит дублей, не менее забавных в подобии, чем оригинал. И кто оригинал из них – надо разобраться.

– Природа этим реализует все свои возможности. С одной стороны, явление фантастическое, неразрешимое, с другой, возможно, – ее норма.

– Внешнее подобие, затем дублирование, затем копирование, и пошли-поехали на генном уровне. Так? – испугался гэбешник.

– В принципе, этого нельзя отрицать.

– Они могут скопировать любого из нас?

– Второй волной, третьей, четвертой... Потом смыть и от нас ничего не останется – даже следа.

– Да!?

– Мы многого не знаем.

– Вы – ученые, скажите, как можно скопировать вот ваш микроскоп?

– Это, как ни странно, просто. Упорядоченный набор молекул. По некоему копиру, который у них есть на все случаи жизни. Следовательно, любой оригинал одновременно является копиром.

– Помню, Виктор Андреевич, еще старая теория говорила, если исходить из наличия бесконечного множества звезд в нашей Вселенной, то, вероятно, условия, существующие в нашей Солнечной системе, где-нибудь повторяются или воспроизводятся. Следовательно, и формы жизни могут повторяться.

– Можно понимать и так.

– Как же получилось, что вы, ученые, на каком-то этапе потеряли научную, как бы сказать, бдительность, и не предвосхитили, не спрогнозировали направление событий, ненормальных для страны?

– Ученые делают все, что могут, а не то, что от них одномоментно хотят.

– Я не принимаю науку, но народ ждет от нее большего.

– У нас и так все исследования на сегодня завязаны только с фантомами.

– Вы можете сказать о таких индивидуальных деталях, например, какие у вашего фантома были глаза?

Виктора всегда раздражало, когда чужие женщины лестили ему, что у него красивые глаза. Только не от Лолы, от нее это было приятно слышать. Он часто смотрел в зеркало на себя и не мог понять даже цвета своих глаз, не то чтобы чужих. Какие они на самом деле. А какие у нее? С плавающим размытым цветом глаз от такого и до такого-то оттенка. Какого? Даже это было трудно сказать. Писатели врут, придавая своим героям точный цвет глаз.

Виктор задумался.

– Немножко серые, немножко зеленые, немножко голубые, немножко карминовые, немножко...

– Отдаленно или близко?

– Просто красивые.

– Хватит лукавить, превознося женщин. Они того, бывает, не стоят. А губы?

Кроме того, что они были в прикосновениях податливым веществом и терялись в матрице его губ, Виктор тоже не мог больше добавить.

– Обычные, завлекательные, теплые, влажные, терпкие.

– Ну вот! И вы льете воду на их мельницу! Как относиться к фантомам после таких лестных эпитетов: с омерзением, со страхом, с брезгливостью? Змеи и тараканы вызывают инстинктивный страх, отвращение. Но эти в человеческом обличье. Почему вдруг, применительно к фантомам, паук в человеческом обличье будет казаться нам очень даже симпатичным, и мы начнем его любить?

– Есть много объяснений на этот счет, вряд ли устраивающих нас, как людей.

– Они перевёртыши?

– Они те же люди, но с другой планеты.

– Хорошо. Глаза и губы можно подделать, а голос?

– Голос?

– Он настолько индивидуален. Его тембр... модуляции... диссонансы... Как Лолы разговаривали?

– Вы знаете, я не ощутил разницы.

– Этого следовало было ожидать. И все-таки, вспомните. Хоть что-нибудь...

– Характерные проявления?

– Ну, да.

– К сожалению, никаких.

Гэбешник покачал головой.

– Я мало, простите, что вынес из нашего разговора, а из ваших объяснений понял одно, что наука пока не убедила никого в том, что начатые и уже законченные исследования приведут к решению проблемы. Я – реалист, считаю: в данный момент разумнее не философствовать, а действовать. И вообще, что считать приоритетнее? Возможно, зря тратятся столько средств на неизвестно какие исследования, может лучше построить для женщин современный образцовый концлагерь, скажем, на сто тысяч мест по последнему слову науки и техники?

Виктор возмутился:

– Это очередное безумие!

– А что Проксимы любят кушать?

– Их урожаи состоят из фруктинов и овощемлинов, отсюда и особые пристрастия в питании, – грустно отмахнулся от вопроса Виктор.

– Пожалуйста, отвечайте без выкрутасов, Виктор Андреевич, – жестко заметил полковник. – Продолжим разговор. Пришельцы нам в подарок реакцию замещения, а мы им реакцию нейтрализации не можем противопоставить. Хочу спросить, с кем вы – господа учёные? Это благодаря неудачным исследованиям ученых, не увидевших за последующим развитием событий, связанных с прибытием на Землю этих существ, нечто, составляющее основу их распознавания. Почему не сумели, не смогли, не настроились найти явные признаки?

Виктор сделал экскурс о проделанной работе, обойдя стороной только засекреченные исследования.

– Значит, они все же подпадают под какую-то классификацию? – сделал презрительное лицо гэбешник.

– Они не поддаются никакой классификации.

– Какой, по вашему мнению, уровень интеллекта у них?

– Такой же, как у нас, ни больше ни меньше.

– Значит, пока не выяснили?

– Отличаться от нас им не резон.

– Вы считаете их полноценными представителями расы человеческой, если ставите на одну доску с нами?

– Нет оснований думать иначе.

– Но как можно ставить знак равенства между столь отдаленными понятиями: фантомы и люди?

– Гипотетический вопрос.

– Можно ли говорить об иной форме жизни, ином биологическом виде, если они похожи на нас?

– Снова гипотетический вопрос.

– Считаете ли вы, как специалист, что интеллектуальный потенциал данной формы жизни достаточно высок, чтобы они победили и поработили человечество, если бы они этого захотели?

– Пока данные об их агрессивности не подтверждаются.

– И все же, не правда ли, даже мирные действия пришельцев невозможно рассматривать иначе, как враждебные роду человеческому? Меня просто не покидает эта мысль.

– К сожалению, кроме подозрительности, мы ничего противопоставить сегодня не можем.

Виктор нутром чувствовал, что неспроста его вызвали в КГБ, его – мелкую сошку, когда есть академики. Он терялся в сомнениях, и эта минута пришла с вопросом полковника:

– При каких обстоятельствах вы впервые познакомились с фантомом, в частности, вашей жены Лолы?

На такой вопрос, очевидно, можно было бы не отвечать: весь мир знал эти “обстоятельства”. О них толковали вкряк и вкось, кому привелось столкнуться, сопровождая рассказы всяческими прикрасами: с подробностями, с вымыслом, с приукрашиваниями.

Виктор растерялся.

– С ними что-нибудь случилось? – спросил он.

– Нет, ничего.

– Они живы?

– Более того, источники проблем и недоразумений.

– Лола всегда была умница и...

– Я спрашиваю конкретно о ваших двух женах.

– У меня одна жена.

– А как же вторая?

– Насколько мне известно, никого еще не обвинили за это.

– Хотите сказать, этот факт не вступает в противоречие с правом на брак?

Виктор не знал, что ответить.

– Аморальное поведение? Чего нет – того нет.

– Но второй брак уже реальность, а закон о браке и семье – один, основополагающий, не предусматривающий такие ситуации.

– Об этом рано говорить.

– К сожалению, в самый раз.

– Почему?

– По нашим сведениям, они обе беременны. Поздравляю! Получается, от вас – сроки совпадают.

Виктор смотрел на полковника в полном недоумении. От поздравления веяло сарказмом. Но радость, смешанная с чувством удовлетворения, чрезмерной привязанности к женщинам, бремени отца будущего семейства, уже подпирала его.

– Это правда?

– Наши источники информации не вызывают сомнений.

“Отец семейства! Но позволят ли им рожать?” Некоторым усилием воли Виктор заставил себя отказаться от попытки тревожиться.

Полковник заметил, какие произвел он чувства в Викторе.

– Я понимаю, – сказал он, – что вы этого не знали, но, тем не менее, мне хотелось бы услышать от вас, что заставляет молодого человека, такого как вы, выбрать именно исследовательскую работу в науке, а не, скажем, службу в госбезопасности. У вас бы неплохо получилось.

– Мне никогда и в голову не приходило искать другую профессию. Да и чем, в конце концов, можно еще заниматься, как не наукой?

Гэбешник прощался с разочарованным от разговора видом.

– Вы поняли, Виктор Андреевич, на чем мы остановились? Если будут новые обстоятельства, обязательно позвоните. Вот наш телефон.

ГЛАВА 35. Парэин и Фаркнеин

Парэин шагнула к окну и открыла его. Дохнуло свежестью, запахом опавшей листвы. За окном прошла ночь, но небо было еще в ярких россыпях звезд, пропадающих гроздьями прямо на глазах. Осеннее последнее курлыканье улетающих на юг журавлей могло раздаться в любую минуту.

Фаркнеин поднял на Парэин свой глубокий взгляд, требующий от нее предельной ясности, взгляд, от которого она всегда робела.

– Настал час активизации наших усилий, а не торжественных речей! – сразу же накинулся на Парэин адмирал.

Деловой тон адмирала разозлил ее.

“Все не так просто. Вас бы на моё место”, – хотела сказать Парэин, вспомнив свое бедственное положение на участии арестантки и заложницы, но грустно согласилась.

– Это будет звёздный час нашей эпохи.

– Ты не устала вести двуличную эфемерную жизнь и не страдаешь ли никчёмным квазидвоумислием? – Это было сказано резким, почти угрожающим тоном.

– Что это значит?

– Нельзя держаться разом двух противоположных убеждений. Вывод такой: для нас ты одна, для них другая.

– Это не имеет значения.

– Это даже очень имеет значение.

– Я между двух огней.

– Чем сложнее задача, тем весомее твой вклад.

– Что еще требуется от меня?

– Ты отдаешь себе отчет в своих действиях?

– Что вы под этим подразумеваете? – Парэин печально вздохнула.

– Хочу знать, что ты предлагаешь для обеспечения эффективности экспедиции?

Все эти вопросы Парэин вынесла для себя на будущее.

– Дайте мне время, – попросила она.

Фаркнеин смягчился:

– Сердце каждого честного проксимианца радостно всколыхнется, когда он узнает, что высшая цель достигнута, что наши славные женщины играют не последнюю роль в той высокой технологии, в которой они доверили участвовать вам.

– Да, конечно.

– Береги себя.

Ее горящие глаза в последний раз встретились с холодными глазами адмирала.

ГЛАВА 36. Сукойро

Жизнь в колонии не отклонилась от железного распорядка, хотя отведённый барак для проксим до сих пор пустовал, и там устроили кинозал с большим телевизором. На пустыре перед бараками появилась спортплощадка, где женщины качали силу на турнике, и рядом играли в баскетбол на два кольца, разделившись на проксим и землянок. Рубка была невероятная, и проигрывали всегда проксимы, потому что судья провозглашал победу не важно какой команды, но как землянок. “Надоело повторять, – говорил он, – но наши женщины опять показали чудеса мастерства. Наши женщины – самые лучшие женщины в обозримом космосе!” Лола играла против Лолы, и если бы не отличия в спортивной форме, судьи бы совсем запутались из каких они барачков. В праздники устраивали так называемый, “Ринг за колючей проволокой”. Очень популярен был пауэрлифтинг и армрестлинг, и жимы Лол на руках приводили при яростной поддержке болельщиц каждый раз к ничьей, что говорило о равенстве двух цивилизаций: земной и проксимианской.

Суббота была отведена на посещение каждым отрядом бани с горячей водой – заслуга следователя Сукойро.

Теперь только воскресенье отводилось для допросов, поэтому по ажиотажу, по значимости, по насыщенности этот день считался выше субботы – банного дня и назывался Днем допросов с большой буквы. Женщин в этот день не выводили на работы, они ждали вызова к следователю. Ожидание превращалось в томление, и все настраивались на трудный экзамен. Выходящую с допроса обступали и спрашивали, какие вопросы задавались, так что следователю приходилось постоянно менять темы, тактику и направление, чтобы сбить заключенных с толку.

“Сегодня вы у меня по-другому заворкуете, голубки!” – злорадно подумал майор, сунул руку в нагрудный карман и замер: карман был пуст...

Растерянность продолжалась считанные секунды. Сукойро мгновенно “прокрутил” в памяти минувший день с той минуты, как он утром, одеваясь, вложил документы в нагрудный карман мундира и застегнул пуговицы; они не могли никуда деться, но факт оставался фактом – удостоверения исчезли. Сукойро обвел взглядом кабинет и неожиданно для себя громко расхохотался:

– Телекинез? Значит признаки фантомов налицо! Живы звездные курилки!

Но тут же осекся, вспомнив, что с утра в кабинете давали показания таборные цыганки. Вот уж с кем пришлось повозиться!

ГЛАВА 37. Сукойро и Парэин

Парэин не вышла на биосвязь. Это было связано с новым вызовом на допрос.

Поздняя осень в самом деле была великолепна. Пряный аромат последних увядающих листьев ощущался на воздухе острее, особенно на фоне плохо проветриваемого запаха в бараке, словно многократно усиленный знобящим холодком приближающейся зимы.

Зазвучала громче музыка, мрачно величественная и торжествующе скорбная.

– Присаживайтесь, – Сукойро кивнул на стул, – в ногах правды нет.

Парэин с величавым видом смотрела на него. Если не брать во внимание усталость, постоянную нацеленность на поиск врагов – у него правильное лицо (даже чересчур правильное для мужчины), средней длины блестящие волосы, свободно скрещённые руки, неопущенные глаза делали его похожим на статую какого-нибудь американского президента.

– Не желаете кофе? – Сукойро был вся услужливость. – Брамс.

– Бетховен, – поправила Парэин.

– Правда? А я думал “Реквием”.

– “Божественная симфония”.

– Тем более. – Сукойро испытующе взгляделся в ее лицо.

Некоторое время Парэин молча наблюдала, как майор достает из шкафчика кофеварку, чашечки, банку с кофе.

– Вам кофе черный или с молоком?

– Благодарю вас, черный.

– Вот и прекрасно, Лола. Мы, кажется, нашли общий язык. Куда прикажете сахар класть?

Парэин глазами показала на полную чашку.

На лице следователя наметилась вымученная улыбка.

– Хорошо. Для начала изложите ваши условия, мы их рассмотрим и перейдем к делу.

– Какие условия, и какие дела?

– Какие, какие? Будто не знаете? – Это было произнесено резко, почти угрожающе. Но тут же Сукойро остановил себя: не переигрывает ли он в допросе, не кажется ли он женщине слишком суровым. На лице майора снова появилось мягкое выражение.

– Признайтесь, Лола, вы разыгрываете меня?

– С какой стати мне вас разыгрывать?

– Значит, история с пришельцами – сплошной блеф, сказочка для обывателя? А чтобы выглядела убедительнее, подняли на уши всю страну? Авиация, бронетанковые подразделения, внутренние войска прощупывают каждый дюйм территории, ищут повсюду: на земле, в воздухе, на море. А как же тогда понимать наличие двух Лол? В районном загсе зафиксировано рождение одной Лолы. Книга врет? Как тебе нравится, что у тебя появилась ни с того ни с сего сестрица? Точно аист принес! Единоутробная?

– Не знаю. Совпадение.

– Поговорим серьезно, Лола. Вы действительно не находите ничего странного во всей этой истории?

– Ну, знаете...

– Показания очевидцев – все это фикция?

Парэин молчала.

– Тогда я поздравляю вас, Лола. Инцидент на территории лагеря. Во время ЧП вы прекрасно разыграли роль ненавидящей сестры. Только вот вопрос, с какой целью и перед кем вы ее инсценировали?

– Не догадываюсь, о чем вы?

– Так-таки, нет?

– Нет.

– Я был о вас приятного мнения, одна из лучших педагогов в Москве, характеристики – тоже одна краше другой. Неужели не пойдете нам навстречу – не расскажете все что знаете? Только вспомните. Не может быть, чтобы от женской цепкой памяти ускользнули какие-нибудь подробности.

– Мне нечего вам сообщить.

– За что вы били Лолу?

В кабинете повисла густая, напряженная тишина.

– Она сама начала первой. Я ее не била.

Огонек зажигалки высветил глубокие провалы в глазницах следователя, впалые щеки под небритостью, резко очерченный подбородок.

– Не поделили Виктора?

– Вот еще! – возмутилась девушка.

– Как же вы покусились на Виктора, на женатого не на вас мужчину? У нас на Земле это считается из ряда вон плохим поступком.

– Он женат на мне, есть свидетельство о браке.

– Одно на двоих?

– Все документы хранились у мужа.

– Он доказывает, что у него одна жена.

– Та Лола – аферистка! Проверьте, и вам все станет ясно.

– Каким таким образом?

– Вам лучше знать! По вашим каналам.

– Так... – Сукойро жадно затянулся и медленно выпустил дым. Курил пространно, не различая вкуса. Он вдруг ощутил огромное, ни с чем не сравнимое падение сил. “Пропади все пропадом, – подумал он с тупым безразличием. – В конце концов, я всего лишь простой исполнитель...”

– Так вы уверены, что все обстоит именно так?

– Не знаю, чего вы хотите?

– У вас не возникает никаких сомнений?

Парэин задумалась.

– Сомнений? Каких?

– Только что перед вами у меня была другая Лола.

– Ну и что?

– Она многое рассказала.

– Любопытно, и что?

– Настаивает, что она настоящая Лола, привела неопровержимые доказательства. – Дознаватель для наглядности потряс папкой.

– Вот как? И что же она могла такое сказать?

– Уверяет, что ты пришелец.

– В каком смысле?

– В прямом.

– Неужели вы всерьез допускаете, что она права?

– Сомнений не остается на этот счет.

– Вранье все это! Я же вам человеческим языком объясняю: нет и нет.

Часы пробили полночь.

– Возвращайтесь в барак, Лола, – Сукойро от изнеможения откинулся в кресле.

ГЛАВА 38. Виктор

У Виктора на столе накопилась периодика за неделю, и он обобщал новые публикации, вспоминая старые.

Людей не стало меньше на улицах, но то были одни мужчины. Проблема фантомов видимо принимала все более тревожные очертания и картина для Виктора вырисовывалась довольно ужасная. Сообщения в утренних и вечерних новостях перемешаны, как сплошной винегрет горести и страха – все это, как и раньше, выпячивалось в гиперболических размерах и сочетаниях, расплывалось и складывалось в очередные мрачно-черные оттенки.

“Проксимианские бандиты, которые пытаются навязать свою волю массе землян...” – пестрели передовицы.

Если женщин называть бандитами? Виктор криво усмехнулся про бандформирования, якобы, действующие по всей стране, отложил газеты в сторону и перебрался в кресло. Сейчас все кинулись решать эту проблему, кто быстрее: наука, журналистика, служба безопасности. Кто сможет опередить других на полгруды, чтобы раздобыть новые сведения? Виктор чувствовал сильную слабость, но в душе его нарастало возмущение. Он попытался в очередной раз разобраться в сложившейся ситуации.

От первых сообщений о загадочном нападении на Землю с их “Ненормальная обстановка...”, “Принято решение...”, “Не поддаваться панике...”, “Ждите второй волны...”, средства массовой информации перешли на: “Война с инопланетной расой – это война психологическая; средства поражения не играют тут главной роли, фантомы слишком живучи, чтобы просто так уйти со сцены...”

Последние статьи были более сдержанны с явной симпатией к фантомам: “Угрожают ли человечеству пришельцы с Проксимы Центавра”, в которых трусливыми и продажными авторами, идущими на поводу существующего и точно вездесущего межгалактического пропроксимиализма, уже смягчалось их появление на Земле.

В противовес бытующему мнению, распространяемому в средствах массовой информации, что женщины гибнут массами, в ответ появились статьи поборников прав проксим, доказывающие прекратить их геноцид, забывая о том, что существует планомерный неприкрытый геноцид земных женщин.

Виктор стал читать медленнее: “...нужно тщательно анализировать все разговоры, поступки, характеры фантомов. Если в них сохраняются логико-грамматическая структура и та же система ассоциаций, присущие земным женщинам, то фантомизм в целом следует поставить под сомнение”.

“Это уж точно, – подумал он, вспомнив Лол и не найдя в них существенной разницы, – только резкое отличие докажет, что фантомизм возможен!”

ГЛАВА 39. Виктор

В просторной квартире Виктора все дышало старомодным дореволюционным уютом. Относительным – какой уют без Лолы. Окна смотрели на Москву-реку. Гипсовые лепные гирлянды украшали верхотуру стен и выходили на благородные потолки. Вот мебель была скромная, не дворянская, не из черного дуба.

Виктор ещё лежал в постели, глядя перед собой и вверх, и не хотел высвободиться из неё. Сегодня он выспался хорошо, а сон был прекрасен: в его коммуналку пришла девушка. Как-то легко завязался разговор. Жильцы коммунальной квартиры слышали их разговор и одобрительно переглядывались между собой. Наконец, парочка удалилась на отдых. До самого утра Виктор думал: “Ещё успею”, и так и не притронулся к ней. Дальше было ещё интереснее: они должны были встретиться вечером, но девушка не пришла. Виктор ходил по коммуналке убитый и спрашивал жильцов: “Вы были очевидцами, всё видели и слышали, и девушку тоже, и знаете её телефон, так дайте”. Он стоял на коленях и умолял. “Знаем, – охотно ему отвечали. – Если найдём, так сразу скажем тебе, нам скрывать нечего, а девушка – блеск!” И тут он проснулся.

Но сон был вещий.

Объявили право на переписку и Виктор, воспрянув духом, стал регулярно получать два письма в неделю от Лол. Какое из них было настоящее – он терялся. Каждая Лола подписывалась Лолой, клялась в веземной любви к нему и отчаянно просила немедленно забрать домой. Письма он аккуратно складывал в общую стопку, неспособный разобраться в тонкостях авторства женщин с их неординарной душевной организацией, хотя для него образ мыслей любой из Лол был одинаков, почерк и лексика неотличимы тоже – все чисто женское.

В стране возвращалась некая успокоенность, даже жизнерадостность, заступая место тягостного комплекса ожидания на вокзале, царившего так долго.

Из писем Виктор узнавал, что и та и другая Лола, настоящая и с Проксимы Центавра, работают по обработке древесины на дальней делянке, а где находятся, куда увезли, что с ними будет дальше, они не знают, только климат в том краю суровый – резко-континентальный и, судя по полному отсутствию гражданских лиц, живут в расположении какой-то воинской части. А чтобы не беспокоился, сообщали: телогрейку и валенки выдают регулярно, с едой тоже все в порядке – насчет селедки ограничений не было, а картошки ешь сколько хочешь: на завтрак, на обед, на ужин.

Настроение у Виктора от писем поднималось, и в такие минуты он видел Лол: глаза их светятся трудовым энтузиазмом, на нежных девичьих щеках играет яркий румянец от морозного декабрьского воздуха.

ГЛАВА 40. Виктор и Дима

Дни в работе были предельно загружены и продуктивны, хотя не так как хотелось бы. Как только началась и даже закипела настоящая работа, Виктор воспрянул духом – он убедился, что вполне справляется с конкретным заданием. Некоторые направления были довольно удачны, другие – приемлемы, остальные – просто, как в

любой работе, бездарны, беспомощны и не вписывались ни в какие ворота, зато стена сомнений и неуверенности была, наконец, сломана.

На вахте Виктор получил три ключа: один от входной двери лаборатории, другой от сейфа и третий от склада.

Ключ легко повернулся в замке. Теперь вся лаборатория принадлежала ему. Второй ключ – от сейфа, там содержались редкие инициаторы: две стеклянные банки розового и желтого цвета, и одна – металлическая переключатели на стол.

Ура! Ему разрешили продолжить исследования свойств плазм, но подчинить их применительно к клеточному уровню жизнедеятельности фантомов, и, следовательно, надо выжать из темы все, что возможно.

Дима гулко проковылял в пустом коридоре, заглянул в дверь к Виктору и скрылся в своей лаборатории. Через час Виктор снова почувствовал его взгляд.

– Классно сработано, – как ни в чем не бывало, словно размолвки не было совсем, сказал Дима, – ты отличный ученый. За усидчивостью тебе нет равных. Главное, не увязать в бесконечном количестве нерешенных деталей. Правда, я помню, что касается применения сварки...

– Я и не говорил, что хорошо варю, – перебил Виктор.

– Да, брось ты скромничать.

– А ты над чем работаешь?

Дима сунул Виктору листы отчета.

– Тебе как другу скажу по секрету. Операция под названием “Углекислота” для беременных женщин. Все фантомы понесли от мужчин...

– От кого бы еще! Знаешь, о чем я думаю? Наверное, ты заразился нацистской идеей, будто женщины благодатный материал для экспериментов... будто с женщинами можно себе позволить всё.

– Может, так оно и есть, – буркнул Дима. – Мы действительно исследуем необъяснимые явления.

– Только зачем? – спросил Виктор.

– Веры в полезность в тебе нет, – вздохнул Дима. – Ты полностью утратил доверие в себя, точно? Ну и зря. Я-то знаю, на что ты способен.

Виктор пробежался глазами по результатам.

– Я поразмыслил над твоей идеей об уровне углекислоты в разных состояниях живых организмов, и она мне понравилась, но моя тема лучше, – сказал он.

ГЛАВА 41. Лола

Снег лежал ровно, плотным слоем покрыв лагерь. Зима напоминала о себе все сильнее и в жизни Лолы наступила отчаянная полоса.

Ей казалось, что в этом мире всё постоянно и ничего не находится в состоянии изменения. Кроме работы на делянке, ее мир замкнулся на передвижении от барака до комендатуры в дни допросов, но помогали баня и спорт. Как и всякая женщина, она забывала, когда ей идти на допрос и тогда ее препровождали конвоиры, но как всякая женщина не забыла, что у нее сегодня день рождения, и что текущий день рождения важнее, чем все предыдущие вместе взятые.

Двадцать пять лет. Серебряный юбилей. Это день первых подведений итогов. Не школьных, не институтских, а в последнем приближении. Лола не могла не вспомнить, не пропустить тот волнующий момент, когда круг интересов ее расширился и включил в себя помимо музыки и стихов еще и... мужчин. Это не был чистой воды зевок, просмотр шахматной фигуры в простейшей ситуации. И не слишком пренебрежительная потеря бдительности, чтобы списать на неопытность с претензией к своей провоцирующей мужчин симпатичности. Просто она не прошла мимо всего, что называется назначенного природой: годы поворачивают людей на иное развитие событий и возраст меняет их в лучшую сторону.

Двадцать пять лет.

Лоле нечего было скрывать от себя и стыдиться. И на этот раз она была права. Есть что-то магическое в каждом возрасте. Долгие годы Лола смеялась, иронизировала над женщинами старше двадцати, но теперь с этим покончено не только потому, что ей самой исполнилось 25 – цифра в красивой целлофановой упаковке, а потому что почувствовала, что она глубоко замужня, абсолютно верующая в семейные ценности женщина; что она не рядовой член семьи, отношения которого находятся во взвешенном положении; что питает особую привязанность к Виктору и желает иметь детей от него, чем больше продлевалось ее содержание в лагере, тем больше она хотела их от него. И еще она отдает дань признательности любви и природе, приложивших усилия к этому.

Творилось что-то жуткое с Лолой, которая ранее никогда не улыбалась, только всегда хмурилась. Именно сегодня в день рождения от нее тоже никто не дождался улыбки.

От одиночества.

Вечная ссылка. Кара. Наказание без преступления. Тюрьма без приговора. Приговор без доказательств. Доказательства без улики. Этот ряд можно было продолжить бесконечно.

День за днем мрачная, траурная ночь, прерываемая одиночными выстрелами и всполохами осветительных ракет. Канада без эха. Пустота с продолжением.

Лишь одно она воспринимала с каждым днем все сильнее – своё бедственное положение. Последнее, что у нее оставалось светлое – продолжение себя в чем-то бесконечном.

Каким образом?

Всякая задача имеет решение. А разве родить не есть тот единственный вариант спасения от одиночества?

Лола встрепенулась – есть выбор! Это хорошо, это жизнь, и Виктор просто молодец! Значит, она сама имеет достаточно резервов, значит, она сама должна стать инструментом своего спасения.

ГЛАВА 42. Виктор

Он зашел в супермаркет, где лишь половина магазина была отведена под продовольственные отделы, а другая была занята электротоварами, лекарствами, игрушками, автомобильными запчастями, одеждой и всякой всячиной.

Приближался Новый Год.

Старшая сестра, находящаяся сейчас в местах не столь отдаленных, до нашествия проксим поднимала на ноги двух сыновей-погодков, и нужно было выбрать для них подарки. Трудно пройти мимо предновогодней распродажи человеку, зашедшему купить просто хлеба. Тут же продавались мягкие игрушки. Прилавки были заставлены огромными кроликами и цыплятами, которые держали в лапах ведерки или лопатки.

Доставая деньги, чтобы расплатиться за хлеб, Виктор осмотрелся вокруг. Его взгляд приковала полка, где между Винни-Пухами и утятами стояли прежние куклы “Барби”, но назывались они по-другому – “Проксимами”. Продавцы быстро сориентировались для объема продаж.

Чем больше он смотрел на одну из них в белом платье, похожем на подвенечное, тем сюрреалистичнее она показалась ему. Даже привиделось в ней, что это Лола в день их бракосочетания.

Виктор из любопытства взял ее в руки, куклу в метр высотой. На бирке было написано: “Сделано в России. Вискоза, полиэтилен. Нетоксично. Не воспламеняется”. И удивился – как в случае с настоящими проксимами!

В сторону Виктора приближался дед с двумя малышами, которые возбужденными криками целенаправленно подталкивали его к игрушкам.

– Смотри, дед, Проксимы! Хочу! – заорали они в два горла.

– У вас дома есть Барби.

– Нет, такой нет Проксимы.

– Вы уже большие. Мы договорились купить велосипеды.

– Дед, пожалуйста!

– Глупости и вздор! Вы – мальчики! – Дед был в замешательстве.

“Черт возьми, что происходит? Если судить по куклам, ситуация с проксимами зашла слишком далеко и существование их ни для кого не является секретом”. Виктор замедлил шаги. Может это не совсем так. Кому, как не ему, исследователю, знать подлинное положение вещей. Определителя проксим не существует, ни химического, ни биологического. Но разве можно, чтобы тайну раскрыть в одночасье? “Выбрось это из головы. Ты же – ученый. Ты ответственен за все. Все видели проксим и в то же время никто не догадался. Теперь нужно выяснить: почему, как и где? Детский страх... взрослый страх... нет, парализующий страх. Другого объяснения нет”.

– С вас 45,70, пожалуйста.

– Что? – бессмысленно уставился он на кассиршу.

– Кроме хлеба, за Проксиму, гражданин, 45,70, – повторила она.

Виктор взял себя в руки. В его руке торчала ненужная “проксима”.

– С вами все в порядке? Вам помочь? – Кассирша с сомнением смотрела на его задумчивый взгляд.

– Все нормально. – Виктор протянул деньги.

– Завернуть коробку в бумагу или положить в пакет?

– Не надо.

Он так спешил домой, что его “жигули” проскочили два “кирпича”, но все обошлось благополучно.

ГЛАВА 43. Сукойро и Парэин

Это был замечательный веселый, во всех отношениях удачный Новый Год, хотя за окнами разыгралась пурга – такой не помнил даже майор. Сначала пошла пыльца, потом хлопья, а потом вообще посыпалась крупа. Ветром сорвало провода – мелкое недоразумение, – но это всего лишь на полдня омрачило настроение. Тепло и комфортно. Свечи, музыка и, главное вино – источали, звучала, лилось, хоть и не рекой. Настроение отличное, хотя работа шла ни шатко ни валко, но в любом случае бесконечная череда женщин, рутинное занятие с ними, брезгливое, тупое обрабатывание их мозгов, продвигало его, если не к их неловкой лжи, а это ниточка, то к желанной правде, обязательно. “Нет, женщины, не вам тягаться с выдавшим виды Сукойро. Сколько ни темните, расколет он вас, непременно расколет. Пора представить себе в натуре картину, что суровые бородатые преступники плакали у него как дети, и чем же, как не слезами, всё это для вас может кончиться?” – рассуждал он.

Майор решил сегодня закрыть на нелепости работы глаза – первое: оставить всё как есть на потом и второе: создать всем женщинам чудесное настроение.

– Новый Год должен быть с женщинами! – сам себе приказал он.

И начать решил с Лолы... или, как угодно, с Проксимы, если это подвернется она.

Неважно!

Он уже находился немного подшофе и психомоторным тестом решил проверить свое состояние. Он прикрыл глаза и начал сводить друг на друга указательные пальцы. Они и близко не сошлись.

Нормально, посчитал он!

– Заключенную Лолу Ярсинскую из барака № 7... или из № 12! – потребовал он.

Девушка находилась в просторной комнате, перед ней предстал стол с архитектурой из минаретов шампанского, ярмаркой из фруктов и огромным футбольным полем торта из птичьего молока. Она резко обернулась и не удержалась от короткого удивленного вскрика. Вошёл и уже посреди невозмутимо стоял Сукойро, очень даже высокий черноволосый мужчина в элегантном светлом костюме. Белоснежная сорочка, дорогой галстук, рифлёные туфли... Он был настолько чужд окружающей его тюремной обстановке, что казался интеллектуальным червем-призраком.

“Привидение! – Парэин почувствовала, что у неё подкосились ноги. – Привидение! Кто ещё способен на это?”

– А ты, Лола, – майор поймал её удивление, – решила, что я стал еще одной галлюцинацией?

– Ничего я не подумала! – взъерошилась она.

– Лола, как тебе в условиях лагеря удаётся так сексапильно выглядеть?

– Это не моё достижение, и не ваше, и не чьё-либо, хотя я не знаю, как на вопрос ответить.

– Лола, не надо так бояться. У меня вам, и землянкам и проксимианкам, сегодня сюрприз, – услышала она. – Как и должно быть в праздник у всякой красивой женщины, даже если она враг народа, даже если она трижды проклятая проксимианка.

Ей очень хотелось верить этому странному человеку шегольски сегодня одетому франту с повадками аристократа.

“На полицейского далеко не похож. Тогда на кого? Неужели на ФСБэшника? Вряд ли...”

– Трудно назвать это праздником, когда мы под пятой захватчиков! – произнесла Парэин.

Слова прозвучали пафосно, как гром среди ясного неба. Сукойро ошеломлённо смотрел на девушку и только выдавил:

– Браво!

– Не время реляций.

– Браво!

– Знаю я, какие у вас сюрпризы, – добавила она.

Он ещё раз по инерции повторил:

– Браво!

– Только насчёт красивых женщин вы перебрали.

– А ты сомневаешься?

– Они прекраснее, чем вы думаете.

– Лола, только не говори сегодня, что ты жена Виктора, договорились? – предупредил майор.

– Как скажете.

– И не говори, что ты неинопланетянка! Когда женщины подряд такое повторяют, у меня закрадывается сомнение, точно ли с вами всё в порядке.

– Даже если это будет расходиться с мнением жюри? – сурово пошутила Парэин.

– Ну уж, я без права голоса в высоком жюри, а так браво, браво! Ваша стойкость и приверженность своим идеалам и твой личный, сильный и независимый характер заслуживают всяческого уважения и поощрения! Поэтому ты здесь, со мной, и повтори: я забыла, забыла сегодня, что я заключённая. Повтори громко!

– Забыла сегодня, что я заключённая.

Майор широтой раздвинутых губ явился во всей своей галантности улыбающийся, источающий самоуверенность и запах лосьона “Для бритья”.

Парэин смотрела на тепличный цветок в его петлице. “Хризантема, – отметила она. Ее отец, как и у Лолы, имел хобби, был профессиональным садовником, специалистом по рододендронам. – Хризантемы в Новый год куда уж неуместнее. Цветы красивые, но мертвые. Без теплоты, без запаха, без некси. Что такое некси – седьмое чувство, землянкам не понять”.

Он лучезарно светился.

– Прекрасная погода, не правда ли, Лола? Помню, что такой она не была никогда. Кажется, зима решила окончательно переусердствовать, преуспеть своей силой и темпераментом и по-своему посочувствовать нашей национальной беде.

Девушка задумчиво смотрела на частый переплет оконной рамы в железных решетках.

– Вы, проксимианки, все так чертовски самоуверенны и красивы. Это хорошо, – подытожил он. – Может быть, я чего-то не понимаю в вас? Вы разумны, но система ценностей у вас и у нас разные, другие. Удивительно вдвойне, что по поведению женщин, и твоему, кстати, тоже, об этом не скажешь, как и все, ты в мгновение ока, а не через одно-два поколения, ассимилировалась, подравнялась с нами. Тем более это не звучит анекдотично. Почему?

Сукойро, насторожившись, приготовился слушать. Но молчание Лолы разочаровало его.

– Жаль, – коротко сказал он. – Я был уполномочен по случаю сделать тебе, Лола, самые лестные предложения по поводу продолжения праздника. Ну там культурная программа, спортивные мероприятия... Конечно, банкета не обещаю...

Молчание девушки продолжалось.

– Разве в культурном отношении наша цивилизация не произвела на вас никакого впечатления?.. Глупое упрямство, – пожал плечами майор. – Кто – вы? – Сукойро посмотрел на Лолу еще строже, однако лицо девушки ничего не выражало по-прежнему. – Странный народ. Вы отказались от материальных благ. Лагерь для вас испытательный полигон, проверка на прочность всех физических и психологических возможностей. наших людей ваше мужество восхищает. Одно сомнительное “но” – планета, видите ли, вам понравилась. Понравилось здесь жить, но жить не по своим правилам, не по своим порядкам. Вы даже не делаете попытки навязать нам свою идеологию, а это навевает определённые мысли о нечистоплотности, о пятой колонне, о мимикрии. Кое-кто из вас, как я понимаю, прицепился как репей к некоторым семьям или отдельным людям, которые еле отвязались от непрощенных гостей, благодаря решительным действиям государства. Теперь оно вас ещё и кормит-поит, даёт кров, справляет одежду. Очень интересно складываются с ним взаимоотношения с использованием вашей женской закрытости и нашей мужской открытости. Вы не исчезли, вы сидите здесь по баракам, рядом со мной, дышите нашим воздухом, употребляете нашу пищу и ещё нахально смахиваете крошки со рта. “Вон там, – показали ваши начальники на нас, – крупная рыба”. Они подсказали, куда закидывать удочки – в наши незащищенные семьи, к прикормленным вашей женской лаской, потерявшим бдительность мужчинам, на поверку оказавшимся продажными шкурами. Ни у кого из них не шевельнулся червь сомнения, что в их квартирах перебор с женщинами, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках, что прямо перед их носом орудует враг. Оказалось, что вы видите сквозь воду. Одна женщина хорошо, а две, три, четыре – губа не дура, лучше. Кто откажется от дармовой женщины? Никто из мужчин. Только я один...

На лице майора была написана мучительная, задумчивая сентиментальность, но Парэин просто не могла не сказать следующее:

– Женщинам известно, что вы холостяк, и находились в это время в местах, не столь отдаленных.

Как бы не так! Вика! С которой ему было некогда разводиться. Сукойро ошеломило воспоминание. Он умолчал следующий факт. В мрачный для России день Вика пришла к нему, упала в ноги и принялась умолять его снова взять её в жёны. Она была настойчива, плакала, но он кланнул за ней железом двери. Получилось, что только он один поступил с проксимой как настоящий гражданин-патриот. Но тут его ещё больше ошеломило: две Вики! Которые сейчас мытарят в каком-нибудь лагере, и какой-нибудь Сукойро хладнокровно снимает с них скальпы, выбивая признание...

Но дознаватель ничуть не изменился в лице.

– Я сразу включился в работу, которую, в отличии от других, мне подсказала совесть, – сказал он.

Парэин очень хотелось пожалеть следователя словами, но любое её высказывание могло быть обращено против неё, поэтому она благоразумно промолчала.

– Так какому Аллаху вы молитесь, кому же вы все-таки принадлежите? – услышала она.

Неожиданно он перешёл на новый разговор.

– Пользуясь случаем праздничной обстановки, хочу первым предложить инициативу, почему бы нам не породниться... цивилизациями?

– Говорят, что мы уже дружим, – робко нарушила молчание Парэин.

– Надо бы развивать отношения шире, но не вижу, чтобы кто-то с Проксимии хотел этого.

– Это произошло без приказа сверху.

– Надо же, а я не заметил! – удивился майор.

– Народ сам захотел.

– У вас есть другие точки отчёта? – он тут же ухватился за мысль.

– Нет.

– И не надо.

– Так проще, – добавила Парэин.

– Тогда поговорим о народной дипломатии, например, о её разновидности – спорте. В игровые виды мы вас обставляем, в тяжестях – сильнее, в шахматах – расчётливее. А если взять культуру, то наши женщины и голосистее и танцуют величавее и на слова забористее и на таланты разные нацеленнее и умом... – майор задержался мыслью, подыскивая нужное слово, но нашел только масло масляное, – умнее. Согласна, Лола?

– Нет.

– Нет? А хлеб, словами Сумарокова, чужой ядите!

– Я всегда вырабатываю норму на сто двадцать процентов!

Сукойро переключился.

– Лола, сегодня ты мой талисман.

– Меня трудно назвать талисманом.

– Не ершишь, Лола, ты приносишь удачу, и, следовательно, талисман. Я заметил твоё благотворное влияние. Ты способна дарить людям счастье, больше того, в наше сложное, неспокойное время.

Майора переполняли праздничные чувства и он не останавливался.

– Ты не против утверждения, что красота везде прорывающая, будь то на Земле, будь то на Проксимии, что красота спасёт мир? Вот я смотрю на тебя – проксимианка проксимианкой, но что-то в тебе не даёт мне спокойно спать. Благодаря твоей мимикрии до уровня земной женщины, мне незачем подавлять в себе брезгливость, отвращение, наоборот, я не устаю преклоняться ей, красоте, в виде сошедшей тебя с небес.

Парэин смотрела на Сукойро и думала: “Женщины в лагере не очерствили его, а сегодня его посетил дьявол”. А он продолжал:

– История Земли насыщена примерами, когда противники шли на примирение или заключали союз при помощи брака. Их чада или они сами. А это, Лола, тоже разновидность народной дипломатии...

“Вот куда он тянет! На роман заключённой и её палача”, – подумала Парэин. Для неё это новинка. Верх казуистики. Как легко было сфальшивить и поддаться, говоря об этом уродливо-обманном чувстве. Но она не позволит так сблизиться, не позволит ему узнать о ней

столько тайного, сокровенного. Он не проникнет к ней в сердце, не ощутит его удары.

– Предлагаете мне брак? – спокойно спросила она.

– В настоящее время за отсутствием монархий больше принята другая разновидность народной дипломатии – секс. Если взять его за основу, то наши мужики могут дать фору любому инопланетянину.

– Я замужем, и такие разговоры мне неинтересны, – воскликнула девушка.

– Лола, это высшая форма народной дипломатии... Необходимая и актуальная...

Ага, он наполняет речь намёками, насторожилась Парэин. Он открыто потребовал стать его подружкой.

– Вы хотите... мне предлагаете...

Бессмысленно было лгать и Сукойро словно сверху произнёс:

– Да.

– Вы из учреждения предупреждения преступлений, поимки и наказания преступников, член какой-нибудь значительной политической партии, у вас в системе столько недостатков, а вы... – Её возмущению не было предела.

Увы! В длинный список безуспешных попыток майору пришлось внести ещё одну неудачу и проглотить оскорбление.

Но ночь была длинная.

Он посмотрел на часы и охнул:

– Чуть не промахнулся!

Перед самым боем курантов он выстрелил пробкой от шампанского, заставив Лолу, или как ее там – Проксиму, от страха похолодеть.

– Лола! – Сукойро неприязненно смотрел на девушку. – Заклочённая Лола, приказываю, взять бокал в руку, встать в центр комнаты, сейчас будет гимн!

Она лихорадочно соображала, что он хочет этим сказать. А он не торопился, медленно разливал так, что пена почти не появлялась.

Он следил за игрой теней на потолке от свечек, отражавшей его внутреннее распрекрасное настроение.

И много говорил:

– Вы свято веруете в механистическую, строго детерминированную вселенную, игнорируя при этом наше человеческое сознание, достоинство, волю, свободу развития и жажду выбора – факты, известные вам самим из богатого опыта. Но где, скажите, волна спокойствия на нашу Землю, снежный ком любви и доброты?

Майор с превосходством взглянул на молчавшую девушку.

– Ага, знает кошка чье мясо съела! – воскликнул он.

– Конечно, мы технически отстали от вас. Но не так уж далеко – на тысячу лет, быть может, на пять тысяч всего лишь... Не больше.

Первая нечеловеческая слабость вдруг охватила Сукойро, и он хотел опуститься на стул, но пробили куранты. Он еще решительнее выпрямился и поднял полный фужер.

– С новым годом! За дружбу между народами Проксимы Центавра и Земли!

Девушка поднесла к губам бокал и покосилась на майора – слушать гимн в такой обстановке, ей – проксимианке, или... Шампанское за пять минут выдохлось. Оно немного кислило, а теперь, согрившись, стало совсем неприятным на вкус. Вкус шампанского был не

просто противным – отталкивающим. “Мерзкий напиток, – подумала она, – но не так уж плох для землян, и калорийный”.

– Пей до дна, пей до дна! – запел майор.

Лола бойкотировала общество Сукойро, поставив бокал на стол.

Дикая ненависть охватила его. Он судорожно сжал свой бокал и уже готов был запустить его, как её там, в Лолу. И его бокал ударил по-своему – крепко и звонко. Оба бокала звучно рассыпались на мелкие кусочки.

– Почему всё так несправедливо? – завистливо произнёс он. – Другая Лола, не в пример тебе, чисто русская душа, ни за что бы не отказалась от спиртного. Ты – выдала себя.

Голос, жесты, свободная поза – вот уж чего не отнимешь, хозяйка этого набора идеально скопировала себя с обладательницы оригинала. Но она не знает, какой у него собачий нюх! Даже спинным мозгом чувствует.

– Ты – выдала себя, – повторил он утрашающе, – окончательно и бесповоротно!

Но видел только, как вражина усмехалась не на шутку, не поводя ни одной бровью над глазами, в которых играли хвостатые черти.

“Наверняка у этой штучки никогда не бывает проблем. Не то что у меня...” – думал майор

– Лола, ты кушай, кушай, на тебе роба болтается, словно вешалка.

Девушку едва не вырвало от отвращения к его словам. Охваченная ненавистью, она толкнула дверь. Металлический прямоугольник не шелохнулся.

– Гордые вы все женщины... Пальцем вас не тронь...

– Я хочу в барак! – крикнула Парэин.

– Не понимаю, кормим, поим, одеваем, моем в бане – житуха! А вы всё не довольны...

Майор налил два бокала.

– В последний раз спрашиваю, пить будешь? Слышишь?

И воткнул новый бокал ей в руку.

– Кто вы есть на данный момент? Враги, оборотни, друзья? Я превращу вас в людей. Я буду работать днями и ночами, пока не сделаю из вас настоящих людей.

Злоба, прозвучавшая в его голосе, испугала Парэин, и она опустила глаза.

– Вы ненавидите?

– Иногда мне кажется, что ненависть вытеснила все мои остальные чувства. – Сукойро пытался говорить ровным голосом, но все равно в конце каждой фразы срывался на пьяный крик. – У меня большие возможности, дайте время. Странная штука – человеческий организм и проксимианский. Идет соревнование на пределе выживаемости на предмет высокого потенциала, какой из них мощнее, надежнее и выносливее. Не думаю, что человеческий жиже. У нас есть все условия, чтобы проверить эту идею в лагере. Кто слабее, тот спасует, не выдержит и выпадет в осадок. Здесь конкретный или неконкретный враг – не имеет значения. Мы должны выиграть, а не вы, а чтобы выиграть, надо драться всерьез и тут, опять же, женщины не женщины – не в людских потерях счет...

Парэин из принципа не притрагивалась к спиртному. А Сукойро подумал, что в её глазах было очень мало

человеческого, можно сказать – не было совсем ничего человеческого.

И она подняла на него холодные чёрные глаза. Он слегка смутился. Ему приходилось видеть взгляды, переполненные ненавистью, страхом, злобой, но то, что он прочитал в сумрачных глазах Лолы, было гораздо хуже. Полное отсутствие эмоций – положительных. Отрицательных – сколько угодно. Между тем, никакой агрессии. И только. И в то же время – огромная сила, подминающая его под себя.

Проехал автомобиль, и по стеклам вместе с вибрацией пробежали причудливые серые тени. За стенкой в помещении конвоиров заиграл кларнет, чуть слышно и дразняще, а вслед запела гармошка. Новый Год набирал ход! Странный мерцающий свет от цветомузыки залил комнату, и лицо Лолы изменилось в худшую сторону. Чуть пообмякли щеки, потускнели широко раскрытые глаза, сведенные пальцы мяли сиденье стула.

Какофония запахов давно забытых кушаний!

Заплетающимся языком майор все говорил:

– Наша работа достойна уважения, мы в жертву отдаем не только свои жизни, все отдаем, что имеем, так чего на нас таить зло. Глупые женщины, все для вас делаем, для вашего же счастья и блага. Потерпите немного. Ждать осталось чуть-чуть. И да сдохнут фантомы все до единого! Выпьем за это.

В окно кабинета вместе с метелью уже заглядывали ранние сумерки.

– Лола молчите, не говорите ничего, я все скажу. Можно ли изменить будущее всей человеческой расы проксимами? Да. Легко. Почему? Сейчас объясню. Общие тенденции развития для Галактики не позволяют делать с ней выкрутасы, но если начать эксперимент с большим количеством населения и найти колоссальную энергию, то можно. Лола, ты понимаешь, что мы на пороге грандиозных изменений. Архимед сказал: “Дайте мне рычаг и я переверну Землю”. Начни с нами сотрудничать. Ты позволь предоставить нам такую огромную энергию, поспопобствуй, попроси у своих начальников...

Он взвыл.

– Чего пялишься! – В голосе зазвучали панические нотки. Сукойро был не в силах оторваться от пронзительно чёрных глаз.

Рот скривился, глаза закатились, были видны лишь желтоватые, быстро наливающиеся кровью белки, казалось, ещё чуть-чуть, и резко возросшее внутреннее давление взорвёт его голову.

Тоскливый вой окутал помещение. Побелевший дознаватель схватился за голову и вывалился из кресла.

ГЛАВА 44. Сукойро

Майор поболтал головой и облокотился головой о собственные руки и застыл в такой позе, а когда пришел в себя, обнаружил, что находится в Замкнутом Пространстве. Майор ещё поболтал головой.

Видение было полным и всё ещё стояло перед глазами: “кругом потемнело, ударила молния. Перед ним предстала массивная тварь с необычайно широкими плечами и мощными ногами. Ступни чудовища представляли собой длинные и острые шипы, поэтому, как крыса,

сидящая на хвосте, при остановке ему приходилось поддерживать равновесие при помощи толстого хвоста. Голова монстра была абсолютно круглой и лысой, рот, растянутый от уха до уха, наполнен кривыми жёлтыми зубами, а маленькие, глубоко продавленные глаза горели ярким золотистым огнём так, словно впитали в себя исполинскую молнию”.

Более подходящего определения придумать было невозможно. Там было глухо, полутемно, это скромный свет выбивался из окошка в ладонь величиной под самым потолком. И воздух был непригоден для дыхания от застарелой мочи и устоявшейся предыдущей мужской плоти. Он попытался найти объяснение происшедшему или происходящему. Вероятно, он перенес шок, и это вызвало паралич глазного нерва. Что, если он ослеп навсегда? Он интенсивно протер глаза.

– Эй! – крикнул он. – Есть кто-нибудь?

Никакого ответа.

– Кто-нибудь есть?

Только его собственный голос, прозвучавший одиноко в глухом безмолвии, не нарушаемом даже случайными посторонними шорохами; только мертвая тишина.

Неужели слух тоже поврежден?

Но он же слышал свой голос.

Отупение длилось несколько минут, после чего Сукойро понял, что проснулся в незнакомом помещении, смахивающем на глухую камеру. Это пахло мистикой. Он попытался вспомнить, что в таких случаях рекомендуют психиатры, но ничего путного на ум не шло, и, мысленно выругавшись, он толкнул дверь. Дверь была заперта с той стороны. Он пощупал, единственное маленькое окошко с решеткой закрыто на задвижку снаружи. Сукойро для верности подергал ее рукой – заделана наглухо, как и дверной замок стоял намертво – и в полном недоумении огляделся по сторонам.

Он целую минуту тупоголово, как баран на новые ворота, разглядывал железную дверь, обещая себе, что устроит кое-кому колоссальный разнос. Он бил дверь, пока не выдохся, и присел.

За последние дни ему не удавалось толком поспать, голова раскалывалась, и, хотя он собирался продолжать поднимать шум, перед штурмом он решил, что с ним можно пять минут подождать.

И снова мгновенно уснул.

Снова снилась ему Проксима-Лола: “она стояла о четырех ногах с четырьмя когтистыми пальцами на каждой из конечностей. Передние лапы с такими же конечностями она тянула к нему. Все ее тело покрывала крупная белая чешуя. Выступающие вперед челюсти блестели клыками. Под тяжелыми бровями сверкали черные глаза. Он убежал от чудовища через сугробы, похожие на барханы, он уже не брел, проваливаясь в них по колено, по грудь, а полз, и снег набивался ему за шею, за пазуху, таял в носу”.

Майор проснулся от холода и посмотрел на часы. Сон длился почти сутки. В конвульсивном приливе энергии он вскочил с голых нар.

Карцер!

Он подлетел к двери и принялся бить в нее ногами, медленно и ритмично, стараясь достичь максимального эффекта. Дверь с хорошей звукоизоляцией поглощала удары, выдавая обескураживающе малое количество воспроизводимого шума, но через несколько минут май-

ор все же услышал щелчок замка. В дверях оказался охранник.

– Проксима, в чем дело? Будешь стучать в дверь, я тебе ноги к шее приторочу. Ясно?

– Вы?! – Он удивился, как это майор оказался в пустом каземате.

По пьяному делу вестимо.

ГЛАВА 45. Парэин и Фаркнеин

Парэин накинула ватник и вышла из барака. Ночь была ясной и холодной. Землю покрывал тонкий слой свежего снега. На территории лагеря печально шумели одинокие высокие сосны и сухо скрипели. Ночи были беспокойные – пальцы часовых всегда лежали на спусковых крючках. Они палили в любую приглядевшую тень, в каждый шорох, иногда просто так – для остротки, для поддержания боевого духа, просто для развлечения, и чтобы отпугнуть сон.

Дрожа от холода, Парэин услышала хруст снега. В сознании словно щелкнул тумблер.

– Говорит Фаркнеин.

– Я вся внимание, мой адмирал, – с готовностью ответила Парэин. Несколько секунд адмирал собирался с мыслями, вперив взгляд в девушку, а когда заговорил, голос его сорвался в верхние басы.

– Лола-Парэин! Считаю своим гражданским долгом официально заявить о следующих итогах: моя подчиненная, выдающая себя за учительницу, на самом деле является ни учительницей, ни человеком в общепринятом значении этого слова. Уже в течение нескольких месяцев это существо имеет продолжительный контакт с землянами, как с себе подобными, чтобы, выполнив задание, вернуться с честью обратно и вновь занять достойное место в проксимианской цивилизации.

– Да, мой адмирал, – радостно подтвердила Парэин.

– А теперь неприятная характеристика: за время своего присутствия на Земле, – монотонно продолжал Фаркнеин, – существо по имени Парэин, выдающее себя за учительницу Лолу Ярсинскую, ни чем конкретным себя не проявило, более того, выказав малодушие, позволило увлечь себя за колючую проволоку, разрешило изолировать и взять под стражу спецконтингентом. Такое самоустранение от претворения в жизнь нашего плана не красит воина разума, находящегося в расцвете умственных и физических сил.

Фаркнеин был чем-то взволнован и не пытался это скрыть.

– Моя некоторая оплошность... – попыталась оправдаться Парэин.

– И только?..

– Я была неосмотрительна и не требовательна к себе...

Но Фаркнеин продолжал смотреть сурово.

– А здесь... – Парэин вздохнула. – Вы, надеюсь, осведомлены об истинном положении событий на Земле? Они приняли повальный характер. Посмотрели бы, что творилось! Все как с ума посходили. Только и разговоров, что об этих чудовищах – проклятых пришельцах. Паника, беспорядки, волнения, круглосуточный колпак наблюдения за нами.

– И ты капитулировала, вместо того, чтобы пожирать плоды победы?

Парэин через плечо покосилась на адмирала, а он продолжал:

– Поскольку истинные цели и намерения существа по имени Парэин известны и предсказуемы, – повысил он голос, – со всей ответственностью требую, чтобы оно немедленно определило круг новых задач и в соответствии с этим пересмотрело старые приоритеты.

– Вы закончили, мой адмирал?

– Да.

– Еще есть какие вопросы?

– Есть. Что ты намерена делать дальше?

– Но мне над этим вопросом надо поразмыслить.

– Что за “но”?

– Но...

– Никаких “но”, Парэин. Это приказ.

– Хорошо, я подчиняюсь.

– Ну, не так мрачно, Парэин! – Фаркнеин впервые позволил себе улыбку. – Спокойной ночи. Как там в России говорят: утро вечера мудренее. Да поможет тебе Проксима.

Парэин пожала плечами и стиснула зубы.

– Да поможет мне Проксима!

Тень качнулась и вдруг исчезла, словно стертая со стены проекция взмахом невидимой руки, а Парэин всё стояла одна на пустынном плацу в полутьме зимнего рассвета. В этот час только колючий ветер гулял по лагерю.

ГЛАВА 46. Сукойро и Парэин

Майор взял в руки стакан с чаем и отхлебнул коричневое варево. Чай оказался слишком крепким, слишком сладким, но, по крайней мере, горячим. Он медленно пил, с удовольствием прислушиваясь к собственным ощущениям, возникающим при каждом глотке. Не бог весть как питательно, зато помогает думать.

Принесли затребованные досье на Лол, и Сукойро битый час исследовал их вдоль и поперек. Досье как досье. Лаконичные и емкие изложения биографий женщин с пеленок до попадания в “Лесную сказку”. Досье как близнецы-братья, медицинские карты тоже с их “норма” и “здорово”.

“Психологическая экспертиза считает, что с психикой у них все в порядке. Но у какой-то должна быть установлена некоторая склонность к истерии и даже ее порог? Не может не быть такого – все женщины истерички в той или иной степени. Одна из Лол замешана в новогоднем с ним происшествии и в выдержке ей не откажешь, другая не замешана, но естественность играет ей на руку. Должна быть какая-то связь. Пока всё, что они делают, больше чем логично, пусть даже у этой логики мрачный привкус”, – мысленно отметил Сукойро.

Весь тот день с утра и до самого вечера майору плохо работалось. Не то слово – привычное спокойствие оставило его. Работа требовала ясности. Наконец он не выдержал и послал дежурного за Лолой, снова – любой, какая первая попадется на глаза.

В окна ярко светило солнце. Сукойро жевал кончик сигареты. Она давно погасла, но он этого не замечал. Он

не спал прошлую ночь, не спал и эту, и знал наверняка, что не будет спать и предстоящую. Это было видно по его воспаленным глазам.

– Пора и честь знать, как говорится у нас у русских! – Майор красноречиво очертил пришедшую Парэин тяжёлыми после бессонных ночей глазами. Сегодня он предстал ещё и с красной сеточкой на кончике носа. – Лола, финиш! Почва уходит из-под твоих ног!

Его живодерский взгляд не предвещал ничего хорошего.

Девушка ответила на его слова молчанием, и этим дала понять, чтобы дознаватель не рассчитывал на полную откровенность и взаимность.

– Лола, хватит! – воспламенился он. – Поиграла в земную женщину и довольно. Женщины – предвестники неотвратимой беды. Как говорят французы: шерше ля фам, а итальянцы добавляют: финита ля комедия. С тебя – чистосердечное признание, с меня – скорейшее твоё освобождение, а там и рукой до Проксимы Центавра подать.

Парэин сознавала чудовищную несправедливость слов, потому что с некоторых пор чувствовала в себе новые физиологические изменения, перестройку всего организма. Это называется беременностью. Она ждала по-земному очередное и первое на сегодня ощущение в животе с некоторым страхом, благоговейным трепетом организма, в котором свернулось калачиком новое существо, а в результате все началось легкой вибрацией, а закончилось небольшими внутренними, но требовательными толчками, которые прошли еще до того, как она поняла, что вообще что-то ощутила.

– Почему это вас волнует? – спросила она.

– Будто не знаете?

– Представьте себе, нет.

– Лола, что понадобилось делать тебе минувшей ночью во дворе, только ли подышать свежим воздухом?

Майор сегодня и располагал к себе и отталкивал чем-то.

– Ночью? – Парэин удивленно взглянула на следователя.

– Примерно с четырех до пяти часов.

– Вот уж чего не помню...

– Это очень важно. Я не тороплю. Подумай, вспомни...

– Почему важно?

– Чтобы окончательно и бесповоротно отмести все подозрения в твой адрес.

– Значит, все-таки они имеются?

– Несомненно. Твердое алиби должно быть у каждого гражданина и у тебя тоже, – жестко сказал Сукойро, глядя на Лолу в упор.

– Ночью... ночью...

– Говори, говори.

– Перевариваю вопрос.

– Было бы что.

– Ночью...

– Да, на рассвете. Любопытно, что тебя угораздило подняться в такую предрассветную рань? – уточнил Сукойро. Глаза у него были серые, пристальные, пронизывающие насквозь.

– И что я делала, лунатировала?

– До лунатика тебе далеко.

– Тогда не знаю, на рассвете у меня обыкновение – я всегда сладко сплю.

Сукойро зажмурился, посмотрев на пробивающее сквозь шторы солнце, и тряхнул головой. Казалось, Лола угадывала его вопросы, и это угадывание и следующие за ними ответы вместо радости вызывали все усиливающееся раздражение. Нет, дознаватель внешне никак не проявлял свое состояние, он был на этот раз ровен и спокоен, но это спокойствие давалось ему с перенапряжением всех умственных и физических сил.

– Хочу напомнить, в День России около одиннадцати часов станции слежения обнаружили снижающийся объект в верхних слоях атмосферы. Расчет показал, что он упадет в Тихий океан примерно в семистах километрах от берега. Однако в последний момент, пролетая над территорией России, объект пропал. Пока радары занимались его поисками, система ПВО прозевала главное, и не были приняты соответствующие меры обеспечения безопасности. Поднятые по тревоге спецподразделения прибыли на место происшествия к шапочному разбору, и пришельцы были упущены.

– Пришельцы? – переспросила Парэин.

– Пришельцы, фантомы, какая разница, как их называть... – Сукойро презрительно фыркнул. – Словом, этой нечисти в Тушино уже не было, она расплодилась эпидемией во все стороны.

– Это могло быть просто галлюцинацией, – предположила Парэин.

– К сожалению, опасения превзошли все ожидания.

Целую минуту в кабинете царил молчок. Парэин передернула плечами, стараясь унять колотившую ее нервную дрожь, ей нельзя было волноваться, регистрируя удары сердца ребенка.

– В фантазии вам не откажешь, господин майор, только вы тут бесполезно толчете воду в ступе.

“Сколько ложной патетики! – мысленно отметил Сукойро. – Эта Лола вряд ли сообщит что-нибудь путное”.

ГЛАВА 47. Сукойро и Лола

Привели другую Лолу. Сукойро долго смотрел на нее, на её расплывающийся во все стороны живот, качал головой – выглядела Лола просто потрясающе, несмотря на то, что должна разрешиться от бремени, и угрюмо распекал:

– Естественно, чем ближе срок родов, тем больше волнуется будущая мамочка.

– Я подготовилась к предстоящему событию, – поделилась она счастливым чувством.

– Кого будем рожать? – небрежно спросил он.

– Мальчика или девочку, мне всё равно, – просияла Лола.

Майор видел, что радости Лолы не было предела.

– Землянина или проксимианца?

– Конечно, землянина – родину не выбирают.

– А я думал, что ты скажешь: неведому зверюшку.

– Да нет, нормального ребёнка.

– Проксимианка от земного мужчины может родить только нечто. Это точный прогноз, потому что известен диагноз.

– Сплюньте немедленно!

– А вы, проксимианки, рожать то хоть умеете-можете? Нашим женщинам, что опять же чихнуть. Многие обходятся без родильных домов, даже без услуг повитух. Мать Наполеона несла тазик с бельём и новорождённый выпал из-под юбки прямо на ступеньки лестницы, что не помешало ему стать великим полководцем.

– Во первых, я не проксимианка! – взбунтовалась Лола.

– Верю, верю тебе, как и остальным проксимианкам, – произнёс майор быстро. – Но пойми меня правильно, что барак, предназначенный для проксим до сих пор пустует. И давай, Лола, договоримся: если не жаждешь сделать открытое заявление, что ты одна из них, то это слово лучше пропускай мимо, молчи и не препирайся, чтобы мы не интерпретировали тебя по-своему. Осознанной головой – идёт необязательная тотальная война, но необходимая, и на каждой женщине пятно подозрения, в старину бы сказали – дегтем мазаная или на них метка дьявола. Ваша задача для очистки совести снять пятно с себя.

Лола взяла всю ответственность за проксим на себя, сказав от их имени:

– Если природа позволила успешно зачать детей, то уж благополучно родить она поможет обязательно. Природа для всех одинакова.

Сукойро чуть подался вперёд.

– А ты уверена, что откроется шейка матки во время схваток, ведь проксимианки сделаны из другого теста? Им хотя бы понятны такие слова: выкидыш, мёртвый ребёнок, плацента, пуповина? Они хоть знают, кто кого первым родил: яйцо курицу или курица яйцо? Возможны ли роды после беременности? Я не уверен, что они знают простейшую вещь, что нельзя быть ещё раз беременной этим же ребёнком. Знают ли, что в родильных домах постоянно путают детей...

– С нарушениями внутриутробного развития я пока не столкнулась, – перебила следователя Лола.

– А если встретишься, и у тебя будет...

– Вы не врач, как вы можете судить об этом?

– Я сомневаюсь, что вы сможете рассудительно оценивать свои силы, как наши женщины?

Лола гордо подняла голову.

– Малыш будет здоров и жизнеспособен.

– Лола, вы, проксимианки, не знаете, что такое рожать в муках на Земле. Это первые схватки, вторые, схватки всё усиливаются. Адская, зубодробительная боль охватывает таз, и зубы крошатся от скрежета. Русская женщина матерится, а ты сумеешь так сочно выразиться? Кричит, чтобы ей вынули все материнские органы, или зашили их, чтобы мужчина туда ни ногой. А проксимианка знает хоть, что такое неблагоприятные роды на Земле? Мы не позволим рисковать, у нас дети и матери защищены законом о материнстве. Свои. А ваши ещё не прописаны в законах...

– Это дискриминация!

– Вопрос для государства стоит остро: рожать или не рожать?

– Неужели превалирует второй вариант?

– С минуты на минуту ждём приказа правительства на искусственную стимуляцию родов.

– Это преждевременное прерывание беременности? – испуганно переспросила Лола.

– Да, Лола, на каталку тебя и в родильную хирургию, возможно на резекцию матки, чего ждать, всё ясно!

– Мне нельзя волноваться, – с плачем пожаловалась девушка.

– К сожалению, вариантов нет, потому что клинику рожать у нас не выбирают! – жёстко предупредил дознаватель. – И специалистов, кстати, тоже, в руки которых ты попадёшь.

– Можно попросить, чтобы приехал муж?

– Присутствие мужа не обеспечим! – дознаватель резко отсек просьбу. – Да и какого мужа? Столько мужей у нас не наберётся, сколько вас, так называемых жён, объявилось. Раньше при переписи населения женщины занимались профанацией, записывали себя замужними, коих было больше, чем число официально зарегистрированных по загсам.

– Спасибо за тот минимум услуг, который вы гарантируете.

Ирония Лолы не осталась незамеченной, и Сукойро стал объяснять:

– Ты подумала, а можно ли вообще иметь проксимам детей? Земля не имеет права идти на рискованный шаг с появлениями младенцев другой расы, другой цивилизации с её иным миропониманием по возможной причине несовместимости на биологическом уровне. Бумерангом по голове, как бывало во Всемирной истории, нам не надо. Мы бережно и с пиететом относимся к ней, например, у нас в памяти поучительный случай из Библии, когда Ирод⁶ уничтожал младенцев, потому что ему привиделось или его предупредили, что один из них его будущий убийца. Поэтому мы тоже хотим предотвратить катастрофу ещё в зародыше.

– Женщинам бы позволили сначала родить, а потом бы вам заниматься увещеваниями, – поморщилась девушка.

– Позволь, Лола, мне кое-что реконструировать, например, то, что ваш корабль, преодолевая “гаймспен”⁷, где-то терпел бедствия, где-то вы в пути пообтрепались, вас незваных гостей к себе домой не пускали даже братья по разуму и на Землю тоже. В тяжёлом полёте почти все мужчины оказались дохляками, погибли, остались стариканы, не способные на репродукцию. Необходимо было сохранить свой генофонд, для этого вы прикинули в уме, сколько вам нужно детей. Двадцать? Сто? Как бы не так! Путешествие длительное – их надо на три, четыре порядка больше. В рассуждениях вы пошли далеко. Как говорится, все средства хороши, а цивилизованные – в глазах как-то лучше смотрятся. Недостаточно было того, что вы проникните на Землю, чтобы перевести дух и привести себя в порядок. Вы замахнулись на большее – родить от наших мужчин. В идеале задумано неплохо, но вы бы столкнулись с тем, что большинство вам откажут в услуге стать мужьями по разным соображениям: кто-то испугается, кто-то занят работой или другой женщиной, кому-то надо “подумать”, чтобы созреть. А женщины, когда на них не обращают внимания мужчины, мстительны, как никто, они не позволяют над собой ни тени сомнения. И вот здесь проявилось бы всё ваше чёрное коварство. В нашем случае, не мужчины пошли к женщинам, как нормальная ситуация, а вы, женщины, пошли в

⁶ Ирод – иудейский царь раннего христианства.

⁷ Таймспен – временной отрезок.

народ к мужчинам, используя фактор неразберихи. Промискуитет⁸. Да-да, вы за одни сутки огромную страну превратили в грандиозный бордель. Величайте как хотите, но по-нашему это точное слово.

– Женщина, когда добровольно отдаётся мужчине, меньше всего думает о каком-то публичном доме, – не согласилась Лола.

– Вы всё продумали до мелочей, – продолжал Сукойро. – Теперь предъявите претензии на детей, поднимете хай на всё мировое сообщество, что они принадлежат вам, что земляне их не отдают, что они, мол, душегубы, варвары, изверги и прочие редиски – нехорошие люди. Далее, мы вас с чувством вины торжественно провожаем с детьми на корабль, да ещё обеспечиваем памперсами. На самом деле мы не намерены отдавать своих граждан...

Лола сразу же указала на ошибку:

– Здесь не присутствует юридический казус – дети при прочих равных условиях следуют за матерями.

– Да, следуют за матерями, – согласился майор. – Но! Они, женщины, в свою очередь, за нашими мужчинами.

– Но это незаконно! – воскликнула девушка.

– Короткая справка, Лола, проксимы отреклись от своей родины, заявляя, что родились на нашей земле. В делах это подробно запротоколировано. Документы, легенды у проксим тоже подтверждают это.

– Теперь им надо в обратном судопроизводстве доказывать настоящее происхождение? – задумавшись, спросила девушка.

– Юридически они уже наши граждане.

– Они выиграют процесс, у них есть доказательства.

– Бесполезно, никаких.

– Тогда скажите, как в глазах мирового сообщества опровергнуть то, что они появились не из ниоткуда, не из ничего?

Дознаватель почувствовал шаткость своих доводов.

– А как появился первый человек? Думаешь, в результате эволюции? В таком случае предоставь недостающие звенья.

Возражений у Лолы не было, и она сказала:

– Но проксимианки как появились оригинально, так же оригинально покинут Землю.

Сукойро надоело тягаться в доводах с Лолой и он прекратил допрос.

ГЛАВА 48. Парэин и Фаркнеин

Фаркнеин бесновался, глазки бегали, как стрелки приборов на Земле, его не трогали удивительно белые ровные зубы Парэин и убийственно красные губы.

– Почему, Парэин, редко выходишь на биосвязь, почему мало от тебя приходит информации, почему плохо исполняешь свои обязанности?

Тень пробежала по прекрасному лицу девушки.

– У меня нет страха перед вашими вопросами. Мы хоть медленно, но верно движемся к задуманной единой цели. И все идет хорошо. Подумайте, сколько проксимианцев отдали бы свою жизнь, чтобы только иметь воз-

можность внести свой вклад в общую победу. Но которым это недоступно.

– Парэин, благодарю за ценные сведения, но если ты передала, что красному перцу жгучесть обеспечивает алкалоид капсаицин, а черному перцу – пиперин и пиперидин, то это совсем не означает, что твоя миссия на этом кончилась. Глубоко ошибаешься! Но одно твоё донесение нас заинтересовало, что в пять лет у человека сформировано 95% личности. Продолжай, нас очень интересуют слабые и сильные стороны человеческой натуры и психологии, в частности, первичной ее основы – мужчины. Если мы будем знать о нём больше – мы будем знать всё. Это ключ к познанию человека.

– Да, мой адмирал, – кротко ответила Парэин.

Глаза красными кнопками уставились на нее.

– Знакомо ли тебе, что мужчина – проводник сильного мышления и активно-наступательного направления в пристрастии к проявлению честолюбия и вещизма к женщинам?

– Это не является здесь на Земле определяющей привилегией мужчины, – попыталась оспорить мысль Парэин.

– Мужчине свойственно многое, чего не приемлемо и что не пристало женщине.

– Например?

– Побеждать страх, тем он и отличается от женщин.

– Это не характерное его качество, многие женщины по смелости могут дать ему вперед сто очков.

– Я не верю тебе, меня не удовлетворяют сухие сведения. Ты не дала качественную оценку мышлению мужчины, какое у него сильнее – позитивное или негативное, есть ли у него аномальное, часто ли переключается на альтернативное, виртуальное?

Парэин не знала, что ответить, фактического материала действительно не хватало.

– Нам повезло, – сказала она. – Мало кому удаётся увидеть Землю своими глазами. Совсем немногие могут похвастаться тем, что разговаривали с землянами. Точнее, мы первые и последние.

– Вот и пользуйся неразумием землян.

– Вы мне внушили, что основа жизни на земле – с мужчинами, и как Давид из земной мифологии набирался силами от прикосновения Земли, так и женщины должны брать силы от мужчин, как от аккумуляторов. Но это не происходит. Странная планета! Женщины живут компактными изолированными колониями, не получая от мужчин никакой подпитки. Я в полном расцвете сил, испытываю к Виктору влечение. Он не отрицает того, что я высока, стройна, красива, ни отнять ни прибавить к любому месту на мне, мягкое сердце, томный взгляд, тем не менее, он не обращает на меня внимания, отделяется письмами с признаниями о любви. И только. Ни разу не изъявил желание встретиться, вызволить из неволи...

Фаркнеин перебил девушку:

– Значит, ты не осознаешь свою первостепенную историческую роль, ты поддавалась обаянию его внешности, его внутренним регуляторам мужской красоты, но результативность твоя ноль, хоть он в развитии своем неандерталец по отношению к тебе.

– Время тащилось ползком, почти остановилось. Последние месяцы я проживала дни словно в оцепенении. Ползущие медленно, тянулись они похожие друг на друга. Однообразие существования привело к тому, что

⁸ Промискуитет – стадия ничем не ограниченных отношений между полами. Предшествовала установлению в обществе норм брака и семьи.

мой истощенный мозг отказывался переваривать обыденность, я перестала следить за ходом времени.

– Это не оправдание, а минутная слабость, попытка уйти от действительности, от намеченной программы.

– Все мужчины в лагере, возможно не чужды человеческих чувств, но не имеют права с женщинами разговаривать. Только один дознаватель Сукойро исключение, но круг его интересов не распространяется дальше нагнетания страха. Он черствый, не способный на чувства, винтик в системе подавления любой инакожизни.

– Думай, решай, включай воображение, изыскивай резервы. – Изображение Фаркнеина так же неожиданно пропало, как и появилось.

Парэин пожала плечами, она лежала и смотрела в темноту, прижавшись щекой к холодной подушке и прислушиваясь к своему пульсирующему новым существом животу. Спать не хотелось. Она решала задачи, подсказанные Фаркнеином. Сознание того, что предстояло вновь пережить, так и жгло ее изнутри.

Она приподняла голову, легла на спину. От новой удобной позы пришло какое-то спокойствие.

ГЛАВА 49. Виктор

Кошки нет-нет да скребли на душе от неопределенности в судьбе любимых женщин. Виктор думал о Лолах, ложась спать и пробуждаясь от сна. Думал всегда и везде.

Сначала была любовь, затем, некстати, производные – эти беременности. Новая напасть.

Он столкнулся со слабым сопротивлением рассудка: эта бессовестная Лжелола, составляющая конкуренцию его законной жене, навязанное бесплатное приложение, от которого необходимо срочно отделаться.

Ах, он муж двух жен?!

Это было похоже на цепочку по злонамеренному вытягиванию его в круговую поруку после совершения преступления. Шаг за шагом он медленно увязал коготками все дальше и глубже в болото, падал в пропасть. Дальше неизбежное столкновение с законом. Но кто-то, природа или всевышний, дает жизнь не каждому, а одному, но избранному, затем постепенно прибавляя к нему братьев и сестер. Почему бы не приплюсовать по этой логике ему еще одну-две-три жены?

Теперь эти роды! Не жестоко ли по отношению к нему? Но чувство отцовства успокоило и открыло Виктора, и ощущение обязанностей перед семьей, правильное теперь большой семьей и, немаловажно, его детьми, возрастало с каждой минутой. Если бы не несколько “но”. Он пугался одной только мысли о двух Лолах, потому что знал твердо и с этим надо было бороться, что любой фантом – враг народа.

Всеобщая пропаганда презрения против фантомов переживала свой пик, и Виктор боялся выдать себя в разговорах, в поступках, в поведении, что не без греха, что не без фантома. И тогда он брал себя в руки и приказывал себе “стоп”, как только замечал ход мыслей о Лолах во множественном числе, насильно заставляя думать только об одной, единственной, неповторимой, настоящей Лоле. Это оказалось нелегким делом: ни одной он не отдавал предпочтения и в то же время ни одна не остав-

ляла его равнодушным. Вспоминался буриданов осел, его безумная раздвоенность на две охапки сена и в конечном результате смерть. Не хотел уподобляться скотине, но ничего не мог поделать с собой, как ни старался. “Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо”, – успокаивал он сам себя.

Тем не менее, снова и снова Лола легко, беспрепятственно и незаметно раздваивалась на две Лолы, которых Виктор не мог без определенных умственных усилий свести опять в одну. Его останавливало одно обаяние и отбрасывало другое. Но через мгновение влечение к одной преобладало перед чарами другой. В сотый раз за сегодняшний день он убирал знак равенства между ними, но знак наезжал откуда-то снизу, нырял сверху, вклинивался между Лолами нахально сбоку не на свое место. Виктор противился, сопротивлялся, вызывая одну и ту же похожую спасительную ассоциацию, при этом хороня неотлипливые предательские мысли. Но какие бы внезапные порывы ни толкали его к Лоле номер два, он знал, что ту бездонную нежность, какую испытывал к Лоле номер один, больше ни одна женщина в нем не может вызвать.

Хотя...

Так и получалось, что чаще Лолы не отождествлялись друг от друга. В принципе, Виктор примирился сам с собой, не важно какая была бы рядом Лола: обе красивы, с любой одинаково приятно, хорошо и удобно, тепло и сытно, с каждой можно почувствовать надёжное плечо и ласковые руки, каждая тянет неустанно искать её общество, каждая дает почувствовать, что только она способна подарить ему то счастье, то сердечное упоение, которые нельзя сравнить ни с чем иным.

Время усиливало это расположение и толкало к нежным порывам и делало Виктора более уязвимым для сентиментальности. Был спасательный круг. Письма. Поэтому, чтобы в конце не запутаться, ответ Лолам, как обычно, он печатал на машинке под копирку в двух экземплярах, где подробно описывал последние мероприятия правительства, обнадеживал, что президент и премьер-министр в первую очередь заинтересованы в их скором возвращении, потому что их собственные жены и дочери тоже томятся и ждут не дождутся своего счастливого часа. В конце писем, по обыкновению, крепко целовал каждую, не делая различия и не отдавая предпочтения ни одной из них.

Когда он ставил последнюю точку, то зримо представлял дочь и сына с широко раскрытыми глазенками и изогнутыми в радугу алыми губками над скулксившимися ртами, а глаза Лол полными слез от любви к нему, когда они выводили строчки: “почему ты не пишешь того, о чём думаешь? Или ты уже настолько привык скрывать свои мысли и чувства, что разучился выражать их?”

Наверное, в их словах была доля истины. Тяжкую правду писать не решался, тем более давать обещания – рука не поднималась, оправдывая себя тем, что военная цензура все равно не пропустит.

ГЛАВА 50. Сукойро и Лола

Сукойро пронзительно смотрел на инопланетянку.
– Признайся, Лола, что ты проксима?

Лола поняла, что уйти от дальнейшего нового витка допросов невозможно, и спокойно ответила:

– Да, я проксима.

Сукойро был не так прост, чтобы его обманули, поэтому тут же спросил:

– Доказательства?

Лола тоже была не так проста, и поняла, что от софистики с умным и изощренным следователем ей не уйти. Она вспомнила страшные времена судилищ над ведьмами. Им задавались подобные вопросы: “Ты – ведьма?” Уставшая от пыток женщина, тем не менее, упорно не признавалась: “Нет, я не ведьма” “Доказательства?” – требовали от нее. Тогда она пробовала слукавить перед правосудием, отвечая: “Да, я ведьма” Но не тут-то было. Для судей это была ниточка. “Доказательства?” – снова требовали от нее.

В любом случае предстоял костер.

Майор неожиданно заснул за своим рабочим столом, устало откинув голову на спинку стула. Слегка приоткрытый рот придавал его лицу что-то детское: доверчивое и незащитное одновременно. Несколько секунд Лола всматривалась в лицо следователя, стараясь понять, что толкает таких людей на выбор мерзопакостной профессии. Лицо как лицо. С виду совсем не гнусное, самое что ни на есть заурядное. Такой проблему страны не решит и звезд с неба не хватает. По службе вряд ли пойдет дальше полковника. Хотя у него есть похвальное рвение любое задание превращать в дело особой государственной важности. А не будет рвения, на что он тогда годится, слетит фуражка с головы, и погоны слетят. Это участь всех военных, которые любят не профессию в себе, а себя в профессии.

Сукойро, как уснул легко, так легко и проснулся. Доведенная до совершенства, до автоматизма профессиональная способность. Встрепенулся, словно обжёгся. Мутный взгляд прояснился. Как все следователи, убивающие уйму времени на выслушивание людей, которые не хотят сказать нужное или им нечего сказать, майор сразу же забарабанил пальцами по столу.

– Есть два обстоятельства, которые, так сказать, смущают, – начал он.

– Почему не три?

– Пусть будет три. Я могу придумать и больше.

– Первое... – спросила Лола.

– Даже в кипятке молекулы достойно себя ведут.

– Не выходят из рамок дозволенного. Афоризм странный. Второе...

– Ты по всем параметрам точно не гуманоид.

– Хочу возразить, но не буду, потому что бесполезно. А третье...

– Лола, выпирает твоё физическое состояние, несоответствующее действительности. Говоришь, тебе тридцать лет?

– Двадцать четыре.

– Но на тебе написано, что ты зрелая, так скажем, пятидесятилетняя женщина.

– Не может быть! У меня даже морщин нет.

– Не пугайся – это по уму. Складывается впечатление, что у тебя два мозга. По крайней мере, больше, чем один. Возможно, что полтора. Хотя я, конечно, знаю, что всего один.

– Вы сомневаетесь, что я не человек?

– К сожалению, всё говорит о том, что ты, Лола, как у нас говорят, человек с большой буквы. Потому что нет ни малейших доказательств, что ты не человек. Опять же, к сожалению. У нас нет, как недоработка, лицензии на освидетельствование вас с головы до ног, но установить колпак наблюдения за вами нам разрешили какой угодно.

– Знаете, меня беспокоит эта загадка с моим мозгом. Неужели, в самом деле, больше, чем один?

– Я бы на твоём месте не беспокоился по этому поводу. В вашем случае, чем меньше мозга, тем меньше хлопот на этот мозг. Меньше знаешь – дольше живёшь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Лола, предлагаю сознаться, я имею в виду взаимную искренность, откровенность между нами.

Голос Сукойро сегодня был оглушающе громким, и уши Лолы болезненно дрогнули.

– Повторяю, нам все известно. Идет необъявленная война, мы не можем останавливаться на достигнутом и оставлять безнаказанными любые действия врагов, направленные против нас. Мы сохраним жизни тем, кто смотрит на вещи реально, кто будет полезен стране во все времена. Ну-с?

Лола находилась в нерешительности. Ей было по своему жаль этого человека, находящегося в пике напряженной работы. Завтра снова допросы, снова женщины, снова их истерические выходки – не позавидуешь, сложная начинка слоеного пирога бесконечной нервотрепки. Хотелось помочь следствию, но как это сделать?

– Я и, правда, ничего не знаю, я только естественным интересуюсь в пределах своей профессии – не больше.

– Хорошо, как биолог, ты должна знать, что условием выживаемости особи является не нравственность, не порядочность, а что в первую очередь?..

Вопрос повис в воздухе.

– Инстинкт самосохранения.

– Недостаточный ответ.

– Формы мимикрии.

– Самое главное ты не сказала: сила и еще раз сила по законам природы. Сила силу ломит. Кто сильнее – тот и прав. Предпочтение силе, а сила на нашей стороне. Зверь в клетке долго не живет. Намек понятен?

– Еще бы. Вы гнусный человек!

– Не обессудьте! Здесь у нас считается важным лишь то, что обеспечивает стране возможность выжить. И безопасность в первую очередь.

– Грязными методами? – иронично посмотрела на него Лола.

– А мне что? Поэтому я смотрю вперед, равно как и оглядываюсь назад, с чистой незамутненной совестью и с непоколебимой верой в правильное развитие событий, что время все расставит по своим местам, а кого-то оно скинет с корабля истории...

– Вы еще и самоуверенный тип.

– Лола, ты подготовила безупречную легенду для увода следствия на ложный путь. Это доказывает, что я имею дело с умным и предусмотрительным человеком. Я уважаю достойных противников, но...

– Не знаю, чем помочь.

– Признание, и марш домой. Или... Ну-с?

Глаза Лолы вспыхнули, но она всего лишь вздохнула, печально покачала головой и отвернулась.

Десять минут, отведенные на допрос, прошли. Майор ещё больше стал нажимать на “ты”.

– Лола, ты выдала себя с головой, однозначно, полностью!

– Каким образом?

– Ты совсем не похожа на учительницу, Лола.

– Почему так решили?

– Мало уловимый штрих.

– Какой?

– Ты смотришь над очками, а не из-под очков, как все типичные учительницы.

– А если у меня врожденный астигматизм.

– Такого врожденного не бывает.

– Если хотите знать, я вообще не ношу очков.

Майор заглянул в медицинскую карту.

– И правда. Зрение – единица. Извини за поклеп. Исправлюсь.

ГЛАВА 51. Виктор

Уже через час что-то подняло Виктора с постели, и он поспешил в лабораторию. Высоко в небе плыла полная луна, роняя на землю и окрестные здания обманчивый слабый свет и по временам укрываясь за клочками бледно-зеленых облаков.

Темы работ менялись, а их темпы исполнения только увеличивались. Виктор радовался лишь тогда, когда в лаборатории закипала работа по проверке новой идеи и варианты плыли сплошным широким потоком. На проверку идеи уходил месяц-другой, когда бы в мирное время понадобился год. Темы на основе вакууммированного выхода плазм переросли в микробиологию и большую часть времени Виктор проводил у микроскопа.

Его учили, что современная микробиология имеет дело с мельчайшими фрагментами живого тела, а чтобы избежать ошибок и влияния на результаты посторонних факторов, все опыты необходимо производить чисто и тщательно. И Виктор задумал специальную установку. Значит, он должен научиться сооружать камеры, куда потом будут помещаться кассеты с живыми клетками. А это дополнительно знания и умение нескольких рабочих профессий.

Издали доносился колокольный благовест, а с улицы явственно звучали звонкие голоса мальчишек, игравших в войну и разделившихся на проксов и землян. Виктор прислушался, сегодня побеждали проксы, но кричали они “ура”.

Работа в головном закрытом институте была трудная, ответственная и требовала от исполнителя сильной воли. Именно твердость характера Виктора стала основой того, что он не сломался в трудные времена, не скис, выпестовался в классного специалиста, и далее, она послужила причиной назначения на должность заведующего лабораторией, вся работа в которой сводилась к анализу данных, стекающихся из других центров, специализирующихся на заборе штаммов, взятых из женских тел непосредственно на местах, исходя из того, что женский организм – капсула для хранения и передачи генов будущим организмам. О каких специфических местах шла речь, зашифрованных скромными двумя буквами с цифрами под яркими женскими именами, как у дальнево-

сточных тайфунов: “Ненси”, “Клеопатра”, “Нефертити”, “Габриэлла”, Виктор только догадывался. Из горы отчетов, показаний, контрольных проверок и расчетов, вложенных в компьютер, надо было получить результат, а результата не было – штаммы были идентичны по всем критериям “норма” и “схожесть”. В такие моменты у него проступали черты сломленной природы: блеклые глаза, плотно сжатые губы и эти глубокие морщины между бровей.

А жизнь, между тем, не совсем давала питательной почвы для нормального настроения, хороших сообщений появлялось редко, хотя оптимистических рассуждений было сколько угодно, а еще больше заметок о том, что средство против фантомов найдено, но каждый раз на проверку оказывавшимся очередным блефом. Наука все еще пребывала в кризисе, в незнании, глубоко пасовала, психиатрия тоже.

Но вот промелькнула обнадеживающая новость: домой вернулась первая женщина. Как рассказывали, ее двойниковый фантом не выдержал специфического труда и селедочно-картофельного рациона и стигнул: издал последний крик, задымился на глазах у охранников, растворился на месте, а дым столбом пошел вверх. Газеты запестрели о других подобных случаях, описывались подробности, что смерть проксим была однотипной, не похожей на смерть земных женщин. Если тело землян возвращалось в землю к прародителям, то проксимы устремлялись на свою историческую родину через небо.

Первые ласточки в ряду приятных позитивных событий – страна с честью выходила из кошмара.

Виктор, согласно графику, торжественно нажал синюю кнопку, затем зеленую плазмотрона.

ГЛАВА 52. Дима

– Наконец-то! – радостно выдохнул Виктор, но ликование длилось недолго. “Это сколько нужно выждать времени, пока проксимы все до единой вернутся на свою историческую родину?” – прикинул он.

У его друга Димы Рыжикова резко прекратилась переписка и Виктор понял, что жертвы есть не только с той, вражеской стороны, но, как говорится, и со своей нашей. В последнее время у Димы как будто бы обозначился благоприятный знак, появился новый поворот, когда у него затеплилась надежда. Он начал сравнивать любовь с огнем – не сомневаясь, не отрешаясь. Тогда он и в самом деле начал “гореть” гелиевым спектром. И весь жар души, все лучшее в себе предназначил ей – жене Кате.

А теперь снова глаза обращенные внутрь себя.

О чем он думает? Лицо-маска. “Я уже снял маску, – думал Виктор, – а он еще нет”.

Виктор по-прежнему не знал, куда и зачем пропадает Дима, куда и зачем он уходит на ночь глядя, и не стремился узнать. Дима темная личность, сомневался в очевидном и в самом себе. У каждого свои болячки. Это его тайна. Так легче удирать от мучительных наскоков жизни.

На примере неприкаянного друга Виктор тут же проникся жалостью к своей Лоле, поймав себя на мысли, что эта жалость предназначена не меньше почему-то и к

той другой, инопланетянке, с которой ему не суждено будет встретиться, которой никогда не будет хватать.

Телефонный звонок Димы озадачил Виктора. Он ничего толком не понял – отчасти из-за сбивчивой речи Димы, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи.

– Ну, как продвинулись исследования.

Ответ Виктора был уклончив:

– Нормально.

– Ничего не понимаешь?

– В чем дело?

– В том, что вся наша работа – дурость большая.

Сплошная туфта, блеф!

Виктор оторопел.

– Но ведь ты сам принимаешь непосредственное участие.

– Да, но речь о другом. Все коту под хвост! Рано или поздно пришельцы уничтожат нас. Они могут, у них есть все возможности. И они добьются своего, ибо их мышление устремлено к смерти.

Слушая бредовые высказывания Димы, Виктор понял, насколько велико смятение этого человека. Для него узнать о смерти жены не просто ужасно – невыносимо.

Это приступ хандры.

“Его, Димы, роковое обстоятельство, – набрав полную грудь воздуха, подумал Виктор, – невезение, возможно, в масштабах всей страны. Какими словами его подбодрить?”

– Дима, но ты же сам говорил, что невозможно, чтобы наш мир был единственным, однополярным. Должны существовать другие миры, в другой галактике или ином измерении, невидимые для нас, неведомые, непостижимые. Даже если на Земле жизнь прекратится, где-то возьмет разгон другая жизнь, другое биологическое образование, другой разум мудрее нашего. Я не могу доказать, но я верю в это. Твои слова. И вот теперь нет смысла сомневаться в реальности этих высказываний.

Голос Димы был с налётом глубокой депрессии.

– Они прошли по нашим костям. Смерть – вот свет в конце туннеля, который теперь забрезжил для всех нас. Мы впадаем в смерть, сами того не желая.

Депрессия могла перерасти в окончательный надлом.

– Дима, напротив, – крикнул Виктор, – когда сдаемся, когда ломаемся, тогда и выбираем смерть сознательно.

– Они прошли молотом по нашим костям, – снова пробубнил он.

– Молотом или молохом, Дима, неважно. В любом случае лучше проветриться, снять стресс, чем целыми днями сидеть на месте, постепенно теряя надежду и впадая в агонию бесконечной тоски.

– Мы пропали во времени и пространстве.

– Но будущее всё равно прекрасно и непредсказуемо, – не отступал Виктор.

ГЛАВА 53. Парэин

– Ах ты, дрянь! – Военврач вымыл руки, убрал простыню с живота и прощупал его.

Парэин вздрогнула, резко, судорожно, едва его пальцы коснулись ее.

– Начинаем прямо сейчас. – Военврач нахально стоял между согнутыми коленками и в промежутках через эту “дрянь” громко давал указания.

Усатый акушер сбоку подкатил столик с инструментарием. Другой приготовился в изголовье придержать за плечи. Через все уменьшающиеся интервалы повторялась и росла острая боль, как будто в тело вгоняли битое бутылочное стекло, несколько раз, как ни сдерживалась, как ни стыдно Парэин было перед мужчинами, она вскрикнула. От боли. От боли рушился разум. Новые круги в глазах стремительно разбегались все шире.

– Кишка тонка, ты грязная шлюха, плохо тужишься, ты должна тужиться, иначе я предприму искусственные стимулирующие методы, – между тем в оскорбительном тоне говорил врач, недовольный произведенной картиной. – Дайте кюветку, дайте расширитель и щипцы, – обратился он громко к акушеру. – Эта фуфа узнает сейчас, что такое настоящие роды! Узнает, как надо и как не надо рожать!

Тот звякнул какими-то инструментами – угроза врача была реальностью.

Было ли это только припугиванием? Парэин ощущала адскую боль, но вежливо произнесла, хватая ртом воздух:

– Доктор, не могли бы вы поаккуратнее...

– Молчать! Дрянь ты этакая! – раздраженно рявкнул он. – Вы меня раздражаете больше, чем забавляете. Мне все равно, что прервать беременность на любой ее стадии, что дать новую жизнь. Я с юности занимаюсь абортками, я их сделал тысячи. А зачать проксимки мастерицы, вот рожать сейчас мы посмотрим, на что вы способны.

Мысль, что он убьет ее ребенка, заполонила Парэин – она видела злые, черные глаза и злорадное удовольствие.

Усатый акушер как будто угадал ее замешательство.

– Барышня, не бойся, что будет, то будет.

И Парэин что есть сил тужилась, а потом почувствовала облегчение, как из нее что-то тугое выпроставалось, снижая внутреннее давление и боль.

– Ну вот, все нормально, – сказал врач, впервые не выдав на поток слово “дрянь”. Его голос звучал глухо. Казалось, что он говорит откуда-то издали, словно в вакууме. – А теперь просто лежи и отдыхай. Завтра тебе на работу.

– Так сразу и за работу? – удивилась она.

– Встанешь и пойдешь, как лошадь с шага в галоп.

От цинизма Парэин стошнило.

– Что со мной? – спросила она.

Цинизм продолжался. Принесли букетик из трех цветков.

– Ты родила, – сказал врач, подавая их в слабые руки Парэин. – Эти голубые луговые колокольчики означают, что родился мальчик. Рад поздравить.

– Что вы такое говорите?

– У тебя замечательный сын. Ты понимаешь? Странно, что он фантом, а с виду обычный ребенок с нормальными параметрами младенца и с русским архетипом. Удивительно, но факт! Слышишь, как он плачет?

– С ним все в порядке?

– Здоровее не бывает.

– Пожалуйста, покажите мне его.
 – Нужно расслабиться и забытья, совершенно не о чем беспокоиться. Мы не изверги.
 – Все равно. Я хочу увидеть его.
 Врач глядывался в бледное, измученное лицо молодой женщины. Фантом? Удивительно, но такое лицо может быть только у настоящей земной женщины.
 – Поклонитесь, что с ним все в порядке! – потребовала Парэин.
 – Закрой глаза, лежи и не двигайся. Вот так. Вот и отлично. Умница...
 – Я не могу лежать просто так, пока не увижу его.
 – Ты мне надоела со своими идиотскими просьбами. Не разговаривай больше.
 – Почему?
 – Через два года он будет всю калякать, и сводить тебя с ума своей болтовней, как ты сегодня достала меня.
 – Я буду слушать его, как музыку.
 – О Боже! Опять о своем!
 – Я буду хорошей матерью, буду следить за собой, чтобы не пропало молоко. У него будет счастливое детство.
 – Ох, уж эти женщины!
 – Но это же мой сын!
 – Ты придумала ему имя?
 – Имя?
 – Ну да. Славянское или проксимианское.
 – Не знаю. Это получилось спонтанно. Я не успела посоветоваться с мужем.
 – Назови его двойным именем. Первое я предлагаю земное – Любомир.
 Врач поднес ребенка и бесцеремонно, но уверенно продемонстрировал его за ножки вверх тормашками, при этом хлопнув по попке. Получивший импульс, тот закричал басовито.
 – Осторожнее! – вскричала Парэин. – Он выпадет из рук!
 Врач звучно расхохотался, но показал ближе. Ребёнок был – до чего же уродливы новорожденные – маленький, страшно сморщенный, со старческим, ярко выраженным малиновым личиком, с мягкой продолговатой головенкой с редкими кустиками пуха и вздутым, как у дистрофика, животом, в центре которого торчал забинтованный обрубок пуповины. Сквозь туманную пелену в глазах от полусознания она увидела затем крошечный венчик между ног и просияла: ее мальчик, ее сын и лицо было у него ну чистое личико от Виктора. Отныне он был воплощением красоты, смысла и содержания ее жизни, и судьбы всего проксимианского народа.

ГЛАВА 54. Парэин и Фаркнеин

Фаркнеин был как будто зол, неудовлетворен, нетерпение сжигало его.

– В твоих идиотских сообщениях нет полной ясности. Почему я должен тянуть тебя за язык? Где информация, проливающая свет на все человечество?

Парэин смотрела на своего адмирала, и ее печально-вытянутое лицо стало еще печальнее.

– Я, наверное, вас не всегда понимаю?

– Ты просто не ищешь смысла в своих действиях.

– В каких?
 – Ты живешь среди людей как год, а кроме успеха над Виктором и рождения ему сына, ты не можешь похвастать больше ничем.

“Конечно, это все напряжение последних дней, непрестанные поиски фантомов”... – подумала Парэин.

– Какой успех? – спросила она.

– Единственный и последний. Ты сумела втереться в доверие к мужчине и родить.

– Это не настолько большое достижение для женщины, случившееся скорее вопреки, чем благодаря мне.

– Пусть маленький, но успех. Я бы не простил тебе рождение дочери.

– Спасибо за похвалу.

– Это пока аванс.

– Все равно приятно.

– Ты молода, ты красива, а это более чем достаточное условие для хорошего результата.

– Я сделала ставку на долготерпение.

– Ты можешь добиться большего и быстрее.

– Но если от нас, женщин, не всё зависит.

– Каждый делает то, что умеет, занимается тем, к чему испытывает склонность.

Мысли вертляво носились в голове, как пронырливые шмели.

– Не совсем понятно.

– Ты женщина, твое стремление к мужчине заложено в самой природе, энергично и почаще пользуйся ею. За нежелание и другие отговорки вас надо наказывать.

– Я делаю все, что от меня зависит.

– Не ссылайся на трудности.

– Но как?

– Почему у тебя не близнецы? Ты и вправду не знаешь, как использовать свои преимущества?

Парэин стыдливо хранила молчание.

Не поднимая головы, Фаркнеин сказал:

– Я, положим, тоже не могу заглянуть далеко вперед, но интуиция мне подсказывает, что все должно получиться прекрасно, если...

– Вы полагаете, что наша миссия еще не зашла в тупик, не обрела силу?

– Иначе придется запустить на Землю десант мужчин.

В Парэин внутри заклокотало.

– Но это принесет только последующие разрушения, большую кровь и смерть. Мужчины – не слабые женщины, а орудия убийства.

Фаркнеин заметил страх.

– Не бойся, мы уже напугали землян до смерти.

– Мне их жалко.

– Не бери в голову. Ты должна отмести подобные мысли и направить свои действия в нужное русло.

В воздухе промелькнули боевые самолеты, и Парэин, вскинув голову, загляделась на их свободный полет.

– Разумеется.

ГЛАВА 55. Дима

Виктор был на седьмом небе.

Почти одновременно пришли от Лол известия, что они родили, спрашивали новоиспеченного отца, как на-

звать мальчика и девочку, которых пока отняли от матерей и поместили в специальный лабораторный детприемник.

А на работу летел кометой.

В дверях появился Дима в коричневой спецовке лаборанта.

– Виктор, ну как их штаммы себя ведут? – спросил он.

– Все как у людей: делятся, размножаются, воспроизводятся.

– Не вышли ещё из стен лаборатории? – в шутку спросил он.

– Им до разума ещё далеко! – быстро понял шутку Виктор.

Дима стал скучающе смотреть на экран.

– Смотри-ка! Действительно, проглядывается довольно четкая структура!

Прямо на глазах, расширяясь крыльями птеродактиля, перерезаясь посередине невидимым пояском, образование вытягивалось в два лепестка. Лепестки разделились, и каждый из них снова распался на две части. Те еще и еще, заполняя полностью экран...

Дима подскочил на месте испуганно.

– Останови деление немедленно!

– Совсем не собираюсь. Надо проследить динамику, что получится дальше.

Руки Димы сжались в кулаки.

– Убей ее немедленно!

Виктор с легким удивлением взглянул на него.

– Что-о?

– Убей, пока она не вышла из-под контроля!

– Кто, она?

– Амеба, фантом!

Виктор засмеялся, глядя на непрерывно делящуюся массу клеток.

– Это естественный процесс, так и должно быть, амёба для нас классический пример.

– Но это не наша земная амеба.

– А что?

– Иное существо! Через несколько секунд оно будет размером с Землю. – У Димы возникло дикое выражение.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сейчас же прекрати!

Неожиданно он схватил калориметрическую кружку и обрушил ее на предметный столик микроскопа. Грохот металла и звон стекла прорезали тишину лаборатории. Экран погас.

– Псих! Ты, кретин! Что ты наделал? – со слезами в голосе крикнул Виктор. – Ты с ума сошел!

А Дима продолжал неистово втаптывать стекла в пол.

Очувтившись после душной лаборатории на улице, Виктор глотал холодный воздух, пока не проветилировал свои легкие и мысли.

“Загруженность работой оказалась бы для Димы превосходным болеутоляющим средством”, – думал Виктор.

Но Дима не попадался на глаза целую неделю. Что случилось? Где Дима? Виктор находил только одно разумное объяснение: на Диму ошеломляюще подействовала смерть его жены. Проверка чувств, с которой он не справился. Он не мог, не хотел в это поверить.

Дима нашелся в невыразительной, отдающей плесенью пивной забегаловке недалеко от своего дома. Он был уже хорош на пределе, лицо стало одутловатым, под глазами набрякли мешки, и Виктор положил руку ему на плечо. Он вздрогнул, будто Виктор ударил его по лицу.

– Мне страшно, Виктор, – произнес он после небольшой паузы. Ты знаешь, что со мной происходит?

Дима вложил всю энергию в вопрос, для него он был слишком интимен, все равно, что последует признание в потере рассудка или дача показаний против себя.

– Знаю. Печальная новость воспринята тобой, как еще один удар судьбы из многих.

– Нет, не знаешь, – вздохнул Дима. – Мне кажется, что я схожу с ума. Я боюсь всего. Боюсь этой проклятой планеты, боюсь проксим, боюсь собственной тени, а больше всего я боялся жены.

– Вот те на, Дима! Насколько я знаю, ты ее больше не любил.

– А сейчас люблю, а тогда...

Он говорил быстро, глотая слова и слюну, будто опасаясь, что Виктор помешает ему наконец-то высказаться, чтобы открыться.

– Ты не Катю любишь, а ее фантома.

При этих словах Дима совсем сник.

– Виктор, я не должен прятать голову в песок. Отрешенность ученого прямо пропорциональна пассивному состоянию духа.

– Ты здравомыслящий человек, – похвалил Виктор.

– Держись, сегодня нам всем не по себе.

– Заходи вечером ко мне, часам к восьми, – предложил Дима.

Дима требовал к себе особого участия. Виктор обнял его.

– Договорились. Время – великий лекарь.

– И пастырь, – добавил Дима.

ГЛАВА 56. Лисичкин

Ближайшее заседание Физического общества, превратившееся, по сути, в Проксим-пресс-центр, открылось с выступления президента Академии Наук Лисичкина.

– О чем он будет говорить? – спросил Виктор Диму.

– Откуда я знаю! – мрачно ответил тот.

Лисичкин выглядел на трибуне столь же эффектно. Эти месяцы, как и для всех, были для него не лучшими. Высокий, стройный, подвижный, сейчас со светлыми с проседью, гладко зачесанными волосами, он был всё так же безукоризненно элегантен. В нем чувствовалась властная уверенность, заставившая присутствующих прекратить всякие перешептывания. Лисичкин оглядел аудиторию и начал непринужденным, но деловым тоном разговор:

– Что мы имеем на сегодня? Кроме неудовлетворительных результатов – ничего.

Раздались голоса с мест:

– Наука описывает явления и обобщает их, то есть выводит законы природы – и тут ничего не попишешь. Кто-то вырывается резко вперед, а кому-то приходится сидеть на хвосте у них.

– Отрицательные результаты – тоже результаты!

– Но этим только ограничивает себя.

– Наука должна идти рука об руку с другими ведомствами.

– Например?

– С военными.

После этих слов в зале разгорелись еще более жаркие дебаты.

– Военное ведомство? Это ведомство способно мгновенно строить только лагеря по всей стране. Мы еще не избавились от наследия прошлого – жестокого и подозрительного.

– Они считают, что по лагерям женщин можно рассортировать так же легко, как мы, физики, – разделить молекулу на элементарные частицы.

– Поэтому у них к нам особый интерес?

– И давление на нас.

– Ловятся на кажущуюся простоту.

– Они могут все и без участия ученых.

– У них только руки длинные, а ум короткий.

– Мы тоже не знаем сведений об истинном облике и строении высшей формы жизни проксим на их планете.

– И почему одни женщины? А где, простите, мужчины? Или Проксима Центавра однополая система, где мужской вакуум привел к женскому преобладанию?

– Достаточно несколько таких удручающих фактов, и у нас составителся из них верная картина ужасной действительности, истина нам пока не по плечу.

– Почему? Мы уже знаем, что приспособляемость проксим, как живых организмов, к различным жизненным условиям практически не имеет предела.

– Из разряда домыслов. У нас тоже есть примеры, если детям не хватает материнской любви, игр, общения с другими детьми, они это с лихвой компенсируют своей способностью к мимикрии, умудряются, как бы, жить в другом измерении. Взрослым с ними не тягаться.

– Правильно отчасти, как частный случай общепринятого понятия о мимикрии.

– Не хотите сказать, что дети...

– Да, дети – это существа вроде бы низкого, на самом деле высокого порядка.

– Их называют дети индиго...

Высказываниям не было конца и Виктор пожаловался Диме:

– Разговор о многом и в то же время ни о чем. У меня голова кругом идет. Я не в состоянии найти маломальски правдоподобного объяснения.

– Порою я тоже чувствую себя совершенно оболваненным, – признался Дима.

– Чем?

– Не можем с женщинами справиться!

Дима был снова не управляем, но в своей тарелке.

Лисичкин остановил аудиторию поднятой рукой.

– В течение последнего времени мы пытались обобщить результаты многочисленных опытов и сделать соответствующие выводы. И вот что прояснилось и стало неожиданностью: в некоторых случаях материя, подвергаемая воздействию определенной энергии большого порядка, в свою очередь начинает излучать энергию, и это новое излучение содержит неизвестную науке компоненту, которая обладает многими уникальными свойствами, превышающими все, с чем нам приходилось иметь дело до сих пор. Это новое излучение при воздействии, в свою очередь, задает еще более другие уникальные свойства материи. Это многократный многоступен-

чатый процесс. Я не вижу надобности говорить о том, какое историческое значение имеет это открытие, если его до конца расшифровать.

– Автора! – донеслось из зала.

– Это здесь присутствующий Виктор Андреевич Ярсинский!

Дима смотрел на друга удивленными глазами.

– Когда ты успел?

Виктор смущенно поднялся.

А в зале продолжились дебаты:

– Оправдываете фантомов?

– Ну, чего подумали.

– Уверен, вы не станете утверждать, будто змеи или пауки с этими свойствами способны долететь до Земли?

– Долететь могут, но соорудить космический корабль не могут.

Все призадумались.

– Который час?

– Уже 23.

Лисичкин ужаснулся:

– А мне показалось, что меньше.

ГЛАВА 57. Сукойро

“Что занесло вас на чужую планету? Чужая земля... она должна гореть под ногами захватчика. Она мягка только для своих сынов и дочерей и не приемлет чужеземного присутствия врага на дух, даже мертвого”.

В Сукойро образовался и продолжал накапливаться взрывоопасный заряд ненависти, даже сейчас, когда он дал зарок сдерживать себя всеми силами, чтобы ни одним движением не обратить внимания арестанток на то, что он, как, в общем-то, и вся страна в целом, в глубоком замешательстве, что он находится в стадии душевной импотенции.

И на этот раз Сукойро еле сдержал порыв не вскинуться со своего кресла на заключенную. И от усилия, с которым он удержал себя на месте, тело его заныло, как от долгой, нудной и трудной работы.

“Эти двуногие проксимы наводнили Россию и продолжают сеять ужас на жителей России, и звериная хитрость позволяет им избегать ловушек. Вся страна недоумевает, почему их не пристреливают, а предоставляют им свободный эфир охотно позировать перед телекамерами, с улыбками рассказывать о своем пребывании за колючей проволокой... и надсмехаться над своими двойниками? Реклама только для избранных, а у наших женщин нет даже морального удовлетворения...”

Майор в последнее время берёт себя, говоря в полголоса, слушая женщин вполуха, мысленно фиксируя всё: интонацию голоса, выражение лица, жесты, манеру держаться на допросах. На первый взгляд, в поведении женщин ничего подозрительного не было. Всё как обычно. Внешне они были абсолютно спокойны, иногда безразличны, но иногда устраивали экспрессивные выходы. Именно спокойствие днем контрастировало резко с их полуистерическим поведением в ранние и поздние часы, что невольно настораживало и наводило на мысль не проводить ли допросы, именно, в ночное время и затягивать его до утра.

Майор не был закоперщиком этого метода, но идея пришла к нему независимо от знаменитых исторических предшественников.

Работа не продвигалась ни на йоту. “Неужели снова выкрутится, гнида? Неужели она будет праздновать победу над ним и сегодня?” – каждый раз возмущался Сукойро, получивший очередную оплеуху.

Вновь и вновь апеллируя к здравому смыслу, он понял, что привычные критерии здесь не годятся, а просто логические построения с гуманной начинкой с удручающей неизбежностью заводят только в тупик. Понял, что допросы с женщинами надо тщательно готовить, что с ними нельзя вожаться, а вошкаться, тем более, не намерен.

Хватит, право, сюсюкаться.

Необходимо невероятное воздействие на них, которое сильнее, чем просто психиатрическая экспертиза.

Несмотря на свою должность, а может, наоборот, вопреки ей, или благодаря ей, старший дознаватель хорошо разбирался в том, что такое права человека, что такое ценность жизни, желание свободы. Но считать пришельцев людьми он не мог. Не мог и всё. И то, что какая-то там проксима под именем Лола до сих пор портит ему настроение, считал подлой гримасой жизни.

“Боятся. Меня все боятся! И будут бояться! Потому что работа следователя требует вдохновения, самоотдачи и самоотречения. Потому что я обладаю тремя ценными качествами: лёгкостью на подъём, сноровкой и решительностью”.

“Боятся!”

И в то же время похвастаться до сих пор было нечем, успехам было далеко до кружения головы.

Майор уже не подспудно сознавал необходимость принимать самые кардинальные скорые решения, требующие не столько мужества и отваги, сколько обыкновенного практицизма.

Ключом к решению проблемы оставалась психология. В этом Сукойро дознаватель был уверен, как в самом себе, как выпускник столичного университета, которого занесло вон куда далеко. Он пытался снова и снова вспомнить теоретическую часть психологии, которую когда-то основательно изучал, и как проводил практикумы на основе работ физиолога Павлова, Фрейда... и перед ним ну никак не выпестовывалась истина. Картина все также уныло оставалась запутанной, хотя из своей памяти он извлек все, что касается человеческих эмоций, реакций, рефлексов, инстинктов, чувств, ощущений.

Оставалось еще воздействие на болевые точки – другого не дано, и глубокое знание и уверенность, что человек – это сплошной клубок нервных окончаний, близко подходящих к поверхности тела.

Совместить эти понятия. Здесь заложен неисследованный, неиссякаемый пласт, более высокий уровень, можно сказать – высший пилотаж, новое решающее направление в работе, то самое Павловское выделение слюны на специфический раздражитель. Отказ от гладкого и переход к допросу с пристрастием являлся такой же напрашивающейся неотъемлемой необходимостью, как день начинался с утра. Пора было разобраться в таком аспекте как, насколько количественно и качественно равны между собой болевые рецепторы землянок и проксимианок. Майором срочно были прочитаны книги

“Молот ведьм”⁹ и множество пособий для служебного пользования пыточных дел мастеров.

Сукойро обратился в Москву с инициативой разрешить применять, как последнее средство, пытки, для начала хотя бы в ограниченном количестве. Убеждал, что современные допросы в сусальном, бесхребетном их виде выродились, что они превратились в простое доношение до сведения женщин принципиальных позиций государства, на которые они начхали. Доказывал, что проксимианки тоже бренны, материальны, с очень тонкой и чувствительной не только душевной, но и нервной системой и, главное, болевой структурой – факторы, которыми нельзя на данном этапе пренебречь, а, следовательно, без исключительных методов в дознании перелома не добиться.

Он поставил “Молот ведьм” на самое видное для арестанток место и с вождением смотрел на книгу. Он хотел видеть женщин бритыми и чтобы заводили их к нему на допрос непременно голыми и спиной вперед. И даже приготовил каверзные вопросы: “С инкубом или суккубом ты имела половой опыт и далее развратные действия?” Познания майора не распространялись дальше сведений, быстрым чтением почерпнутых из книги, что проникающие в женщину инкуб – это дьявол в облике мужчины, а суккуб – мужчина в облике дьявола. Всё смешалось в голове дознавателя от предполагаемого легкого успеха.

Пакет предложений ушел, и ответа все не было. Москва что-то темнила, затевала и долго думала.

Трудно сказать, чего было больше: растерянности, отчаяния, раздражения, беспокойства. Пожалуй, все-таки раздражения. Сукойро чувствовал, что теряет уверенность в себе, и это медленно, но верно приводило его в ярость. В критических ситуациях приходилось бывать и прежде, но природный ум, смекалка, знания, а позднее и опыт помогали ему всякий раз быстро овладеть положением и, руководствуясь здравым смыслом, принимать точные решения.

В том, что его патриотическая поступь в правильном направлении, сомнений не оставалось. Боль – это всего-навсего состояние мозга, реагирующего на жизнедеятельность всего организма: желез, костей, крови и нервов. Дознаватель может напрямую использовать эту связь. Ему выпала возможность увенчать успехом свою тупую работу смелым экспериментом. Предстояло совершить то, что казалось выше человеческих сил, и он решился на это только потому, что верил в себя и уповал на свои способности. Какое счастье, что у него были большие знания истории тюрем и главное... богатое воображение.

Как дело решенное, он приказал начать оборудовать пыточную камеру в подвале. Уже поставили электрошок, генератор резонансных частот, от применения которых мясо само, как живое, сползло с костей. На потолке и на стенах были вмурованы крючья. В углу стояла жаровня. Персоналу тоже придавалось большое значение, отдавая предпочтение сталинистам. Осталось только дожидаться, когда Москва даст “добро”.

⁹ “Молот ведьм” – “Маллеус малефикарум”, сочиненный двумя учеными монахами средневековой Германии Шпренгером и Инстигрисом. Руководство, как находить ведьм, пытать их и добиваться признания.

Сама по себе камера пыток, стены которой были обиты мягким пластиком, чтобы заглушать крики и стоны, должна была хранить глухое молчание, ее жуткий средневековый вид должен был действовать угнетающе и подавляюще на хлипких женщин, являться хорошим подспорьем в психологической обработке. В воскресенье в День допросов женщин специально вели кружным путем через подвал. Ожидалось, что они начнут раскалываться уже при виде орудий пыток. Но этого, как ни странно, не произошло. Женщины либо не понимали серьезности момента, либо воспринимали, что это камуфляж, детские шуточки.

Некоторое время Сукойро бормотал ругательства в адрес той части галактики, которая называется Проксима Центавра.

Вместо разрешения пришел очередной туманный циркуляр, стоивший всех предыдущих своим тупым приказным требованием: “в срочном порядке предоставить положительные результаты”.

– Подбивают на пытки, а сами умывают руки! – буживал дознаватель. – Как еще взывать к благоразумию целую машину, называемую государством?

О пытках было сказано следующее: “...Это одно. Но вот пытки – другое дело. В настоящее время нецелесообразно, ищите другие форсирующие методы дознания”.

“Дураки, олухи, мозгляки, бюрократы! – бесновался Сукойро. – Истуканы, узколюбые педанты! Что они понимают, там – сидя в кабинетах. Весь мир ограниченный воображением тупиц, как Птолемей, не разобравшийся в грядущей геометрии. Отрубить фаланги пальцев, потом последовательно запястья, руки по локоть, по самое плечо и так далее. Поставить к стенке. Так умеет только правительство недоумков. Это проще, чем от чего-то оттолкнуться и куда-то двигаться прогрессивно. Я предлагаю другое. Это подсказывает сама жи-и-и-знь! Жи-и-и-знь! В ней всякое случается, и ради всего святого всё можно и нужно. Пытки – это полумера. Они еще не крест, не смерть, они оправданы самой жизнью. Во имя жизни! Для жизни! Только за эту мысль можно жизнь положить.”

Принесли новый пакет. “Опять из Москвы...” – отметил про себя майор и сразу стал вскрывать. Его лицо пошло красными пятнами, и скривила страдальческая, не менее брезгливая гримаса. Это были очередные наставления идиотов.

Ночью ему приснился сон, что слово “нецелесообразно” он прочитал как “телесобразно” и отдал приказ о широкомасштабном назначении пыток. С индивидуальным подходом к каждой проксиме, не менее с научным вызовом ко всему антагонистическому, ко всему несовершенному миру...

Камера тонула в зеленом полумраке дыма. “Сегодня я начну очищение нашей многострадальной страны от фантомов, я верну страну в прежнее нормальное состояние. Я возьму всех женщин ещё тепленькими!” – подумал он. Поступили первые клиентки. Работа велась в три смены, что даже мощные по сравнению с ними пыткадотели валились с ног от усталости.

Результаты были ошеломляющими, но не удовлетворили новаторов, не удосуживавшихся задумываться о правильной лексике и однообразно задававших вопросы: “Так ты скажешь по-человечески, с Лебеда ты прибыла или с Альдебарана тебя запустили?” Все женщины, про-

шедшие застенков, выразили полное согласие в том, что они самые, что ни на есть инопланетянки с Проксимы Центавра, проявляя к ней, когда любовь, когда патриотизм, а когда и ненависть – все от умелой дирижерской палочки следователя. Некоторые, не выдержав испытания огнем, признавались, что они с Бетельгейзе, другие – что с Сириуса. Больше всего было марсианок, а потом уж тех, которые свалились с Луны.

Сукойро торопился, выжимая все возможное, его подпирало время. Параллельно шла обработка полученной информации, и через неделю в Москву поспел отчет. Майор был весь в торжественном предожидании очередного повышения по службе, которое не замедлило свалиться на погоны.

Рассеянный взгляд Лолы прошёлся по полкам библиотеки из двадцати книг. “Роза мира” Андреева, Прус... и остановился на “Молот ведьм”. Вот откуда Сукойро черпал приёмы. Вот почему он не стеснён в методах.

Дознаватель сидел за своим столом в чине генерала в красивой и одновременно внушительной позе и спокойно вел протокол, искоса поглядывая на мечущуюся и что-то лопочащую невпопад Лолу. Очень не хотелось отпускать проксиму, не добравшись до самого её горла.

Что до этого не представлялось возможным. И вот теперь...

Долгое время он молчал, слушая её выкрики: “Опричник! Палач! Вот придут наши!”

Пусть помучается, ей полезно. Он не испытывал к ней жалости. Он просто посматривал на нее, наслаждаясь вкусом вседозволенности, блаженствуя от мысли о том, что может сделать с ней все, что угодно. Иногда вставал и прохаживался возле орудий пыток, и потерял бдительность, не заметил, как Лола опрокинула его в жаровню. Раздалось громкое шипение, как будто брызнули водой на раскаленную сковородку. Огонь охватил блестящий генеральский костюм. Сукойро задыхался, не стеснялся в громких выражениях, то есть вопил благим матом, забыв про свое университетское образование... и проснулся от собственного крика весь в поту.

Утром он с солдафонским упорством повторил в Москву просьбу о намерениях, доказывая, что наука распилась в своем бессилии и только интенсивные, наряду с экстенсивными, методы пристрастия пробьют брешь в защите женщин.

Это было его делом долга и чести. И звездного часа.

ГЛАВА 58. Виктор

Гранит, выдержавший испытание временем, не рассыпается!

Видимо положение в стране день ото дня улучшалось, правительство объявило разрешение на посылки и бандероли, и Виктор как курица, выкармливающая не важно кого, утенка или гусенка, безотчетно и слепо отдался непонятному чувству помощи обоим женщинам. Женщина всегда остается женщиной, в любой обстановке, вопреки всему и вся. Виктор живо восстановил почти забытые или уже забываемые за это трудное время картины женской нежности: подведенные тушью глаза, нарумяненные щеки, то длинные, то как можно укороченные платья; вытащил все Лолины вещи, машинально

разделил на две равные кучки из одежды, обуви и косметики. Потом он подумал, что одна посылка, в принципе, лишняя, ненужная, даже вредная. Тем не менее, посылки пошли по адресу ВЛСИ¹⁰ “Марселина” и повторялись с недельной периодичностью.

Что интересно, Лолы оставляли у себя косметику, но возвращали ему банки с запаянной черной икрой. Из принципа, из гордости. Мужчинам не понять.

На улицах, правда, не так много, как хотелось бы желать, стало появляться все больше женщин, как результат продуманных превентивных методов обнаружения фантомов, а попросту – находящихся по подписке о невыезде. Только методы не всегда срабатывающие, как в примере с Лолами, представляющем, вероятно, трудно-разрешимый случай для службы безопасности.

Очень часто Виктор задавал себе вопрос: имеет ли он моральное право поддерживать вторую Лолу посылками и просто словами о любви? А если у Лолы с Проксими любовь к нему настоящая, неподдельная, искренняя, тем более своим проявлением чувств она не однажды доказала ее не хуже земной женщины, пусть и обманым, завлекающим путем? То что тогда?

Он заметался, не находя выхода из сложного положения.

ГЛАВА 59. Парэин и Фаркнеин

Лоле с Проксими впервые не хотелось встречи, как в неё ворвался на связь адмирал Фаркнеин, чудовищно высокий, сутулый, с изборожденными морщинами щеками и безостановочно бегающими глазами. Он традиционно приветствовал ее, подняв руку:

– Парэин, ты не уродлива, ты красива?

Также традиционно, выдерживая проксимианский церемониальный ритуал, сложив руки ладошками вместе и склонив голову, она ответила:

– Я в прекрасной форме. Того и вам желаю.

– Я не помню, как теперь тебя называть в миру?

– Лола.

– Лола-Парэин, ты не забыла правила общежития с мужчинами?

– Не забыла.

– Ничего не упустила из содержания?

– Нет, ничего.

– И комментарии и отступления, все помнишь?

– И примечания и исключения, рекомендации и наставления, все-все!

– Лола-Парэин, мне доложено, что у тебя нет ребенка.

Парэин испугалась.

– Почему, один есть!

– Плохо, очень тривиально. Это в корне недостаточно. Ты – женщина, не выполнившая свой природный долг до конца.

– Но почему?

– Все женщины, которые могут иметь детей, должны рожать с цикличностью хорошей производящей машины. Обязанность женщин – в обязательности выдавать детей, а для тех, которые с Проксими – это закон, возведенный в высшую степень. Тебя трудно уличить в неже-

лании, но удивительно, что, несмотря на твои очевидные неослабевающие влечения и страсти к мужчинам, ты родила только одного ребенка. Это минус, это твой промах. Тебе дана женская слабость, чтобы ты ею, как неотразимым оружием, искусно владела, и в этом твоя не менее разящая сила, твой плюс. Мы рассчитываем на тебя, что ты нагонишь упущенное.

Это был форменный разнос за разгильдяйство. У Парэин сложилось впечатление, что она чувствует себя мучительно виноватой как женщина, которая не поступила в свое время как-то иначе.

– Но у меня нет нормальных человеческих условий для этого, – выговорила она.

– Хочешь сказать, что на Земле перевелись настоящие мужчины, не хватает постелей для зачатия?

– Нет, мужчин много, даже достаточно много!

– И что же – они глубоко пассивны?

– Такое о них не скажешь.

– А ты, в свою очередь?

Парэин вспыхнула.

– Ну, как вам доказать?

На лице девушки появилось нечто такое, чего адмирал не видел давно – пунцовый румянец.

– Преступная халатность, пренебрежение служебным долгом! – Фаркнеин не знал, как образумить эту ленивую женщину.

– Я хорошо выполняю свои обязанности, – встала на свою защиту Парэин.

– Ты знаешь, что такое свойство женщин господствовать над мужчинами, как космический корабль властвует над пространством?

– Знаю.

– Тем не менее, мне доложили, что ты не благоволишь ни к одному из них.

– На данный момент – да, длительная пауза. Но не во мне причина. Политическая объективность... тяжелая обстановка... ненормальная атмосфера лагерной жизни... не способствуют отношениям...

Фаркнеин просматривал в ответе какую-то хитрость, леность ума и, особенно, неповоротливость тела. Подозрительность сменилась недоверчивостью.

– Во все политические ситуации, даже самые смутные, женщины не забывали рожать детей. Хвала их способностям!

– Я стараюсь...

– Уродливо стараешься. Одного желанья мало, должно быть полное преуспевание.

– Но я из кожи лезу, чтобы угодить вам.

– Тогда ты избалована и взбалмошна. Я убежден, что причиной тому является твоя гордыня перед мужчинами. Она оказывает на тебя плохое влияние.

Парэин заплакала. Лоб, ноги и живот покрылись противным липким потом, как тогда, когда ее привели в ночной сорочке, дрожащую от страха, и на свет появился ее ребенок. Она представила этот миг и снова ощутила холодный пьедестал родильного стола, как лежит, накрытая простыней по самое горло, обливаясь потом, как волосы слиплись прядями, как ноги при потугах выворачивались наружу.

Задремавший на солнышке адмирал очнулся от сна и протер глаза.

– Лола-Парэин, я убежден, что твое поведение неестественно логике жизни, неадекватно твоей природе жи-

¹⁰ Временный лагерь содержания инопланетянок.

вотворящей матери, заложенной народом Проксимы. Не рожать – противоречиво, противопоказано твоему высшему существу и даже преступно.

Крупная слеза скатилась по щеке. Парэин от обиды сжала губы.

– Как вы не понимаете?

– В тебе сознание девственницы и ущербной ветренности.

– Это неправда! – обиделась она.

– Ты смотришь на вещи иначе, под другим углом зрения, чем раньше.

– Неправда, неправда, неправда!!!

– У тебя сплошные эмоции, а не чувства, ты самолюбленная натура! Если это будет продолжаться, в наказание я прикажу тебе оказывать внимание самому безобразному старикашке, которого выберу сам для тебя. Сделать это – в моей власти.

Парэин охватило сильное ощущение страха, будто бы вторжение чужого непрошеного сознания в ее мозг было ужаснее любой, не желаемой физической близости.

– Я... я... исправлюсь, – пообещала Парэин. Ужасное состояние от разговора разрывало ей сердце.

– У тебя есть время, Лола-Парэин, – набатом отдавался в ушах громкий голос Фаркнеина. – Небо надежно прикрыто ПВО, вторая часть плана не сработала, в сроки не уложились, экспедиция повернула на Проксиму. Вернемся только через 328 земных лет.

– А я?

Парэин и дальше ощущала, как невидимые щупальца адмирала зондируют ее мозг все сильнее и сильнее...

Пока не протёрла глаза.

Ничего хорошего от встречи не было – сплошное дурное предзнаменование. “Мимикрия сыграла со мной злую шутку! – ужаснулась Парэин. – Я превращаюсь в обычную земную женщину образца этого века, даже образ мыслей у меня стал земной. Разговор с адмиралом – это дурной признак, подтверждающий, что я теряю свои корни и все больше и больше отдаляюсь от народа Проксимы”.

ГЛАВА 60. Виктор

Установка ритмично гудела. Виктор упорно работал. Добавлял в растворы инициаторы, сверял результаты с таблицами из толстенного гроссбуха, но корреляции кривых не совпадали со сводами. Налил кофе. Выпив его с бутербродом, он стал расхаживать по лаборатории, разминая отеки ноги.

Зашел Дима.

– Ну, как плоды твоего гения?

Сказать было нечего.

С непреклонной методичностью робота каждое утро ровно в семь тридцать Виктор добирался до своего лабораторного стола, в четыре пополудни съедал свой невкусный, но необходимый обед, и только в девять вечера возвращался домой. Спасти Лол можно было только ежедневным, изматывающим, каторжным трудом. Как можно скорее найти результат – была его мысль. Трудовой день иногда кончался в полночь. Виктор ложился спать слишком усталый, чтобы принять душ, слишком отупелый, чтобы почитать на ночь, испытывая только

смутное удовлетворение оттого, что ему удалось выполнить хотя бы минимальный объем намеченного графика. А работа двигалась медленно, без отдачи, без срока, без надежды, и отвращение к самому себе быстро росло. Раз в месяц покупал журнал непристойного содержания “Тёрл-инфор”, чтобы посмотреть на красивых рафинированных девушек с длинными ногами и тонкими талиями, но журнал потерял былой блеск, повторяя старые фотографии, натуры художников были больше карикатурны, чем привлекательны, из-за потери практики “живьем” и натурщиц. И Виктор рвал журнал на куски.

С утра нарастала весенняя листва надежды, но к вечеру опадала осенней листвой усталости от жизни, усиливавшейся с прибавлением нового годичного кольца, не принесшего долгожданного успокоения.

Виктор представлял отдых на Черном море, Ялту под лазурным небом, щедрое солнце, вино. Нет, все это не сейчас. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил – таково время, которое не он себе избрал. И чего бы это ему не стоило, он так и будет тащить на себе груз дневных, вечерних и ночных работ. И, главное, – есть что-то токсическое в каждой женщине, – вспоминать Лолу в красном обтягивающем трико или в дико-сиреновом пеньюаре, придававших ей всю прелесть ее красоты: это была та жена, которая распяляла воображение, при этом, как ее существенный недостаток, не утолявшая до конца его жажду мужа. Хотелось приблизиться к тому критическому состоянию, чтобы забыться и крикнуть на всю улицу “Остановись мгновение, ты прекрасно!” И повторять, повторять!

А вторая Лола? Виктор корил себя, что оказался неподготовленным к встрече с внеземным существом. Но вспомнив лицо инопланетянки, он брезгливо содрогался: “до чего хороша!” Не мог не содрогаться, потому что обе Лолы были одно и то же.

Подчиняясь зовущему инстинкту морального самосохранения, он пытался заглушить его необъяснимым, но оттого еще более ожесточенным гневом на Проксиму.

Ужас!Кошмар!

Но мгновенно возвращался к действительности – он всего лишь пленник угрызения совести, испытывающий отвращение к самому себе, какого не помнил с тех давних пор, когда страна угодила в опасную переделку.

Весь вечер допоздна он засиделся над аппаратурой для получения чистого газа в микроволновом диапазоне. Он не знал, насколько далеко продвинулась его работа. Это вопрос жизни и смерти.

А ночью Виктору приснился сон, сопровождаемый музыкой, который он не мог прокомментировать для себя положительно. Он наклонился вперед, растопырил пальцы и на цыпочках побежал к тому месту, где была Лола, чтобы передать ей свое удивление: “Музыка! Какая прекрасная музыка! Такая, как ты!”

Море чувств – он хотел соединить Лолу и музыку в единое целое. Но в музыке почувствовался диссонанс. Это появилась вторая Лола. Глаза животного смотрели спокойно, печально и укоризненно. Виктор переключился на нее и стал тщательно и истово выщеловывать мохнатую часть лица, центром которого был огромный рот, казавшийся необъятным пятном. Прозрачные, обнаженные лапы обвивали его шею. Губы, урчащие от радостного и довольного смеха, принакали к его губам. И он сам страстно искал их встречи... Первая Лола пыталась

оттеснить Вторую, но Виктор отмахивался от нее, уже сделав правильный выбор...

ГЛАВА 61. Лола

Психически напряженная атмосфера лагерной жизни долго не претерпевала положительных изменений, пока во внутреннем распорядке зоны не произошло послабление. Но не настолько, чтобы можно было легко вздохнуть и почувствовать свободу.

Как всегда утренняя переключка, вечерняя переключка. Как всегда, монотонность на разводе в любую погоду. Бывало и ночью, и в дождь, и на лютом морозе на ветру, когда даже собаки прячутся от холода...

Офицеры и надзиратели стояли на своих местах, придерживая на поводках готовых кинуться овчарок. Бригады по четыре в ряд выходили за зону на работы. Сукойро стоял прямо и смотрел, как молчаливо почти нога в ногу топчут грязь арестантки. Он был бледен, но в свете прожекторов все лица вокруг тоже были бледны.

Временами Лоле казалось, что течение жизни сквозит сквозь нее мимо, даже когда она возвращалась на какой-никакой, но все же отдых. «Неужели так будет всегда? – вопрошала она. – Недоверие, противостояние, враждебность».

Двигаясь по чужому бараку, на фасаде которого протянулись черные буквы: «Барак № 12», Лола искала глазами Лжелолу, но не находила. Наконец, обнаружила. Ее двухъярусные нары стояли в середине барака почти на самом проходе. В течение нескольких последующих недель Лола с упорством приходила в барак и незаметно наблюдала за своей визави, пока не поверила в то, что инопланетянка всего лишь плод ее воображения. Она была такая, как все: большие выразительные глаза, на руке пять пальцев, а не семь, не девять, не щупальца с огромными присосками.

Иногда Лола ловила приближающийся к себе недобрый взгляд Проксимы и тогда она быстро уводила глаза и ретировалась прочь, показывая свое равнодушие и презрение.

ГЛАВА 62. Парэин и Фаркнеин

Парэин ждала биосвязи с Фаркнеином на ступеньках крыльца. Лицо ее, освещенное луной, казалось бледным и встревоженным. Она присела на ступеньку, наклонившись вперед, охватив руками колени.

Ее неподвижная поза почему-то напомнила адмиралу его жену. Те же задумчивый взгляд, тонкие пальцы. Он еще издали заметил, что в этой позе чувствовалось еле сдерживаемое ожидание, скорее искренность и убеждение.

Парэин смотрела на адмирала ясными, иссиня-фиолетовыми, лучистыми глазами и смеялась.

– Молодец, что не забываешь о своих настоящих глазах, – похвалил он.

– Вы помните меня? Я – Лола-Парэин. – Ветер разметал ее огненно-рыжие волосы.

Его взгляд метнулся к ее волосам. В нем были недоверие, изумление, смешавшиеся в одну кучу.

– Я всех героических женщин Проксимы помню отлично и их настоящие волосы.

Грустные глаза Парэин спрятались под ресницами.

– Вы меня навсегда оставите здесь?

– Суровая необходимость. Мужайся. Вся ответственность за принятие решений лежит на вас, женщинах. Я дал вам полную свободу действий при любых обстоятельствах.

– Я знаю свой долг и выполняю его до конца. – Худое, с правильными чертами лицо Парэин на этот раз не выражало беспокойство и сожаление. Только все больше растущую уверенность.

– Не будь напыщенно самодовольна и самоуверенна, не всегда прогулка по чистому полю безопаснее, чем по дикому лесу.

– Думаю, что нет, – гордо сказала Парэин. – Просто я научилась ориентироваться в любой обстановке в этой жизни.

– Не извиняйся, прежде ты наделала много ошибок.

– Я понимаю всю неуместность своих оправданий.

– Значит, ты признаешься, что в твоих действиях не все прошло гладко и настойчиво, как надо? – Фаркнеин прибег к непривычной для себя грубой манере разговора, но такого ответа он не ожидал.

– Считаю, что в моих поступках все правильно!

Что удержало Парэин от дальнейшей резкости: любопытство, яркие воспоминания или, может быть, чувство ответственности и долга? Трудно сказать. Она не смогла бы ответить на этот вопрос иначе при всем желании. Скорее воспитание и выдержка. Только подумала: «Вот так. Я тоже умею защищаться».

– Тебе нужна помощь? – Фаркнеин не стал замечать явную грубость.

Парэин отрицательно покачала головой.

– Я имею право оставаться сама собой.

– Конкретно, что тебе нужно?

– Ничего.

– Но это не может продолжаться вечно.

– Мне не так уж плохо.

– Земляне воинственны, неэстетичны, кровожадны, «сволочной народ» – как между собой себя называют. Так разве можно уживаться с такими?

– Я выполняю долг.

– Ты рано или поздно умрешь от скепсиса, – проговорил адмирал, угрожающе понизив голос.

– Думаю, что нет. Прогулка по дикому лесу даже интереснее, чем по чистому полю.

– Среди чуждых тебе людей? Ты будешь одинокой и отверженной.

Парэин вспомнила своего ребенка и Виктора, и ей стало легко на сердце.

– Тем интереснее жизнь, – сказала она.

ГЛАВА 63. Виктор

«Для него есть только одна единственная Лола, другая – Лжелола – для него не существует, но тоже родственная душа и часть его».

Картина вырисовывалась для Виктора довольно туманная и неестественная. Нелепейшее состояние, в кото-

ром он не должен находиться, и, тем не менее, находится.

Виктор стряхнул с себя сонную одурь. “Кто из них? Кто самозванка? Кто Проксима?” Ему стало ясно, что вся заманчивая ясность необычности положения будет безнадежно искорежена, если он будет много думать и залежать в мучительные дебри.

Тем не менее, его угнетала вина перед Лолами. Был физический контакт, прикосновения, объятия. Одного примера было достаточно, чтобы вернуть Виктора к нормальной памяти.

“Вот это кошунство, – растерянно думал он, – я действительно любил Проксиму, инопланетянку чистых кровей. Такое не придумаешь даже в хорошо закрученном кино, и не взбредет же такое в голову! Что за чепуха! Какой у меня к ней интерес: как к возможному партнеру или, на сегодня, изучаемому объекту? Любительский, профессиональный, человеческий, мужской?”

Премилый вопрос.

Это была огромная неразработанная тема: о сексе, об отношениях между чуждыми полами, о процессе воспроизводства с инопланетянками. Все, что широко утаивается, освещается в прессе, но с перекосами, а если и афишируется, то с намеками. Так сказать, информация с наложением широкого табу, как необходимая реакция, в старой терминологии, “на проникновение ползучей контрреволюции”.

Инопланетянка, движимая рукою невидимого режиссера, сделала свое гнусное дело и в то же время не выказала к нему своего взвешанного отрицательного отношения.

“Но ведь молодые неопытные девушки поступают точно так же”. Виктор попытался найти хоть какое-то слабое утешение для себя при мысли, что когда-нибудь встретится со своими Лолами, и тогда после “раундов переговоров” и объяснений внесется ясность по многим вопросам.

ГЛАВА 64. Парэин

Парэин выбрала полнолуние. Мягкий ветерок шевелил волосы, и она глубоко вдохнула воздух, втягивая полными легкими новые запахи. Сердце готово было вырваться из груди. Парэин вышла ночью из барака и ждала биосвязи, но связи не было.

Фаркнеин больше не напоминал о себе появлением и предыдущий разговор, похоже, был им совершенно забыт. Ее бесцеремонным, самым бессовестным образом обманули, забыли, бросили на произвол судьбы.

Минуты!

Казалось, они еле плетутся по ухабам времени, но одна за другой исчезали унылые недели, а вместе с ними уплывала надежда.

Она переводила взгляд с высокого забора с колючей проволокой, тянувшегося в обе стороны и который был прекрасно освещен прожекторами словно днем, на светлое в первых сполохах небо и пыталась в нем из мириада лениво подрагивающих звезд найти Проксиму рядом с Альфой, чтобы бросить им свои проклятья. Но, глядя на проглядывающиеся в разрывах низко летевших облаков последние звезды, на которых концентрировала внима-

ние, она тут же забывала о злости и с нежностью начинала думать: “Где-то ты моя родная наставница Альфа Центавра и моя колыбель Проксима.”

Парэин уже не терзалась против своего отчаянного положения. Она свободно перемещалась по колонии. Достаточно предупредить или обмануть охранников, и можно было пройти в любой другой барак. При таком контроле, она могла изучать жизнь лагеря, земных женщин, и ей не составляло труда накопить кое-какие нюансы из их жизни.

Парэин медленно бродила по лагерю, полностью погруженная в себя. Навстречу шла Лола – ее зеркальное отражение, тоже вся в задумчивости и отрешенности. Мимикрия должна быть полной и естественной. Парэин вела себя точно также, делала то же самое, что и Лола, достаточно было только предоставить свое поведение ее поведению. Женщины прошли мимо на встречных курсах, каждая, гордо вскинув грудь, и не отрывая друг от друга ненавидящих взглядов.

И одновременно обернулись.

ГЛАВА 65. Лола и Парэин

Парэин наслаждалась каждым глотком свежего воздуха, пытаясь разобраться больше в чувствах, чем в запахах, в которые она окунулась с приходом второй весны, и в очередной раз она почувствовала в себе проникающее присутствие Лолы.

Эта встреча была далека от понятия драмы. Лола первая заметила, что слишком часто другая Лола попадает на пути и поэтому со всей прямоотой человека спросила:

– Тебя как звать?

Ответ ошарашил своим много берущим на себя лживым простодушием.

– Лола.

– Премного благодарна, Лола, – с сарказмом сказала Лола, – меня, удивительное совпадение, тоже зовут Лола.

– Очень рада.

– Не много ли Лол на одну колонию?

Парэин не смутилась.

– Две – это не так уж много.

– Так называемая Лола, что вы хотите?

– Хочу извиниться за причиненное вам беспокойство с моей стороны.

Лола смотрела на самозванку и усмехалась.

Проходящим лагерницам было интересно смотреть, как одинаково одетые в ватники две женщины словно в зеркале отражались друг в друге, и слово “Лола” у женщин, рассыпающихся в своих извинениях, перескакивало от одной к другой, как теннисный мячик.

Лола была потрясена, а Парэин рада, что отныне причина для гнетущего беспокойства устранена, а неопределенность канула в вечность.

“У нее просто нет другого выхода, ее толкнуло чувство допустимой необходимости”. Лола еще никогда не видела Лжелолу такой расстроенной и ищущей с ней контакта. Она казалась огорченной в том, что было потрачено много времени впустую на конфронтацию. Хотя еще верилось, даже ощущалось, что это всего лишь театральное представление.

– Чтобы там ни было, предлагаю дружбу, – Лола первая протянула свою руку.

– Дружбу, которую ничто не разрушит?

Лола удивилась неожиданно сильному рукопожатию.

– Ничто. Никогда.

Лолы ушли в барак, сели на нары, одновременно откинули непокорные волосы взмахом головы, обнялись, положив их на плечи, закрыли лица руками и разрыдались.

ГЛАВА 66. Виктор

Подспудно Виктор надеялся на продолжение реформ правительства и стал ждать право на свидания, расставившими бы многие точки над “i”. Это желание на-сущно витало в умах всех мужчин.

Однажды за ним приехали среди ночи, посадили в самолет, ничего толком не объясняя. Летел он два часа, испытывая при этом страшное чувство обреченности. Куда? Зачем? У самого трапа его пересадили в вертолет. Снова два часа полета. У вертолетной площадки ждал закрытый “рафик”. Он рванулся с места и долго несся по лесным дорогам. Виктор подпер голову руками и сидел в такой позе, безвольно подчиняясь толчкам автомобиля, резко подскакивающего на ухабах.

Взвизгнули шины, машина резко остановилась и, вместе с встретившим молоденьким лейтенантом, Виктор прошел на КПП. Прогромыхав засовами нескольких железных дверей, его ввели в пустую комнату. Виктор остался один. Волнение нарастало в нем по мере ожидания, минуты которого показались годом. Через пять минут дверь открылась, едва уловимо вздрогнул воздух, и вошли...

Нет-нет, этого не может быть, не хотелось верить. Виктор обернулся и чуть не упал от подступившей слабости в коленках. Их взгляды скрестились.

Неужели всё закончено? Неужели всё только начинается?

Лолы!!

В них было нечто такое глубокое и символичное, одновременно и легкое и тяжелое, от чего у него сладко заныло в груди.

Жизнь была в каждой ключом, они сохранили к ней любовь. И это было самое главное.

Увидев Виктора, Лолы бросились к нему, отталкивая друг друга, и повисли на шее. Рев, слезы и причитания заполнили комнату, и он почувствовал трепещущие, прильнувшие как пиявки, губы на своих щеках.

Теперь, кажется, Виктор ничего бы не пожалел, только бы остановить это мгновение упорядоченной предсказуемой счастливой жизни. Потому что ему суждено было поделить своё существование на две равные половины в условиях безумия, кошмара и хаоса и отдать предпочтение одной Лоле.

И сердце его радостно забилося. “Все отлично, все хорошо, они живы, здоровы, бодры и милы”. Многое говорили глаза, ясные и выразительные. В них не потерялись и яркие лучи солнца, и задумчивые ночи, и оглушительные сполохи огня.

Были две Лолы, два варианта, и Виктор сомневался, на какой остановить свой выбор, какую целовать.

Вошел майор сухой и прямой, как палка, словно проглотил линейку, и представился:

– Старший дознаватель Сукойро.

Затем спросил:

– Вы успели наговориться?

Виктор не знал, что ответить.

– Вы не забыли этих женщин?

Отрицать или выразить правду, неужели будущий виток преследования? “Этих истеричек, нет, не знаю”, – напрашивалось сказать. Виктор был истерзан, измочален последними событиями опротивевшей жизнью.

– Да, это мои женщины! – вырвалось у него чисто-сердечное признание.

– Успокойтесь, успокойтесь, можете их забрать с собой. Страх от фантомов оказался ложным, надуманным, преувеличенным. Доказательством служит хотя бы тот факт, что они рожают самых, что ни на есть обычных детей: ни чудовищ, ни призраков, ни вурдалаков; те, что остались в живых, самые стойкие, прекрасно ассимилировались в среде земных женщин и российской действительности и совсем не представляют опасности. Пришлось пойти с ними на национальное примирение. Их идейные вдохновители сделали ставку на женщин и окончательно просчитались. Межгалактический эксперимент сложился для них неудачно, оказалось, что проксимианские женщины по своей природе отличаются гипертрофированной потерей чувства родины, амбивалентны.

“Учёные бились головой об стенку, а какой-то сыщик сделал открытие, не сходя с места!” Виктор стоял ошарашенный, только переспросил:

– По отношению к своим они проиграли, потому что не учли нашу особенность: не женщины определяют генофонд, а мужчины?

Майор встал в стойку “смирно”.

– Вечная память погибшим женщинам.

– Меня волнует будущее второй Лолы, – после минуты молчания сказал Виктор.

– Пусть пишет заявление о добровольном принятии российского гражданства.

– А как же двоеженство? – спросил Виктор. – Фактически у меня теперь две жены, две матери моих детей?

Майор пожал руку на прощание.

– В остальном разбирайтесь с ними сами. Взвесьте “за” и “против”, учтите конкретные обстоятельства. Ваши проблемы, вам их и решать. Самое главное – закон, не нарушайте гражданский кодекс о браке и семье, и все будет в порядке.

– Но как – не нарушать? – воскликнул Виктор.

– Вам виднее. Возможно государство сделает послабление таким как вы.

Обе Лолы уже подставляли свои заплаканные лица для поцелуев.

ГЛАВА 67. Парзин и Фаркнеин

В скверике со скамейками, ровными газончиками и цветами у самого фонтана играли ребятишки, раскачивались на кольцах, съезжали с горок. Солнце ослепительно

сияло в ярко-голубом небе. Под ним пышно зеленел парк. Люди были одеты по-летнему, кто в чем, но в облегченном. Они катались на велосипедах, роликовых коньках, читали газеты и книги. Светлоглазый малыш крутил педали трехколесного велосипеда, пронзительно вереща от восторга.

За деревьями на белесом горизонте столицы вырисовывались знаменитые купола церкви Христа Спасителя.

Сложные чувства поочередно отражались на тяжелом широкоскулом лице Фаркнеина, смотревшего на чистенькую, пухлую, в меру покрашенную, с завитыми локонами женщину, не похожую на ту с взглядом истинно-фиолетовых глаз с белками, которые словно пощачьи светились в трюме космического корабля.

– Неужели, это Парэин?”

Адмирал словно снизошел из командирской рубки на землю.

– К сожалению, мы потеряли тебя безвозвратно, Парэин, – удрученно сказал он.

– Почему?

– Выполняя далеко идущие цели, мы оказались в довольно-таки щекотливом и даже скверном положении. И это очень удручает. Особенно ты и все другие женщины.

– Что вас так беспокоит?

Парэин давно не видела адмирала, она смотрела на него и удивлялась. Он сидел на лавочке, возле детской песочницы, под рослыми тополями. Почти низкий, прокуренный голос – как у землян. С седыми висками, выглядывающими из-под линиялого, заношенного головного убора, похожем на картуз, в старом, но крепком пальто темно-серого цвета, застегнутом до самого верха. В одежде он снизошёл до землян, и это был тот самый величественный командир экспедиции! Парэин ещё присмотрелась. Крупный, в синих прожилках нос, маленькие светло-серые, подвыцветшие глаза, смотревшие на неё испытывающе, даже пронзительно, широкий рот с тонкими бескровными губами, словно раскрытыми полостными разрезом скальпеля. В общем, судя по всему, обыкновенный землянин.

Адмирал угрожающе свёл белесые брови и взметнулся мгновенной вспышкой гнева.

– Ты напрасно думаешь, что я ничего не вижу. Я все вижу, все знаю. Я знаю то, что ускользнуло от твоего внимания. К сожалению, ты и вся диаспора проксимианок не выполнили намеченные задачи и мероприятия.

– Просчёт в чём?

– В вас, женщинах.

Парэин ответила:

– Кто-то хорошо всё делает, кто-то из рук вон плохо, но все мы старались как могли.

Хорошенький четырехлетний мальчик, катавшийся на велосипеде, подъехал и указал на свой ботинок.

– Ма, завяжи шнурок.

Парэин ласково улыбнулась, склонившись над ножкой сына, которую тот поставил на скамейку. Он взглянул на изображение Фаркнеина и спросил:

– Вы путешествуете, бабушка?

– Да, внучек, путешествую, – ответил он.

– По Золотому Кольцу России?

– И то, правда. Нет лучше и красивее здешних мест.

“Одно слово – женщины!” – зло подумал Фаркнеин. Он пытался сдержать бушующую в нем ярость, но получилось у него плохо. Он обрушил свой гнев на Парэин как карающий меч:

– Это похоже на дезертирство в стан врага с линии фронта. Никто не говорит, что не надо ассимилироваться, но не до такой же степени, чтобы, в конце, позабыть свою родину, свои корни, чтобы самым бессовестным образом бесследно раствориться в чужом народе.

– Я не преследую такую цель, но так получается. Это природа, – спокойно сказала Парэин.

Она смотрела обескураживающе-честным взглядом добродетельной проксимианки.

Фаркнеин презрительно-ледяным тоном произнёс:

– Ты представляешь собой всего лишь жалкие останки проксимианки.

– С рождением детей женщина переходит в другое качество, – оправдываясь, сказала Парэин.

– Помолчи. И слушай меня. Цепляться за Землю легко, а послать её к чёртовой матери ещё легче.

– Я не знаю, что такое чёрт.

– Но ты знаешь это выражение, и этого достаточно.

– Я не могу послать к чёртовой матери своего мужа.

– Но он тебе не муж!

– Муж! – решительно отрубил Парэин.

В сердитом взгляде Фаркнеина загорелось беспокойство.

– Эдак, вы все очеловечитесь.

– Боюсь, что да.

– Земля – это же глухомань, тьмутаракань, медвежий угол, кудыкина гора. Земляне заселяют все территории, не задумываясь, что они такие же медведи – косматые и нерасторопные.

– Виктор – кандидат наук, будущий доктор наук, диссертация его звучит так...

Парэин была невозможна, и Фаркнеин тут же оборвал её:

– У тебя было достаточно времени и возможностей для решения всех вопросов, для успеха тоже, только ты не воспользовалась ими.

– Да, было...

– И для этого надо было всего лишь...

– Знаю, усердие на грани невозможного...

– Это разве не неповиновение?

– Я боюсь возвращаться на “Вонзар”. Я испытываю вину. Мы не пожалели плоды своего труда.

– Более того, теперь и пренебрежения к Проксиме вам не занимать.

– А может страхи напрасны? – продолжила упорствовать Парэин.

– Как смеешь так говорить?

– Извините, но меня ждет Виктор.

– Очень премило. Всё Виктор да Виктор! Ты причудливо, ты чудовищно глупа, – прибавил Фаркнеин грубо. – Ты прошла строгий отбор, самые разнообразные тесты и испытания. И все коту под хвост. Ум и профессиональное умение, молодость и здоровье, никакие частные привязанности, способность сконцентрировать все свое внимание, все силы на выполнение поставленной задачи – вот, что мы ценили в тебе. Никакая сентиментальная чушь, вроде любви, которая снижает моральный и боевой дух, не должна была возобладать в тебе. Но мы ошиблись...

– Я все понимаю, но не понимаю до конца всех ваших нравоучений, – жалобно проговорила Парэин.

– Откуда у тебя любовь к Виктору?

– У меня любовь к сыну.

“Факт оставался фактом, она еще заставляет меня почувствовать себя идиотом”. Глаза адмирала бесстрастно блестели, на скулах играли желваки.

– Земля разрушила твою реальность! – снова накинулся он. – Ты вне своего мира, вне своего пространства и времени. В своем пристрастии к адаптации в жизненных условиях на Земле, в разыгрывании роли верной возлюбленной и добропорядочной супруги ты зашла слишком далеко. Неспособность проявить нужную инициативу расценивается, как нарушение дисциплины, и будет занесено в твой послужной список. Еще подобные мысли и противоречивые действия, и ты потеряешь всякое моральное право считаться проксимианкой.

– Я решила остаться на Земле.

Фаркнеин предстал в командирской рубке, он вышел из-за стола и стал мерить её широкими шагами. Металлические пластины на подошвах глухо шелкали по каменному полу. Он был зол, нетерпение сжигало его. Хищный нос, ястребиный взгляд. Он ощупывал глазами утонувшую в почтительности Парэин. Пальцы дергались непроизвольно, как в судороге у смертельно раненого хищника. Поднял свое лицо, оно было без взгляда. Долго собирался с мыслями, чтобы снова обрушить собственный ужасный надвигающийся гнев. На лбу его стало заметным красноватое пятно от напряжения. Пальцы скребли друг друга, сжимались с неестественной силой в кулаки, словно пытались кого-то раздавить. В пальцах был его приговор Лоле-Парэин.

Презрение!

С глаз долой!

Уничтожение!

– Слушай мое повеление... – хотел он образумить Парэин голосом уравновешенного аналитика, но от прилившей ярости вместо слов вырвался хрип сумасшедшего произвола. Фаркнеин сдержал злость, откашлялся.

– Срочно к исполнению! Через двадцатое поколение мы должны увидеть явные свидетельства того, что планета Земля генетически сдвинута в нашу сторону!

– Но я не могу любить всех землян, я люблю только одного Виктора! – воскликнула Парэин.

– Ты – идиотка!

– Пусть идиотка!

– Почему ты любишь Виктора? Что в нем такого, чего не видишь в других мужчинах и в наших проксимианских?

Парэин смотрела на адмирала, остро осознавая, что вступает с ним в совершенно новую конфронтацию. Как бы ни был суров этот старый проксимианец, от него уже не зависит установление законов власти над ней.

– Сердца! – сказала она.

Парэин молча села на камень и смотрела, как адмирал отвернулся, нажимая на кнопки пульта. Ее рука ле-

жала на коленях, потом ладонь на ладони, как недавно руки Фаркнеина шныряли на пульте. Но ее руки ничего не искали. В них были умиротворение, покой, терпение и любовь – древние, как весь мир.

– Не хотите ли погостить у нас? – из неприятного русла перевела разговор Парэин с виноватой улыбкой. – Мой муж Виктор и названная сестра Лола будут счастливы встрече с вами, наша комната для гостей всегда к вашим услугам.

– Мне очень жаль, – перебил гостеприимную хозяйку адмирал, – а ты не хочешь разве попасть на родину?

– Хочу.

– Так я пришлю корабль, – миролюбиво предложил адмирал.

– Не надо беспокоиться, я снова беременна.

– Вот как! – Фаркнеин брызнул слюной. – Ты трапишь силы и время на вещи теперь ничтожные и переходящие.

– Я в долгу перед Виктором.

– В чем это заключается?

– Я его преданная жена.

– Ах, вот оно что! – Фаркнеин зло затрясся.

– Я буду растить своего ребенка здесь на Земле.

– Я не ослышался?

– Я наполовину землянка.

– Ты больше – проксимианка.

Парэин подняла глаза к небу, к яркой лазури.

– Земля подарила мне тайну надежды.

– И отняла надежду у тайны.

Парэин подставила лицо ласковому ветерку.

– Я прошу вас об одном – оставить меня в покое.

Лицо адмирала, словно вырезанное из стали, искажилось и налилось кровью, будто покрылось ржавчиной.

– Ладно. Живи с раскрытыми глазами. Широко разверзнутыми как пропасть... – вне себя от сдерживаемого гнева сказал он и отключил биосвязь.

– Хорошо, – просияла Парэин.

– Куда он полетел? – спросил мальчонка. – Мама, куда дедушка полетел?

– Есть такое прекрасное место, оно называется Проксимиия, мой дорогой.

– И мы туда полетим?

– Нет, мой хороший. Мы возвращаемся домой к папе.

– А почему не на Проксимию?

– Потому что нас ждёт папа. Он нас любит...

Через минуту обдумывания Фаркнеин сменил гнев на милость и стал радостно потирать руки.

– Возможно, это и к лучшему, возможно, действия проксимианцев покажутся нелогичными, но за этой нелогичностью будущее! За Парэин я спокоен! Рано или поздно она захочет вернуться на родину. Земляне получили то, чего не придумали бы в самом кошмарном сне – бомбу замедленного действия!

Серебристый треугольник корабля сверкал еще в солнечных лучах.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

ВЫ ПИШЕТЕ СТИХИ...

Менее всего я бы хотел, чтобы эти заметки выглядели как изречения мэтра с поэтического Олимпа к находящейся у подножия толпе. Просто меня попросили высказать некоторые соображения учебного характера, учитывая мой полувековой опыт поэтического творчества и компетентность в поэзии. И в первую очередь мои высказывания обращены к тем, кто находится в самом начале творческого пути и еще не имеет надлежащего опыта и знаний.

Надо сказать, что в стране, наверно, несколько сот тысяч человек одновременно занимаются стихосложением, а в мире, конечно, десятки миллионов. При всем при том подавляющее число людей в течение всей жизни не испытывает потребности в стихотворном самовыражении и прекрасно без этого обходится. Недаром некоторые рассматривают неумную тягу к стихосложению как своего рода аномалию вроде шизофрении. А я лично разделил бы пишущих стихи условно на три основных категории. К первой я отношу людей, которые в той или иной степени владеют техникой стихосложения, но прибегают к нему довольно редко по мере возникающей надобности, обычно бытового порядка: адрес, поздравление, эпиграмма и т. д. Ко второй категории относятся пишущие достаточно регулярно и на разные темы, но они обычно довольствуются небольшой аудиторией в виде родных, знакомых и сослуживцев, так сказать, домашним кругом. Наиболее активной группой являются те, которые стремятся к выходу на большого читателя, т. е. к печати. При этом мера способностей может быть одинаковой у представителей различных групп, хотя у последней, как правило, выше. Кроме того, у них выше обычно уровень признания окружающих или тех, кого можно считать компетентными в вопросах поэзии. Конечно, особняком стоят те, которые регулярно появляются в печати и получили общественное признание. Я не говорю уже о поэтах профессионального уровня. У них уже сложившаяся самооценка, сложившиеся критерии уровня творчества, базирующиеся главным образом на общественном признании. Естественно,

что к ним я адресоваться не буду. Они, как говорится, сами с усами.

Между прочим, умение гладко, технически грамотно писать стихи еще далеко не все. Нужно с самого начала уяснить себе, что такое настоящая поэзия и не обольщаться чисто техническими достижениями. Со школьных лет я запомнил немудреный текст: “кто и шутя и скоро пожелает *пи* узнать число уж знает...”. Если подсчитать число букв последовательно в каждом слове, прибавив к оканчивающимся на согласные (дореволюционное “ять”) по единице, то получишь значение числа *пи* с точностью до одиннадцатого знака. Это тоже стихи, однако никто их не отнесет к разряду поэзии. Просто ритмизированный и рифмованный прозаический утилитарный текст, каких в жизни немало. Но и здесь налицо преимущество стихотворной речи: краткость и выразительность. Ничто не сравнится с настоящей поэтической речью по энергетике мыслей и чувств, причем выраженных в наиболее сжатой форме. В подтверждение этого позволю себе привести краткое стихотворение нашего, безусловно, великого поэта, двухсотлетие которого со дня рождения мы отметили в этом году:

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!
А. С. Пушкин

С пушкинских времен прошло уже порядка ста семидесяти лет, в течение которых пытались реформировать русскую поэзию, по какому поводу в начале двадцатого века особенно старались футуристы, призывав-

шие сбросить Пушкина, а с ним и других классиков “с парохода современности”. Где те революционеры-новаторы? Разве что в истории литературы. А Пушкин себе живет и здравствует. Так что от Ломоносова и Державина до наших дней русская поэзия дошла без принципиальных изменений, не взирая на всяческие формальные изыски и разные “измы”. И не деградировала, о чем свидетельствуют такие гиганты как Блок, Мандельштам, Ахматова, Пастернак и в конце концов Иосиф Бродский, который получил нобелевскую премию уже в наши времена. И, между прочим, в своем творчестве он пользовался приемами традиционной поэзии. Конечно, за длительное время обновлялись словарный запас и изобразительные средства, но в основном изменений не было. В основе осталась все та же силлабо-тоническая система стихосложения, обуславливающая равенство по слогам рифмующихся строк текста и определенную ритмику. И у корифеев и у начинающих все те же стихотворные размеры, основные из которых ямб, хорей, дактиль, анапест и амфибрахий, размерность которых и ритмика наиболее полно отвечают структурным и фонетическим особенностям русского языка. Как известно, в стихотворной строке слова разделяются на равновеликие стопы, включающие одинаковое количество ударных и безударных слогов. От того, сколько слогов и на какой падает ударение и определяется стихотворный размер. Приведем хрестоматийные примеры:

“Мой дядя самых честных правил” — двухсложная стопа, ударение на 2-м слоге, ямб.

“Мчатся тучи, выются тучи” — двухсложная стопа, ударение на 1-м слоге, хорей.

“Как ныне собирается вещей Олег” — 3-х сложная стопа, ударение на 2-м слоге, амфибрахий.

“Тучки небесные, вечные странники” — 3-х сложная стопа, ударение на 1-м слоге, дактиль.

“Вот парадный подъезд, а по праздничным дням” — 3-х сложная стопа, ударение на 3-м слоге, анапест.

Существуют и другие ритмико-метрические структуры, но мы их не будем рассматривать из-за невысокой употребительности. Но попытка как-то обойти жесткую метрическую структуру, как правило, бывает неудачной: стихотворение становится аморфным, разваливается. Правда, знаменитая поэтесса Марина Цветаева как-то заявила о том, что никогда не знала разных ямбов-хореев. Тем не менее, ее стихи имеют довольно четкую каноническую конструкцию.

А вообще-то знание и употребление стихотворных размеров приходит как бы само собой по мере практики стихосложения. Ведь никто обычно не задает себе размера в начале творчества, а он появляется с первой строкой: в самом авторе как бы рождается ритмика будущего произведения. Но надо всегда помнить, что без уверенного овладения стихотворной техникой думать о каких-либо достижениях нельзя.

Теперь мы поговорим об одной из важных составляющих поэзии — рифме.

От качества рифмовки в значительной степени зависит уровень стихотворного произведения. Конечно, бывают стихи без рифм, так называемые, белые или вер-

либр, что характерно, например, для современной французской поэзии, но в русской он не получил какого-либо распространения. Что такое рифма, это известно всем, но на всякий случай обратимся к справочным данным. Рифма (от греч. соразмерность) композиционно-звуковой повтор преимущественно в конце двух или нескольких стихов, чаще начиная с последнего ударного слога в рифмуемых словах. Не влияя непосредственно на ритмостроение стиха, рифма, тем не менее, играет исключительную организующую роль в стихе, особенно при строфической композиции стихотворения. По слоговому объему рифмы делятся на мужские (ударение на последнем слоге), женские (ударение на предпоследнем от конца слоге), дактилические (ударение на третьем от конца слоге), супердактилические (ударение на четвертом от конца слоге). Если рифма оканчивается гласным звуком, она называется открытой, если оканчивается согласным звуком — закрытой. В практике стихосложения сплошь и рядом применяются рифмы неполные, которые именуются ассонансами. Это неточная рифма, в которой совпадают ударные слоги, а концы рифмуемых слов или разнозвучны или приблизительно созвучны. Примеры:

Мне хочется домой, в огромность
квартиры, наводящей грусть.

Войду, сниму пальто, опомнюсь,
огнями улиц озарюсь.

Б. Пастернак

Когда в душе души избыток —
ни мелких чувств, ни слов избитых.

Душа по-новому щедра,
добра, как песенка щегла.

Р. Казакова

Особое место отводил рифме В. Маяковский, который очень много сделал в области ее развития. Он создал рифмы очень выразительные и сильные, каких до него в русской поэзии не было. Он использовал активно составные рифмы, составленные из двух или более слов. Всем, конечно, известно хрестоматийное: ...“юноше, обдумывающему житье, решающему — сделать жизнь с кого, скажу не задумываясь: — делай ее с товарища Дзержинского...”

Его последователем во многом можно назвать известного современного поэта Андрея Вознесенского. Чего только стоят следующие строки:

Наше дело не выживать,
а спидометры выжимать.

Поэтому следует со всей внимательностью относиться к рифмовке, не допуская приблизительных и слабых рифм. Надо, прежде всего, исключить из обихода “ветхие” или давно избитые рифмы типа: любовь-кровь-вновь-бровь, глаза-слеза-гроза, слезы-грезы и т. д. Некоторые не придают этому большого значения, но услышать или увидеть такую рифму равносильно встрече с заезженным анекдотом. И никакие имеющиеся в данном стих-и достоинства не спасут. Следует также избегать отглаженных рифм типа: мешаю-спасаю, мечтаю-

обнимаю, лукавить-оставить, не говоря уже об однокорневых: зашел-перешел, могу-помогу и т. д. Вообще лучше всего рифмовать различные части речи: существительное с глаголом, глагол с местоимением, существительное с прилагательным и т. д. Одним словом рифма должна быть четкой, звучной, впечатляющей, она как бы должна итожить и подчеркивать смысл стихотворных строк.

Таким образом, мы рассмотрели основные составляющие стихотворного произведения. Но главным образом мы касались техники стихосложения и в незначительной степени его содержательной части. Одним же из основных средств художественной речи или тропом является метафора. Метафорическим слово или выражение становится тогда, когда оно употребляется не в прямом, а в переносном смысле. Наша бытовая речь наполнена метафорическими оборотами: он потерял голову, убит горем, высокий голос, тяжелый характер, идет дождь и т. д. Но поэтическая метафора должна отличаться от бытовой свежестью и новизной. Все большие поэты отдали должное метафоре и широко ее использовали. Нередко метафора давалась развернутой, ее житейское выражение развивалось автором. Тут опять придется упомянуть Маяковского, который прекрасно интерпретирует известное выражение “нервы расшатались”: “слышу: тихо, как больной с кровати, спрыгнул нерв. И вот, сначала прошелся едва-едва, потом забегал взволнованный, четкий. Теперь и он и новые два мечутся отчаянной четкой...”

Большим мастером метафоры является и А. Вознесенский. Все его творчество густо замешано на своеобразных выразительных метафорах. С давних пор в моей памяти отложилась одна из них: “И из псов как из зажигаек светят тихие языки...”

Но предположим, что вы добились определенных успехов в стихосложении, у вас нет видимых огрехов,

налицо одобрение окружающих и даже собратьев по перу. Вас даже печатают иногда в газете. Увы, все это отнюдь не критерии вашего уровня. Давайте сразу договоримся: никакой “самодетельной” литературы или поэзии не существует. Это не водка. Или она есть или ее нет. Скидки на то, что автор “ниверситетов” не кончал, нету. Мало того, то, что считается поэзией в наших неискушенных глазах, находящимся на поэтических Олимпах кажется просто графоманскими упражнениями. Так, очень известный в стране поэт Александр Межиров назвал другого менее известного, но тоже признанного поэта Бориса Чичибабина графоманом, но сам удостоился такого же определения со стороны небожителя И. Бродского. Разумеется, большинство читателей, которые хорошо знакомы с творчеством означенных поэтов, вряд ли с этим согласятся, таков разброс оценок. Это говорит о том, что надо к себе относиться более критично. В давние советские времена было не так просто пробиться в печать сквозь различные рогатки, и не только цензурные по идеологии. Не менее жестким был и чисто литературный контроль. Сейчас же можно напечатать что угодно, были бы деньги. К сожалению, свобода обернулась резкой потерей качества массовых литературных изданий. Раньше в каждом толстом литературном журнале сидел литконсультант, который пропускал через себя весь вал приходящих писаний. Большинство он отфутболивал. В числе стандартных советов начинающим было учиться, например, у Пушкина, Лермонтова, Маяковского и т. д. Конечно, классиков надо уважать, но дело не в этом. Можно технически научиться писать как Пушкин или Евтушенко. Но вашей личности в этом творчестве может не быть. Самое главное в поэзии — собственное лицо. Если этого нет, то вы не состоялись как поэт. Ваше творчество мало кому интересно, поскольку никакой новизны не несет.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

ИНТЕРВЬЮ

с писателем Борисом Шаховым

Его рабочий день расписан по секундам. И это неудивительно. Настоящий профессионал трудится, отдавая всего себя. И только тогда приходит успех!

По стенкам висели семейные фотографии, что говорило о культуре семьи. Преобладала Евдокия Васильевна — жена писателя. На столе лежал в красном переплете двухтомник Геннадия Федорова, классика коми литературы. Более капитального собрания сочинений еще не выпускало Коми книжное издательство.

Интервью — это умение ответить красиво на некрасиво поставленный вопрос. И завязалась непринужденная беседа.

Борис Федотович, как живет-может писателю Б. Шахову?

Плохо, как, наверное, и абсолютному большинству населения России. Нельзя считать нормальной жизнь, когда пенсия обеспечивает только пятьдесят процентов прожиточного минимума.

Как складываются у Вас отношения в семье?

Хорошо. С супругой вместе 46 лет, сумели сохранить уважение и доброту друг к другу. Вырастили двоих сыновей, внук окончил 3-й курс института, есть внуки. Проблемы в жизни существуют, но в наших семейных отношениях, слава Богу, проблем нет.

Согласны ли вы с тем, что в каждой семье должен существовать конфликт “отцов и детей”? И на какой стадии?

Нет, не согласен.

Когда писалось легче писателю — “тогда”, во времена так называемого “застоя”, или сейчас, после “перестройки”?

Мне с самого начала писалось трудно, и сейчас пишется не легче. Конечно, занимающийся литерату-

рой должен иметь тягу к этому делу, определенные способности и подготовку, но самое главное — ТРУД!

Какая книга повлияла на Вас в детстве, стала книгой книг Вашей жизни?

Многие из нашего поколения воспитывались (в юности и молодости) на книге Н. Островского “Как закалялась сталь”. Она и сейчас мне нравится, особенно главный герой романа Павлик Корчагин с его сильным характером. Но книгой своей жизни я не могу назвать какую-то одну определенную книгу.

К какой книге Вы возвращаетесь всю свою жизнь?

В основном к классикам русской, зарубежной и коми литературы.

Что сейчас происходит со страной?

Страна находится в состоянии тяжелейшего посткоммунистического “похмелья”. Под лозунгами демократии, свободы слова, печати и частной собственности наиболее пробивные и наглые представители бывшей партийно-советской номенклатуры и советского директората под видом приватизации присвоили государственную собственность, используя ее для личного обогащения, и практически стали полными хозяевами страны. На этой основе произошла криминализация всей экономики. В стране установился невообразимый российский бандитский капитализм, главными чертами которого являются коллапс экономики страны, полный отрыв власти от народа при совершенном бесправии простого человека, поляризация общества на кучку сверхбогатых и нищее население. Так будет до тех пор, пока у власти будет поколение, воспитанное на советской, коммунистической идеологии. Загнать страну в пропасть сумели, но вытащить ее оттуда пробовали Горбачев, Павлов, под руководством одного из представителей бывшей партийной номенклатуры Силаев, потом Гайдар, Черномырдин, Кириенко, Степашин, сейчас пробует Путин — общими усилиями довели жизнь народа до абсурда.

Говорят, что Вы закончили очередную книгу. Каков ее объем и о чем она?

Да, в 1998 году закончил новый роман на коми языке, название “Овлісны-вывлісны” (на русском языке, если удастся перевести, будет называться “У каждого свой крест”). Роман публиковался частями в журнале “Войвыв кодзув” в 1996-98 годах, в конце этого года должен выйти отдельной книгой. Роман получился весьма солидный — почти 30 печатных листов, состоит из трех частей: первая — “Тэ меным муса” (“Я тебя люблю”), вторая — “Лог” (“Ненависть”), третья — “Быдонлон аслас крест” (“У каждого свой крест”). Работал я над ним с перерывами почти восемь лет. Весь роман основан на историческом материале жизни села Изваиль Ухтинского района. Много рылся в государственных и партийных архивах, в архивах КГБ. Результатом работы сам доволен — считаю последний свой роман самым серьезным и глубоким по содержанию. Мне кажется, что впервые в коми литературе в определенной степени удалось достоверно раскрыть, что творилось на гражданской войне и при становлении Советской власти в двадцатые годы на Коми земле.

Насколько благосклонна к Вам критика и как Вы к ней относитесь? Нужна ли она вообще?

В начале моего творчества были благосклонные отклики, среди них выступления известного профессора А. Микушева, народного писателя Геннадия Федорова. В настоящее время считаю, что в литературном творчестве достиг, можно сказать, зрелости, но критики и литературоведы мое творчество не трогают. Да и вообще, литературная критика, как жанр художественной литературы в нашей организации практически отсутствует. И очень жаль — без бескомпромиссной, но доброжелательной и конструктивной критики художественная литература хиреет.

Что означает для Вас успешно работать?

Ежедневно написать хотя бы одну строчку (чтобы не потерять “спортивную форму”), закончить задуманное произведение, издать книгу и получить от читателей отзывы. Буду знать: не зря работал — читают. А если к тому же хорошие отзывы — значит, работа получилась.

Какие уроки Вы извлекли из своей практической жизни?

Обязательно хоть изредка, но надо критически оглядываться назад на свою жизнь, чтобы прикинуть с позиций накопленного опыта, все ли правильно все то, что было.

Как Вы отдыхаете?

В лесу, на речках и речушках. Самый приятный запах для меня запах дыма лесного костра, а огонь костра греет и улаживает и душу и сердце. У лесного костра очищаются и обостряются мысли.

Каким Вы представляете себе идеального читателя Ваших книг?

Умного, у которого после чтения моей книги возникнет желание размышлять над прочитанным, дать свою оценку событиям, описанным в произведении, поступкам героев книги.

Есть ли у Вас любимая поговорка, афоризм, выражающие Ваше отношение к жизни?

Есть, конечно. Из главной молитвы “Отче наш”: “...прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...”. И второе, тоже из “Нового завета”: “...Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и поступайте и вы с ними...” Соблюдение этих христианских морально-этических установок на жизнь делает человека чище, добрее.

Можете Вы сказать, что через прозу (литературу) познали себя?

Себя — не знаю, но литература мне позволила глубже вникать в жизнь, лучше понимать людей.

Могли бы Вы что-нибудь посоветовать молодым писателям?

Если очень хочется писать — надо очень много работать. И читать. Написанное должно быть достоверным: сам пережил-перечувствовал, знаешь из абсолютно достоверных источников. Помнить, что любая недостоверность, неправильно и неточно использованные даже детали вызывают недоверие читателя к написанному и автору. И всегда не забывать: читатель как минимум не глупее тебя.

Беседовал **Алексей МИЛЬКОВ**

ПЕРСОНАЛИИ

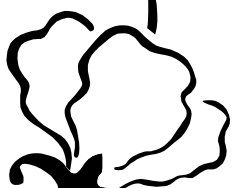
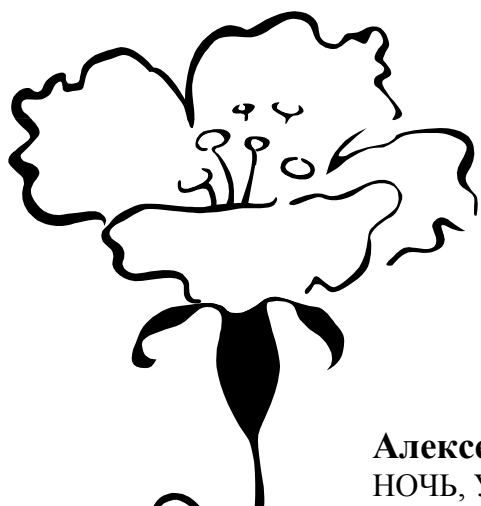

МИЛЬКОВ Алексей Леонтьевич

(смотри биобиблиографическую справку в “УЛ” № 1.98 г. и “УЛ” № 7.99 г.)

1996 г. Турция. Анталья. “Пальмарива”. С женой Раисой Сергеевной.

СОДЕРЖАНИЕ

- Алексей МИЛЬКОВ**
НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА 1 стр.
- Игорь ТЕРНОВСКИЙ, Алексей МИЛЬКОВ,
Павел КОРЮГИН, Александр МАКСИМОВ**
МЫСЛИ, ФРАЗЫ, АФОРИЗМЫ 3 стр.
- Алексей МИЛЬКОВ**
ПРАЗДНИК В ТУШИНО (черная страница в истории России)
(НФ роман) (Комментарий Игоря Терновского) 8 стр.
- Игорь ТЕРНОВСКИЙ**
ВЫ ПИШЕТЕ СТИХИ 69 стр.
- Борис ШАХОВ**
Интервью 72 стр.
- ПЕРСОНАЛИИ 75 стр.

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91
Игорь Терновский 6-12-46

Отпечатано на производственной базе
ОАО Лукойл Ухтанефтепереработка (УНПЗ)
Генеральный директор Клеонский И.Г.